
Барбара Пим
Замечательные женщины

Замечательные женщины
Барбара Пим

Аннотация
Барбара Пим. Замечательные женщины
Предисловие
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19

Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27

Аннотация

Изящный, нестареющий роман, полный истинно британского юмора!

Милдред Лэтбери – одна из тех «замечательных женщин», чьи достоинства все воспринимают как должное. Для друзей и знакомых она – истинный дар небес. Невозмутимая, исполненная здравого смысла, Милдред способна с легкостью справиться с любыми проблемами: она умеет и роды принять, и в последний путь проводить.

А еще – устроить истинно английское чаепитие, организовать свадьбу, благотворительный базар и, пожалуй, хорошую погоду обеспечить, чтобы все прошло безупречно.

Но вот беда – все чаще Милдред поневоле втягивается в перипетии чужих жизней, особенно в сложные отношения новых эксцентричных соседей Нейпиров. Казалось бы, ей надо просто сохранять строгий нейтралитет. Но язвительный Роки Нейпир, похоже, уже не может обходиться без общества Милдред, да и сама она все реже думает о викарии, которого все прочат ей в мужья, и день за

днем ждет на чай блистательного соседа…

Барбара Пим
Замечательные женщины

Моей сестре посвящается

Barbara Pym
EXCELLENT WOMEN
Печатается с разрешения наследников автора, литературного агента Laura Morris и литературного агентства The Buckman Agency.
© Barbara Pym, 1952
© Перевод. А. Комаринец, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Предисловие

Джеймс Тербер однажды написал, что разница между английским и американским юмором заключается в том, что если американский превращает экстраординарное в обыденное, то английский как раз поступает наоборот, превращая обыденное в экстраординарное. С этим замечанием, возможно, согласятся почитатели Джейн Остен, равно как и поклонники неувядающих романов о мисс Мэпп и Лючии Э.Ф. Бенсона. Барбара Пим принадлежит к той же категории: ее творчество даже более вышеупомянутых авторов иллюстрирует тезис Тербера об английском юморе. Ее проза восхваляет мелочи жизни, и, если подходить с такой мерой, «Замечательные женщины», несомненно, являются одним из самых очаровательно-забавных английских романов двадцатого столетия.

Подобно Джейн Остен, Барбара Пим создавала свои виньетки не на широком полотне, а на маленькой пластинке слоновой кости и описывала приблизительно тот же мир, что и ее более известная предшественница: мелочи из жизни

незначительных людей, прожитой в английской провинции. В «Замечательных женщинах» читателю дают понять, что не так давно закончилась война, но о том, что это за война, речь не заходит. У Джейн Остен тот факт, что на континенте бушуют Наполеоновские войны, едва ли отпечатывается в сознании персонажей. И все же, хотя романы Барбары Пим невообразимо далеки от глубоких политических и социальных проблем, они напоминают о том, что удел литературы, среди прочего, — воссоздавать пеструю картину мелких забот и тревог, составляющих нашу повседневную жизнь. Именно это наделяет ее романы непреходящей притягательностью.

«Замечательные женщины» — второй опубликованный роман Барбары Пим и, по мнению многих, самый лучший. Свою первую книгу, «Молодые люди в маскарадных костюмах», она написала в шестнадцать лет. Чудесное название этого подросткового произведения, возможно, позволило предвосхитить будущее: мужчины, молодые и не очень, оказываются в центре всех ее романов: мужчины, за которыми иронично и иногда мечтательно наблюдает рассказчица, приносят радость и разочарование (по большей части последнее) героиням всех ее книг. «Заме-

чательные женщины» — роман о мужчинах, и населяющие этот роман замечательные женщины замечательны как раз потому, что таковыми их называют мужчины.

Первый роман, написанный Барбарой Пим уже в зрелом возрасте, «Та еще робкая газель», был поначалу отвергнут рядом издательств. Такого следовало ожидать: лишь немногим романистам улыбается случай, и их произведения с распростертыми объятиями принимает первый же издатель. Многих, без сомнения, отказ обескураживает настолько, что они вообще бросают писать. Барбара Пим писать не бросила, и в 1950 году. «Та еще робкая газель» увидела свет. Два года спустя к публикации были приняты «Замечательные женщины».

На протяжении следующих одиннадцати лет Барбара Пим продолжала писать свои крайне индивидуалистичные, камерные романы. Хотя ее слава росла, она оставалась скромной писательницей и не бросала довольно скучную работу в Международном институте Африки, послужившем немалым источником вдохновения для некоторых ее романов. Затем, в 1963 г., произошла катастрофа. Барбара Пим послала рукопись своего нового романа «Неуместная привязанность»

издателю Джонатану Кейпу и в ответ получила отказ. На то существовали различные причины, но сама Пим в качестве объяснения приводила следующее: ее манера письма — и описываемый ею мир — были сочтены старомодными. В этом есть доля истины: 60-е годы были эпохой интеллектуальных экспериментов и стремительных социальных изменений. Разумеется, Барбару Пим сочли бы старомодной в десятилетие «детей цветов» и наркотиков, и издатели, подобно всем остальным, тоже оказались во власти пьянящей атмосферы того времени. Но факт остается фактом: в результате злополучной погони за духом времени, а также ряда последовавших отказов известная писательница замолчала на четырнадцать лет. Барбара Пим продолжала писать в стол — возможно, не так плодовито, как если бы ее рукописи публиковались. И в этот период ее читатели, разумеется, были лишены того удовольствия, какое могли бы принести им ее произведения.

Запоздалый ренессанс наступил в 1977 году, когда два влиятельных критика — Филип Ларкин и Дэвид Сесил — развернули кампанию в пользу ее книг в «Литературном приложении» к «Таймс». Теперь ей наконец воздали должное,

и те, кто прежде ее игнорировал, засыпали ее приглашениями. Какое же это было удовлетворение — пусть не для нее самой, так по крайней мере для ее друзей. В какую неловкую ситуацию попали те, кто полагал, что строгая диета из неприкрашенного социального реализма и откровенных сцен совокуплений — как раз то, чего желает читатель, а значит, и все, что он должен получать. Все это время читатели — или довольно большая их часть — тосковали по мелким радостям, прекрасному суховатому юмору и гениальным миниатюрам романов Барбары Пим. Нечто подобное произошло и в детской литературе: детей потчевали нравоучительными и образовательными, но очень скучными историями, тогда как на самом деле им хотелось читать о приключениях и — хотите верьте, хотите нет — жизни в закрытых частных школах. Со временем все это дала им мисс Роулинг.

После смерти Барбары Пим ее слава нисколько не поблекла, напротив, она постоянно растет. Об этом свидетельствует тот факт, что ее имя стало нарицательным — это лучший комплимент, каким могут наградить автора последующие поколения. Такое произошло с очень немногими романистами: можно отметить Грэма Грина, чье

имя не только стало нарицательным, но и дало название Гринландии — стране убогих гостиниц и забытых колониальных уголков. Так вышло и с Хемингуэем: жизнь, которую называют «хемингуэевской», наполнена боями быков, охотой и морской рыбалкой. Когда то или иное явление называют «очень пимовским», это означает, что речь идет о саморефлексии и остром осознании ничтожности собственной жизни, проходящей на «обочине». «Пимовское мгновение» переживаешь и тогда, когда понимаешь, что никогда не станешь предметом большой любви для тех, за кем наблюдаешь. Теплой приязни — возможно, но глубокой и страстной любви — никогда. По сути, ты и права-то на такие эмоции не имеешь, пусть и утверждается, что наблюдение за ними в других возвышает душу.

Описанный в «Замечательных женщинах» мир — мир недостатков и благородного обветшания. Тут нет истинной бедности или нищеты — это не является областью Барбары Пим. Персонажи этого романа знали лучшие дни: они из пасторской среды, но теперь в складчину снимают квартиру, способны оценить пищу лучшую, чем консервы, которыми теперь питаются, и в их жизни когда-то было побольше света.

Узнаваем ли этот мир для современного читателя? На мой взгляд, да. Несомненно, сегодняшний Лондон очень отличается от описанного Барбарой Пим. Он более космополитичен, более опасен, более, чем когда-либо, оторван от сельской местности, но все равно узнаваем. И «Замечательные женщины», как и прочие романы Пим, выходят за рамки конкретного исторического фона, поскольку повествуют о человеческих устремлениях и надеждах, которые немногим отличаются от наших сегодняшних: все мы в чем-то себя не реализовали, всем нам хочется, чтобы все у нас было чуточку лучше. Мир смутных устремлений подан в романе так, что не просто показывает, как могут саднить несбывшиеся надежды, но и позволяет над ними улыбнуться. Читая Барбару Пим, не рассмеешься — это было бы чересчур. Но улыбаешься и откладываешь книгу, чтобы с удовольствием улыбнуться еще раз. Потом возвращаешься к чтению, и через несколько минут какое-нибудь неожиданное замечание о человеческих слабостях вызывает новую улыбку.

Как раз такие ремарки, на мой взгляд, и делают «Замечательных женщин» настолько притягательными. Сам сюжет не лишен интереса, но именно описание мирка, в котором живет рас-

сказчица, и скромных удовольствий, которые она в нем находит, не позволяют отложить книгу. В самом начале Милдред, например, говорит: «Как часто я почти со стыдом бормотала: “У меня общая ванная”, — будто меня лично сочли недостойной собственной ванной комнаты!» Сама мысль о том, что кто-то может быть недостоин собственной ванной комнаты, неожиданна, но забавна, потому что это crie de coeur[1] — выражение неосуществленных стремлений, желания быть тем, кем судьба никогда не позволит тебе стать. Нам всем хочется быть счастливыми — нам всем хочется иметь собственную ванную комнату, — но это счастье для огромного числа людей оказывается недостижимым. Мы все наполняем свою жизнь мелочами, и эти мелочи приобретают для нас огромное значение. Барбара Пим это понимает и, так ярко рисуя мелочи, помогает нам проявить больше сочувствия к ближним. Если признаком великого романа считать то, что он заставляет читателя сопереживать его персонажам, пробуждает в нас способность сочувствовать людям, то «Замечательные женщины» в каком-то смысле — незначительный

[1] Примечания: 1
Крик души (*фр.*) — *Здесь и далее примеч. пер.*

роман об очень малом, а в каком-то — великий об очень многом.

Александр Макколл-Смит, 2008 г.

Глава 1

— Ах, женщины-женщины! Если где-то что-то происходит, вы уже тут как тут!

Голос принадлежал мистеру Моллету, нашему церковному старосте, и от его плутоватых ноток я виновато вздрогнула, точно меня застали за чем-то неприличным и я не имела права показаться у собственной входной двери.

— Новые жильцы въезжают? Судя по мебельному фургону, я бы сказал, что да, — высокопарно продолжал он. — Уж вы-то, надо думать, знаете толк в таких вещах.

Полагаю, незамужней женщине чуть за тридцать, которая живет одна и не имеет родных, следует ожидать, что ближние подумают, будто она станет совать нос в чужие дела, а если она еще и дочка приходского священника, то можно сказать, что ее положение действительно безнадежно.

— Однако tempus fugit[2], — крикнул на бегу мистер Моллет.

Мне пришлось согласиться: мол, действитель-

---

[2] Примечания: 2
Время бежит *(лат.)*.

но так, но на пороге я замешкалась — посмотреть, как грузчики спускают на мостовую пару стульев. Поднимаясь к себе в квартиру, я слышала чьи-то шаги в пустых комнатах подо мной: шаги гулко отдавались по голым половицам, очевидно, кто-то решал, как расставить мебель.

Наверное, это миссис Нейпир, подумала я, поскольку заметила письмо с пометкой «В ожидании прибытия», адресованное миссис Нейпир. Но теперь, когда она наконец прибыла, мне вдруг не захотелось с ней встречаться, поэтому я поспешила к себе и начала прибираться на кухоньке.

Столкнулась я с ней ближе к вечеру у мусорных баков. Мусорные баки в подвале находились в общем пользовании. На первом этаже нашего дома располагалось несколько контор, а над ними — две квартиры, не вполне отдельные и без удобств. Как часто я почти со стыдом бормотала: «У меня общая ванная», — точно лично меня сочли недостойной собственной ванной комнаты!

Низко нагнувшись над баком, я выскребала чаинки и картофельные очистки со дна помойного ведра, а потому очень смутилась от такой встречи. Я собиралась как-нибудь вечером пригласить миссис Нейпир на кофе. Мы познакомились бы на изысканный и цивилизованный манер — с мо-

ими лучшими кофейными чашками и печеньем на серебряных тарелочках. И вот я стою в самой поношенной своей одежде, с помойным ведром и корзинкой для мусора.

Первой заговорила миссис Нейпир.

— Вы, должно быть, мисс Лэтбери, — сказала она вдруг. — Я видела вашу фамилию у второго звонка.

— Да, я живу в квартире над вами. Очень надеюсь, что вы хорошо устроились. Переезжать всегда так хлопотно, правда? Кажется, сколько ни трудись, вещи никогда не встанут по местам, и вечно теряется что-нибудь нужное, заварочный чайник или сковородка…

Банальности легко срывались у меня с языка, возможно потому, что юность в сельском приходе научила меня справляться почти с любыми потрясениями и я даже знаю, как вести себя в «великие мгновения жизни» — рождения, брака, смерти, успешной воскресной ярмарки, праздника в саду, испорченного плохой погодой… «Милдред — такое подспорье своему отцу», — говаривали у нас в приходе после смерти мамы.

— Приятно будет знать, что в доме живет кто-то еще, — добавила я, поскольку в последний год войны мы с моей подругой Дорой были здесь

единственными жильцами, а потом я еще месяц жила совсем одна, так как Дора съехала, получив место учительницы в загородной школе для девочек.

— Боюсь, я мало бываю дома, — поспешно ответила миссис Нейпир.

— Разумеется, разумеется, — дала я задний ход. — И я тоже.

На самом деле я почти всегда была дома, но прекрасно понимала ее нежелание завязывать более тесное знакомство, которое может превратиться в обузу. На первый, поверхностный взгляд ничто тесной дружбы не предвещало: она была хорошенькой блондинкой, одетой в модные вельветовые брюки и яркий кардиган, а я, сама по себе невзрачная и серенькая, лишь привлекала внимание к этим своим качествам обвисшим халатом и старой бежевой юбкой. Позвольте добавить, что я совсем не похожа на Джейн Эйр, давшую надежду множеству некрасивых женщин, которые охотно принимались рассказывать свои истории, да никогда и не считала себя на нее похожей.

— Мой муж служит во флоте, но скоро выйдет в отставку, — почти предостерегающе сказала миссис Нейпир. — Я готовлю квартиру к его приезду.

— А, понимаю.

Интересно, что могло привести морского офицера и его супругу в эту захудалую часть Лондона? Наши места совсем «с не той стороны» от вокзала Виктория и далеко не Белгравия, и, хотя сама я питала к ним сентиментальную привязанность, обычно они не притягивали людей с внешностью миссис Нейпир.

— Наверное, все еще трудно найти квартиру, — продолжала я, подстегиваемая любопытством. — Я живу тут уже два года, и тогда было намного проще.

— Да, я ужасно намучилась, и это действительно не совсем то, что мы хотели. Меня отнюдь не греет мысль об общей ванной, — сказала она прямо. — И даже не знаю, что скажет Рокингхем.

Рокингхем! Я ухватилась за это имя, точно нашла в мусорном баке драгоценный камень. Мистера Нейпира зовут Рокингхем! Как же человеку с таким именем будет неприятно делить с кем-то ванную!

— По утрам я все делаю очень, очень быстро, — поспешила сообщить я, — а по воскресеньям обычно рано встаю, чтобы пойти в церковь.

На это она улыбнулась, а потом сочла необходимым добавить, что сама она в церковных

службах смысла не видит.

Наверх мы поднимались молча — каждая со своим ведром и корзинкой. Шанс «нести Слово Божие», к чему всегда побуждал нас священник, представился и миновал. Мы уже были на ее площадке, когда, к моему немалому удивлению, она спросила, не зайду ли я на чашку чая.

Не знаю, действительно ли старые девы любопытнее замужних женщин, хотя, полагаю, они считаются таковыми из-за пустоты собственной жизни, но не могла же я признаться миссис Нейпир, что не далее как сегодня после чая я специально взялась подметать свой лестничный пролет, чтобы, заглядывая между столбиками перил, посмотреть, как вносят ее мебель. Я уже заметила, что у нее есть кое-что недурное: бюро орехового дерева, резной дубовый сундук и набор чиппендейловских стульев, — а последовав за ней в квартиру, увидела, что она счастливая обладательница кое-каких интересных безделушек: викторианских пресс-папье и «снежных шаров», очень похожих на те, какие стояли на моей собственной каминной полке.

— Это Рокингхема, — пояснила она, когда я выразила свое восхищение. — Он собирает вещи Викторианской эпохи.

— Мне и собирать не надо было, — отозвалась я. — Раньше я жила в пасторате, и дом был полон таких мелочей. Очень трудно было решить, что оставить, а что продать.

— Наверное, это был большой, неудобный сельский дом с гулкими коридорами, масляными лампами и множеством нежилых комнат, — сказала она вдруг. — По ним иногда испытываешь ностальгию, но жить в таком мне бы совсем не хотелось.

— Он таким и был, но очень приятным. Здесь мне иногда кажется тесновато.

— Но у вас-то, разумеется, больше места, чем у нас?

— Да, еще и чердак, но комнаты довольно маленькие.

— И, опять-таки, общая ванная, — пробормотала она.

— У ранних христиан все было общее, — напомнила я. — Надо быть благодарными, что у нас отдельные кухни.

— О, боже мой, да! Вы бы меня возненавидели, будь у нас общая кухня. Я такая неряха, — добавила она почти с гордостью.

Пока она готовила чай, я занимала себя тем, что рассматривала ее книги, стопками лежащие

на полу, многие из которых, как казалось, обладали невнятным научным свойством. Была еще груда журналов с зеленой обложкой и довольно суровым и удивительным названием «Человек». Мне стало интересно, о чем в них пишется.

— Надеюсь, вы не будете против, что чай в кружках, — сказала она, входя с подносом. — Я же вам говорила, что я неряха.

— Нет, разумеется, нет, — сказала я, как полагается в таких случаях, подумав, что Рокингхем был бы очень и очень против.

— Стряпней занимается, когда мы вместе, по большей части Рокингхем, — сказала она. — Я, право же, слишком занята, чтобы все успевать.

«Как жена может быть настолько занята, чтобы не успевать готовить мужу?!» — подумала я изумленно, беря с предложенной мне тарелки толстый кусок хлеба с джемом. Но, возможно, Рокингхем с его пристрастием ко всему викторианскому еще и любит готовить, поскольку, как я подметила, мужчины обычно не делают того, что им не нравится.

— Наверное, он научился во флоте? — предположила я.

— Да нет, он всегда был отличным поваром. Флот, по правде сказать, ничему его не научил. —

Она вздохнула. — Он служит флаг-адъютантом у одного адмирала в Италии и последние полтора года жил на роскошной вилле с видом на Средиземное море, пока я болталась по Африке.

— По Африке?! — изумленно повторила я.

Неужели она все-таки миссионер? Она совсем не годилась для такой роли, к тому же я вдруг вспомнила ее слова о том, что она никогда не ходит в церковь.

— Да, я антрополог, — объяснила она.

— О!

Я не нашлась, что сказать от удивления, а еще от того, что не знала точно, чем занимается антрополог, и никакое разумное замечание мне на ум не пришло.

— Насколько я понимаю, Рокингхем ничем там особенным не занят, только пачками очаровывает скучных девиц в плохо сидящей белой форме из вспомогательного конкурса.

— Но, право же… — запротестовала было я, но потом решила, что, в конце-то концов, это вполне достойная работа. Священники часто преуспевают на этом поприще, и, так как многие прихожане действительно носят скучную, плохо сидящую одежду, обаятельная любезность входит у духовных лиц в привычку. Но я и не

подозревала, что таких умений следует ожидать от морских офицеров.

— А теперь мне надо обрабатывать полевые заметки, — продолжала миссис Нейпир.

— Ах да, конечно. Как интересно…

— Ну…

Встав, она поставила кружку на поднос, — мне в этом почудился приказ «Вольно! Разойтись!».

— Спасибо за чай, — поблагодарила я. — Вы обязательно должны прийти ко мне, когда обустроитесь. Пожалуйста, дайте мне знать, если я могу чем-то помочь.

— Спасибо, не сейчас, — отозвалась она. — Но, возможно, позже…

Тогда я пропустила ее слова мимо ушей. Маловероятным казалось, что наши жизни могут как-либо соприкоснуться помимо случайных встреч на лестнице и, разумеется, общей ванной.

Возможно, мысль об удобствах тоже пришла ей в голову, потому что, когда я уже поднялась на полпролета, она вдруг меня окликнула:

— Кажется, я пользовалась вашей туалетной бумагой. Постараюсь не забыть принести свою, когда ваша кончится.

— Да нет, все в порядке! — крикнула я в ответ, несколько смущенно.

Я принадлежу к кругу, где о таких вещах не кричат, но все равно понадеялась, что она не забудет об обещании. Необходимость покупать туалетную бумагу на троих показалась мне довольно обременительной.

Войдя к себе в гостиную, я с некоторым удивлением обнаружила, что уже почти шесть. Должно быть, мы проговорили больше часа. Я решила, что миссис Нейпир мне не слишком нравится, но потом принялась упрекать себя в недостатке христианского милосердия. Обязательно ли все должны нам нравиться? Возможно, нет, но не следует судить ближних своих, которых мы знаем чуть больше часа. И вообще, не наше дело судить. Я так и слышала, как отец Мэлори говорит нечто подобное на проповеди, и как раз в этот момент часы Сент-Мэри пробили шесть.

Шпиль церкви виднелся за деревьями на площади. Теперь, когда они сбросили листву, церковь выглядела даже красиво: она поднималась среди фасадов домов с облезающей штукатуркой такая чопорная и викторианско-готическая, пожалуй, уродливая внутри, но очень для меня дорогая.

В нашей округе имелось два прихода, но церкви Всех Душ я предпочла Сент-Мэри — не только потому, что она была ближе, но и потому, что она

была «высокой»[3]. Боюсь, мои бедные родители никак бы этого не одобрили: я так и видела, как мама, поджав губы и качая головой, испуганно выдыхает шепотом: «Ладан!» Но, возможно, было вполне естественным, что мне захотелось восстать против своего воспитания, пусть даже на такой безвредный манер. Я на пробу ходила на службы в церковь Всех Душ, даже два воскресенья подряд, но, когда вернулась в Сент-Мэри, отец Мэлори остановил меня однажды утром после мессы и сказал, как рад снова меня видеть, мол, они с сестрой даже начали волноваться, боялись, не заболела ли я. После этого я уже не покидала Сент-Мэри, а Джулиан Мэлори и его сестра Уинифред стали моими друзьями.

Иногда я думала: как странно, что в Лондоне мне удалось создать для себя жизнь, настолько похожую на ту, какую я вела в сельском пасторате, пока были живы родители. Но многие местечки Лондона сохранили на удивление деревенскую атмосферу, так что, возможно, все сводится к тому, чтобы выбрать себе приход и в него вжиться. Когда с интервалом в два года

[3] Примечания: 3

«Высокая церковь» — направление в англиканской церкви, тяготеющее к католицизму, сохраняющее обрядность и утверждающее авторитет духовенства.

умерли мои родители, они оставили мне маленький доход, довольно много мебели, но никакого дома. Как раз тогда я решила поселиться с моей старой подругой Дорой Колдикот и днем, пока она преподавала в школе, работала в ведомстве по цензуре, где, по счастью, не требовалось особой квалификации, если не считать терпения, такта и некоторой склонности к эксцентричности. Теперь, когда Дора уехала, я ожидала, что снова останусь одна, заживу цивилизованной жизнью со спальней, гостиной и свободной комнатой для друзей. Я не наделена темпераментом Доры, который позволяет ей с удовольствием спать на раскладушке и есть с пластмассовых тарелок. Мне казалось, что я достаточно взрослая, чтобы привередничать и вести себя как старая дева, если захочу. Я на полставки работала в организации, помогавшей обедневшим женщинам из хороших семей, — дело, очень близкое моему сердцу, ведь я как раз из тех, кто однажды может пополнить их число. Миссис Нейпир с ее серыми брюками и антропологией ничего подобного явно не грозило.

Я думала о ней, переодеваясь, чтобы пойти на ужин в дом священника, и обрадовалась, что на мне приличная одежда, когда встретила ее на

лестнице с высоким светловолосым мужчиной.

— Тебе придется пить джин из кружки, — услышала я ее голос. — Бокалы не распакованы.

— Неважно, — ответил он довольно сухо, точно это было очень даже важно. — Полагаю, ты еще не устроилась.

Не Рокингхем, решила я. Нет, конечно не Рокингхем, он же в Италии, очаровывает военнослужащих из женского вспомогательного. Может, коллега-антрополог? Колокол Сент-Мэри начал звонить к вечерне, и я одернула себя: мол, не мое дело, кто он. Идти в дом священника было еще рано, поэтому я поспешила в церковь и заняла место среди полдюжины женщин средних и преклонных лет, в будни составлявших паству. Уинифред Мэлори, как всегда опоздав, села рядом и зашептала, что кто-то сделал довольно большое, очень щедрое пожертвование на восстановление западного окна, поврежденного взрывом бомбы. Анонимное пожертвование! Захватывающе, правда? Джулиан все мне расскажет за ужином.

Глава 2

Джулиану Мэлори было около сорока — на несколько лет меньше, чем сестре. Оба были высокими, худыми и угловатыми, но если Джулиану это придавало уместную аскетичность, то Уинифред — с ее вечно напряженным лицом и растрепанными седеющими волосами — казалась лишь неловкой и изнуренной. Сегодня, как и всегда, она была одета в разношерстные вещи, большинство которых раньше принадлежали другим людям. Общеизвестно было, что свой гардероб Уинифред черпает из одежды, присылаемой на благотворительные базары в пользу церкви, поскольку те деньги, какие у нее водились, она никогда не тратила на себя, а только на добрые (можно даже сказать заведомо проигранные) дела, на ниве которых она была беззаветной и неустанной труженицей. Время, остающееся от этих добрых дел, было посвящено «созданию домашнего очага» для брата, которого она обожала, хотя и была совершенно не обучена ведению домашнего хозяйства и подходила к этому с большим пылом, нежели умением.

— Если бы я только могла покрасить входную дверь! — воскликнула она, когда мы после вечерни втроем пошли в дом священника. — Она кажется такой темной и унылой! Дом священника должен быть гостеприимным, с ярким крыльцом.

Джулиан как раз вешал на крючок в узком коридоре свою биретту[4]. Рядом уже висела довольно новая с виду соломенная шляпа. Я никогда не видела ее на Джулиане, и мне пришло в голову, что, возможно, он купил ее, чтобы держать на крючке, пока ленточка не порыжеет от старости, а солома не станет серовато-желтой. Как раз такую носил мой отец, и мне она всегда казалась воплощением мудрости старого сельского священника, мудрости, которой Джулиану не достичь в ближайшие двадцать или тридцать лет.

— Гостеприимный дом с ярким крыльцом, — повторил Джулиан. — Надеюсь, даже за темной дверью наших гостей ожидает радушный прием, и также надеюсь, что миссис Джабб приготовила нам ужин.

За стол я села без особых надежд, поскольку

---

[4] Примечания: 4

Традиционный головной убор священников латинского обряда, представляющий собой четырехугольную шапочку с тремя или четырьмя гребнями наверху и помпоном посередине.

Джулиан и Уинифред, как это часто случается с хорошими, не от мира сего людьми, почти не замечали, что едят или пьют, поэтому обед или ужин у них становился сомнительным удовольствием. У миссис Джабб, которая с толикой поощрения превратилась бы в отличную кухарку, наверное, давно уже опустились руки. Сегодня она поставила перед нами блеклые макароны с сыром и миску вареной картошки, а на буфете я заметила стеклянное блюдо с желе или «бланманже» того же неопределенного цвета.

Соли не хватает или про нее вообще забыли, думала я за макаронами, да и сыра почти нет.

— Так расскажите же про анонимное пожертвование, — попросила я. — Это просто замечательно!

— Да, весьма ободряюще. Кто-то прислал мне десять фунтов. Интересно, кто бы это мог быть?

Когда общую унылость лица Джулиана смягчала улыбка, он становился почти красивым. Обычно в его манере сквозила некоторая суровость, а потому вокруг него приходские дамы против обыкновения не хлопотали. Я даже сомневалась, связала ли ему хотя бы одна шарф или свитер. Полагаю, он не был ни настолько красив, ни настолько тщеславен, чтобы делать вид, будто

верит, что целибат служит ему защитой, более того, я даже не знала его точки зрения в этом вопросе. Жизнь с сестрой его как будто устраивала, и, возможно, даже уместно, что священник «высокой церкви» холост и что в коридоре у него биретта, а не детская коляска.

— Я всегда думала, что анонимное пожертвование — это так волнующе, — говорила тем временем с подростковым пылом Уинифред. — Мне не терпится узнать, кто это. Это ведь не вы, Милдред, да? И не кто-то из ваших знакомых?

Я ответила отрицательно, сказав, что ничего подобного мне не известно.

Джулиан снисходительно улыбнулся вооду-шевлению сестры.

— Надо думать, мы довольно скоро узнаем, от кого оно. Вероятно, от одной из наших милых дам с Колчестер– или с Гранчестер-сквер.

Он назвал две самые респектабельные площади в нашем районе, где располагалось несколько домов старого образца, занимаемых только одной семьей или даже одним лицом и еще не нарезанных на квартиры. Мой дом стоял совсем не там, а на боковой улочке, в той ее части, какую мне хотелось бы называть более фешенебельной.

— Как будто не вполне в их духе, — отметила

я. — Они, как правило, не делают добро тайком.

— Конечно, — вставила Уинифред, — после войны сюда переехала уйма новых людей. Недавно я заметила в церкви пару незнакомых лиц. Возможно, это кто-то из новеньких?

— Скорее всего, — согласилась я. — В мой дом тоже сегодня въехали новые жильцы, я даже познакомилась с миссис Нейпир. Представьте, у мусорных баков.

Джулиан рассмеялся:

— Надеюсь, знакомство у мусорных баков не обернется знамением.

— Она показалась мне очень приятной, — довольно неискренне продолжила я. — Чуть моложе меня, пожалуй. Ее муж во флоте и скоро возвращается домой. Он в Италии.

— Италия! Как чудесно! — воскликнула Уинифред. — Обязательно надо их пригласить. Помнишь Фанни Олдживи, милый? — Она повернулась к брату. — Фанни когда-то преподавала английский в Неаполе. Вдруг они знакомы?

— Маловероятно, надо полагать, — отозвался Джулиан. — Морские офицеры обычно не знакомятся за границей с обедневшими англичанками.

— О, но его жена сказала, что он все время

проводит, очаровывая скучных дам из вспомогательного корпуса, вероятно, он довольно приятный человек. А сама миссис Нейпир антрополог. Не знаю точно, что это такое.

— Правда? Престранная из них получается пара: флотский офицер и антрополог, — удивился Джулиан.

— Как волнительно! — воскликнула Уинифред. — Это как-то связано с обезьянами?

Джулиан начал объяснять, кто такой антрополог, или я подумала, что он нам это объяснял, но, поскольку маловероятно, что кто-нибудь из антропологов прочтет эти строки, пожалуй, рискну написать, что со слов Джулиана выходило, будто они занимаются изучением человека и его поведения в обществе — особенно, если верить Джулиану, в «примитивных сообществах».

— Надеюсь, она не станет изучать нас, — хихикнула Уинифред.

— Очень опасаюсь, что в церкви мы ее не увидим, — серьезно заметил Джулиан.

— Боюсь, нет. Она мне сказала, что никогда не ходит на службы.

— Надеюсь, вы будете нести слово, Милдред, — сказал Джулиан, пригвождая меня, как я это называла про себя, «горящим взором». — В этом

мы на вас полагаемся.

— О, сомневаюсь, что буду с ней видеться, разве только у мусорных баков, — весело откликнулась я. — Возможно, религиозным окажется муж. Думаю, флотские офицеры часто бывают верующими.

— «Отправляющиеся в море в кораблях, делающие дело в водах многих, они видели дела Господни и чудеса Его в пучине»[5], — пробормотал, ни к кому не обращаясь, Джулиан.

Мне не хотелось разрушать красоту стиха, указывая, что, насколько нам известно, Джулиан Нейпир большую часть времени проводил, подготавливая балы и приемы для своего адмирала. Но, конечно же, он вполне мог видеть дела Господни и чудеса Его в пучине.

Мы встали из-за стола, и Джулиан вышел. На половину восьмого была назначена встреча молодежного клуба, и из коридора уже доносились голоса «ребят».

— Пойдемте в берлогу, — сказала Уинифред, — я сварю кофе на газовой плитке.

Уютно неприбранная «берлога», или кабинет Уинифред, выходила окнами в узенький садик.

---

[5] Примечания: 5
Псалтирь 106, стих 23–24.

По эту же сторону, но в передней части дома располагался кабинет Джулиана, по другую сторону от входа находились гостиная и столовая. Наверху были спальни и еще несколько свободных комнат, а еще выше — мансарда и чердачные помещения и большая холодная ванная. Кухня располагалась в подвале. По сути, дом был слишком велик для двоих, но младший священник Сент-Мэри, отец Грейторекс, человек средних лет, принявший сан довольно поздно, имел собственную квартиру на Гранчестер-сквер.

— Давно пора бы сдавать верхний этаж, — сказала Уинифред, разливая кофе, выглядевший как слабенький чай. — Так неправильно, так эгоистично, что только мы вдвоем занимаем столько места, когда столько людей, наверное, ищут комнаты. Надеюсь, кофе вам нравится, Милдред? Вы всегда так хорошо его варите.

— Спасибо, очень вкусно, — пробормотала я. — Уверена, вы без труда найдете подходящего жильца. Разумеется, вам бы хотелось, чтобы это был человек, приятный в общении. Можно дать объявление в «Церковных ведомостях».

При этой мысли у меня перед глазами возникла толпа подходящих кандидатов: жены каноников, сыновья священников, англо-католички

из хорошей семьи (не курят), новообращенные (регулярно ходят к исповеди) — все такие достойные, что вызывают почти отвращение.

— Вполне возможно. Но полагаю… А вам самой не захочется тут поселиться, Милдред? — Глаза у нее горели, молящие, как у собаки. — Вы могли бы сами назначить арендную плату, дорогая. Знаю, Джулиан не меньше меня обрадовался бы, если бы вы захотели жить с нами.

— Вы так добры. — Я тянула слова, стараясь выиграть время, ведь, как бы хорошо я ни относилась к Уинифред, я очень и очень ценила свою независимость. — Но мне кажется, будет лучше, если я останусь у себя. Я ведь одна, а у вас хватит места и на двоих, верно?

— Вы говорите про супружескую чету?

— Да, или про двух подруг. Как мы с Дорой или кто-то помладше, студентки, например.

Лицо Уинифред просияло.

— Ах, это было бы прекрасно!

— Или женатый младший священник, — продолжала я, переполненная идеями. — Очень было бы полезно. Если отец Грейторекс получит место за городом, а он, как мне кажется, очень этого хочет, то Джулиану понадобится другой помощник, и он вполне может оказаться женатым.

— Да, конечно, не все считают так, как Джулиан.

— Разве? — заинтересовалась я. — Я и не знала, что у него есть определенная точка зрения.

— Ну, прямо он никогда не говорил, — неопределенно откликнулась Уинифред. — Но гораздо приятнее, что он не женился, то есть для меня приятнее. Хотя мне, наверное, хотелось бы иметь племянников и племянниц. А теперь смотрите! — Она вскочила и со свойственной ей неловкостью и импульсивностью едва не опрокинула кофейник. — Непременно надо вам показать, что леди Фармер прислала для церковного базара! Такие милые вещи! На весну я вполне обеспечена.

Леди Фармер принадлежала к числу наших немногих состоятельных прихожан, но, поскольку ей было за семьдесят, я усомнилась, что ее одежда вправду подойдет Уинифред, которая была гораздо худее и не обладала холеностью благополучной пожилой леди.

— Вы только посмотрите, — повторила она, расправляя складки и прикладывая к себе платье из синельного бархата насыщенного красно-коричневого цвета. — Как по-вашему?

Пришлось согласиться, что материал восхитительный, но платье настолько отдавало леди

Фармер, что мне самой противно было бы его надеть, обменяв на него ту толику индивидуальности, которая у меня имелась.

— Мисс Эндерс может ушить его там, где слишком широко, — говорила тем временем Уинифред. — Очень даже подойдет, если кто-то придет на ужин, сами понимаете, епископ или кто-то вроде него.

С минуту мы обе молчали, точно задумавшись, насколько вероятен подобный торжественный случай.

— Еще будет приходская вечеринка на Рождество, — напомнила я.

— Ах да, конечно. Великолепно подойдет. — В голосе Уинифред проскользнуло облегчение, и, свернув, она убрала платье. — И есть еще хороший вязаный костюмчик, чтобы носить по утрам. Сколько мне за них дать? — тревожно вопросила она вдруг. — Леди Фармер сказала, что я могу взять себе все, что мне понравится, но я должна дать честную цену, иначе на базаре мы ничего не выручим.

Какое-то время мы серьезно обсуждали этот вопрос, потом я собралась уходить. Когда я приближалась к дому, в окнах миссис Нейпир горел свет, а из ее комнаты доносились голоса — повы-

шенные, как в споре.

В кухне я расставила приборы к завтраку. Обычно я уходила из дому в четверть девятого и до полудня работала для моих милых дам. Затем я была свободна, но всегда находилась уйма дел. Расхаживая по кухне и доставая тарелки и приборы, я подумала — уже не в первый раз, — как приятно жить одной. Дребезжанье крышечки на кувшине с молоком напомнило мне Дору и ее смешки, ее догматичные мнения и обидчивость. Крышечка, которая была ее идеей, словно символизировала все те мелочи, которые меня в ней раздражали, какой бы дорогой и доброй подругой она ни была. «Сохраняет от мух и пыли», — говаривала она и, разумеется, была совершенно права. Лишь из чувства противоречия мне иногда хотелось зашвырнуть крышечку куда подальше.

Потом, уже лежа в кровати, я поймала себя на мыслях о миссис Нейпир и мужчине, который ее сопровождал. Возможно, это коллега-антрополог? В комнатах подо мной все еще раздавались голоса, громкие, точно там ссорились. Я задумалась о Рокингхеме Нейпире. Каким он окажется, когда приедет? Стряпня, стеклянные викторианские пресс-папье, обаяние… И, опять же, флотский офицер… Он ведь может объявиться на пороге с

попугаем в клетке… Я решила, что помимо случайных встреч на лестнице мы, вероятно, очень редко будем видеться. Конечно, может возникнуть неловкость из-за общей ванной, но надо будет постараться ее устранить. Несомненно, мне придется принимать ванну очень рано, чтобы избежать лишних неурядиц. Наверное, нужно купить новый халат, который будет мне больше к лицу и в котором не стыдно показаться на люди, что-нибудь длинное и теплое, насыщенного цвета… Тут я, пожалуй, заснула, поскольку следующее, что я помню, — это то, что меня разбудил яростный стук во входную дверь. Включив свет, я увидела, что на часах десять минут первого. Я понадеялась, что Нейпиры будут ложиться пораньше и не станут устраивать шумных вечеринок. Возможно, я уже стала старой девой и чересчур привязалась к своим привычкам, но была раздражена, что меня разбудили. Я потянулась к книжной полочке, где держала книги — поваренные и религиозного содержания, самое успокоительное чтение на ночь. Моя рука могла бы лечь на «Religio Medici»[6], но я была довольна, что взяла «Китайскую кухню», и вскоре она по-

[6] Примечания: 6
«Религия врача» *(лат.).* Книга сэра Томаса Брауна (1643).

грузила меня в дрему.

Глава 3

Прошло несколько дней, прежде чем я снова увидела миссис Нейпир, хотя слышала, как она приходит и уходит, и каждый вечер из ее комнат доносились голоса. У меня была мысль как-нибудь пригласить ее на кофе, но я медлила, не зная, как бы дать понять, что приглашение никак не перейдет в постоянное знакомство. Мне хотелось казаться скорее любезной, чем дружески настроенной. Однажды в ванной появился рулон довольно дешевой туалетной бумаги, а еще я заметила, что была предпринята попытка помыть ванну. Проделано это было не настолько хорошо, как хотелось бы: люди не всегда сознают, что основательная уборка в ванной может оказаться довольно тяжелой работой.

— Полагаю, она попробовала сама, — сказала миссис Моррис, моя «женщина», которая приходила два раза в неделю. — У нее такой вид, что она вообще ничего убрать не способна.

Миссис Моррис была родом из Уэльса и в Лондон переехала еще девочкой, но валлийского акцента так и не утратила. Я, как всегда, пора-

зилась ее тайной осведомленности, ведь она, насколько я знала, пока в глаза миссис Нейпир не видела.

— Чайник закипает, мисс, — сказала она, и я поняла, что уже одиннадцать утра, ведь она повторяла это с таким постоянством, что, забудь она про чайник, я, вероятно, решила бы, что случилась какая-то катастрофа.

— Вот и хорошо, тогда давайте пить чай, — дала я ожидаемый ответ.

Я подождала, пока миссис Моррис произнесет: «В молочнике есть капелька молока», как она всегда говорила, обнаружив его остатки, и можно будет приступать к чаепитию.

— Я вчера прибиралась в доме священника, в комнатах, которые они собираются сдавать, — сказала за чаем миссис Моррис. — Мисс Мэлори все твердила, как же ей хочется, чтобы вы там поселились.

— Да, знаю, но, по-моему, мне правда лучше остаться тут.

— Знаю, мисс Лэтбери. Совсем нехорошо было бы вам жить в доме священника.

— Хотя отец Мэлори и мисс Мэлори мои друзья…

— Да, но так было бы неправильно. Что, если

бы мисс Мэлори пришлось уехать…

— По-вашему, это было бы не вполне прилично?

— Прилично? — Сев прямее, миссис Моррис поправила черную фетровую шляпу, которую не снимала даже во время уборки. — Не мне об этом судить. Но это противоестественно, когда мужчина живет без жены.

— Священники часто не хотят жениться, — объяснила я, — или думают, что им лучше не жениться.

— Страсти у всех бурлят, — не к месту буркнула миссис Моррис. — Плоть есть плоть, знаете ли, так в Библии сказано. Впрочем, нам сейчас мало чего достается. Будь он настоящим отцом, как отец Богарт, — продолжала она, упомянув священника римско-католической церкви в нашем районе, — вы бы это поняли.

— Но, миссис Моррис, вы же регулярно ходите в церковь. Я думала, вам нравится отец Мэлори.

— Ну да, правду сказать, я ничего против него не имею, но все равно так неправильно. — Допив чай, она отнесла чашку в раковину. — Сейчас быстренько все помою.

Я смотрела на ее чопорную бескомпромиссную спину, которая словно и не сгибалась вовсе, хотя

раковина была установлена низко, и спросила:

— Вас что-то расстроило? Что-то, связанное с отцом Мэлори?

— О, мисс! — Она повернулась ко мне. С ее покрасневших рук капала горячая вода. — Все дело в той старой черной штуке у него на голове, в которой он каждый день ходит в церковь.

— Вы про его биретту? — в недоумении спросила я.

— Не знаю, как уж там он ее называет. Она как шапочка.

— Но вы много лет ходите в Сент-Мэри. Наверное, вы к ней уже давно привыкли.

— Ко мне тут приехали сестра Глэдис с мужем, они сейчас у нас живут. В воскресенье вечером я повела их в церковь, и им там совсем не понравилось, даже ладан. Глэдис сказала, что церковь у нас католическая или еще какая и мы не успеем оглянуться, как будем папе пятки целовать.

Она села с посудным полотенцем в руках. Вид у нее сделался такой встревоженный, что я не удержалась от улыбки.

— Конечно, мы с Эваном, — продолжала она, — всегда ходили в Сент-Мэри, поскольку тут близко, но сейчас она совсем не такая, как та, в которую я ходила в детстве, когда священником был мистер

Льюис. У него не было ладана, и в старой черной шапке он не ходил.

— Наверное, так, — согласилась я, поскольку знала приморский городок, откуда она приехала, и помнила «английскую» церковь — необычную, со множеством часовен и с десятью заповедями на валлийском и английском по обе стороны алтаря, с особой утренней воскресной службой для туристов. Я не помнила, претендовал ли город на «католические привилегии» и получил ли он их.

— Я всегда была верующей, — гордо продолжала миссис Моррис. — Но в папистскую церковь ни ногой и какого-то там папу знать не хочу. Туфлю еще ему целовать, тьфу! — Она подняла взгляд, уже почти смеясь, не вполне уверенная, не подшучивали ли над ней Глэдис с мужем.

— В соборе Святого Петра в Риме, — объяснила я, — есть статуя, и люди вправду целуют ей туфлю, но только римские католики. — Последние два слова я намеренно подчеркнула. — Разве вы забыли, что объяснял в прошлом году отец Мэлори в утренних проповедях по воскресеньям?

— А, так это было по утрам в воскресенье? — Она рассмеялась с издевкой. — Хорошо ему стоять и разглагольствовать про папу. Кто угодно так может. Но кто будет готовить воскресный обед?

Такой вопрос ответа не предполагал, и мы посмеялись вместе — две женщины против всего рода мужского. Миссис Моррис вытерла руки и, порывшись в кармане передника, достала мятую пачку сигарет.

— Давайте-ка покурим, — весело заявила она. — Значит, я просто перескажу им, мисс Лэтбери, что вы там говорили про статую.

Я решила, что не слишком преуспела в попытке наставить миссис Моррис по части различий между нашей церковью и римско-католической, но, пожалуй, Джулиан Мэлори продвинулся бы не больше моего.

Когда она ушла, я сварила себе на ленч яйцо в мешочек и как раз готовила кофе, когда в кухонную дверь постучали.

Это была миссис Нейпир.

— У меня к вам чуточку нескромная просьба, — сказала она с улыбкой.

— Входите, выпейте со мной кофе, я только что сварила.

— Спасибо, было бы очень хорошо.

Мы прошли в гостиную, и я зажгла конфорку. Миссис Нейпир осматривалась с откровенным интересом и любопытством.

— Довольно мило, — сказала она. — Надо по-

лагать, здесь собрано все лучшее из сельского пастората?

— По больше части, хотя время от времени я что-то докупала.

— Послушайте, — сказала она вдруг, — я хотела спросить: не могла бы ваша уборщица, та, что была тут утром… не могла бы она и у меня убираться? Например, по утрам, когда вас нет?

— Рискну предположить, что она будет рада приработку. К тому же она очень хорошо справляется. Иногда убирает в доме священника.

— Ах, священника. — Миссис Нейпир скорчила рожицу. — А сам священник ко мне заглянет?

— Могу его попросить, если хотите, — серьезно отозвалась я. — Я дружна с ним и его сестрой.

— Так он не женат? Один из тех… я хотела сказать, из тех, что не женятся, — добавила она извиняющимся тоном, точно сболтнула нечто, что могло меня обидеть.

— Да, он не женат, и поскольку ему около сорока, то рискну сказать, что уже и не женится.

Похоже, в последнее время мне приходится довольно много и часто говорить о целибате вообще и о взглядах на него Джулиана Мэлори в частности и я немного устала от темы.

— Как раз в таком возрасте и срываются с це-

пи, — рассмеялась миссис Нейпир. — Я всегда думала, что священникам нужны жены, чтобы управляться в приходе, но, наверное, в его пастве по большей части благочестивые старушки, которым и делать-то нечего, так что все в порядке. Святой каплун… ну, вы понимаете, о чем я.

Я решила, что миссис Нейпир нравится мне ничуть не больше, чем в нашу первую встречу. К тому же она роняла пепел на мой недавно вычищенный ковер.

— Ваш муж скоро возвращается? — спросила я, чтобы прервать неловкое молчание.

— Довольно скоро, — небрежно отозвалась она и, погасив сигарету в блюдечке, которое вовсе не предназначалось под пепельницу, собралась уходить. — Знаю, это звучит ужасно, — добавила она, останавливаясь у окна, — но я правда не слишком-то рада его возвращению.

— Наверное потому, что долго его не видели, — тактично ответила я.

— Разницы, по сути, нет никакой, но дело не только в этом.

— Конечно же, все наладится, когда он будет с вами и вы снова друг к другу привыкнете, — сказала я, начиная осознавать свою неосведомленность, как и положено незамужней и неопытной

женщине при обсуждении подобных вещей.

— Может быть. Но мы такие разные. Мы познакомились на вечеринке во время войны и влюбились друг в друга самым глупым романтическим образом, как многие тогда влюблялись. Сами знаете…

— Да, наверное.

В свою бытность в ведомстве по цензуре я читала, что так бывает, и иногда мне хотелось вмешаться и посоветовать обеим сторонам: погодите немного, пока не будете совершенно уверены.

— Рокингхем, конечно, очень недурен собой, и все считают его милым и очаровательным. У него есть кое-какой доход, и ему нравится баловаться живописью. Но дело в том, — она с очень серьезным видом повернулась ко мне, — что он не понимает и не хочет ничего понимать в антропологии.

Я слушала в недоуменном молчании, потом наивно спросила:

— А разве он должен?

— Ну… пока его не было, я ездила в экспедицию в Африку и познакомилась там с Иврардом Боуном. Его полк был там расквартирован. Он тоже антрополог. Вы, наверное, видели его на

лестнице.

— Да, кажется, видела. Высокий блондин.

— Мы хорошо сработались, а когда люди занимаются вместе научной работой, между ними возникает особая связь. У нас с Рокингхемом такого просто нет.

«Она всегда называет его Рокингхемом?» — не к месту подумала я. Это звучало слишком официально, и тем не менее было непонятно, как бы это сократить, если, конечно, не называть его Роки или каким-нибудь другим дурацким именем.

— Но ведь у вас с мужем есть что-то общее, возможно, более глубокое и постоянное, чем ваша работа? — спросила я, сочтя, что должна внести свой вклад в этот трудный разговор.

Мне совсем не хотелось думать, что у нее может быть «что-то общее» с Иврардом Боуном. Более того, если это его я видела на лестнице, Иврард Боун мне совсем не понравился. Его имя, его острый нос и налет педантичности, какой иногда бывает у блондинов, заранее настроили меня против него. А еще (и тут я готова признать, что старомодна и ничего не смыслю в повадках антропологов) мне представлялось не вполне уместным, что они работают вместе, в то время как Рокингхем Нейпир служит своей стране. Тут

непрошенно возникли образы военнослужащих из женского вспомогательного в плохо подогнанной белой форме, но я решительно их отогнала. Что бы ему ни приходилось делать, он служил своей стране.

— Конечно, — продолжала миссис Нейпир, — когда влюбляешься, поначалу все в человеке кажется восхитительным, особенно если что-то показывает, насколько вы разные. Роки очень аккуратный, а я нет.

Так теперь он Роки? Почему-то от этого он стал казаться более человечным.

— Видели бы вы тумбочку возле моей кровати, там такая свалка… Сигареты, косметика, аспирин, стаканы с водой и без, «Золотая ветвь»[7], какой-нибудь детектив — да любой предмет, какой меня случайно заинтересовал. Роки поначалу находил это очаровательным, но по прошествии времени это стало его бесить.

— Наверное, так бывает, — отозвалась я. — Нужно быть внимательным к своим мелким привычкам.

Крышечка с пимпочкой на молочнике Доры,

---

[7] Примечания: 7

«Золотая ветвь» — знаменитый труд религиоведа и антрополога Дж. Дж. Фрэзера, систематизировавший фактический материал по религиозным верованиям, фольклору и обычаям различных народов.

ее страсть к бакелитовым тарелкам, все мелочи, какие я допускала, сама о том не подозревая… Возможно, даже поваренные книги у меня в постели способны вывести кого-то из себя.

— Но ведь это мелочь, — добавила я, — и она не должна влиять на глубокие отношения.

— Вижу, что вы никогда не были замужем. — Она осадила меня, разом поставив на место в рядах замечательных женщин, и направилась к двери. — Наверное, мы будем жить каждый своей жизнью. Так заканчивается большинство браков, а могло быть и хуже.

— Нельзя так говорить, — вырвалось у меня, поскольку меня все еще одолевали романтические идеалы старой девы. — Уверена, на самом деле все будет хорошо.

Она пожала плечами.

— Спасибо за кофе и за то, что выслушали с сочувствием. Честное слово, мне бы надо извиниться, что так разоткровенничалась, но считается, что исповедь полезна для души.

Я что-то пробормотала, но усомнилась, что проявила особое сочувствие, и уж точно его не испытывала, поскольку люди, подобные чете Нейпиров, мне раньше не попадались. Я гораздо увереннее чувствовала себя с Уинифред и Джу-

лианом Мэлори, с Дорой Колдикот и другими достойными, но неинтересными людьми, которых встречала по работе или в связи с делами прихода. Те женатые пары, кого я знала, казались вполне довольными жизнью, а если и не были таковыми, то не делились своими трудностями с посторонними. И, разумеется, не было никаких упоминаний о том, чтобы «жить каждый своей жизнью». Впрочем, откуда мне знать, как они жили? Такой вопрос повлек за собой разные тревожные мысли, и, чтобы отвлечься, я включила радио. Но передавали женскую программу, и все там были такими замужними и замечательными, и жизнь у всех была такая наполненная и такая упорядоченная, что я как никогда прежде почувствовала себя никчемной старой девой. У миссис Нейпир, наверное, совсем нет друзей, если она не могла найти никого получше для исповеди. Наконец я спустилась вниз посмотреть, нет ли писем. Для меня ничего не было, зато было два для миссис Нейпир, и из адреса на одном я узнала, что ее зовут Елена. Такое старомодное и исполненное достоинства имя, совсем не похожее на то, какое я для нее придумала. Может, это добрый знак на будущее?

Глава 4

Вышло определенно неудачно — когда доставили телеграмму, Елены Нейпир не было дома. Женам следует ждать возвращения мужей с войны, считала я, пусть это и несколько нелогично: ведь самолет способен доставить мужа из Италии в Англию за каких-то несколько часов.

Зазвонил ее звонок, потом мой, и, открыв дверь и увидев на пороге мальчика-посыльного с телеграммой, я сразу, словно шестым чувством, поняла, что в ней написано. Вопрос был в том, когда он прибывает. Выходило, что уже вечером, а я слышала, как миссис Нейпир ушла около шести. Наверное, она встречалась с Иврардом Боуном. Может, следует выяснить, где она, и дать ей знать? Мне казалось, что стоит попытаться, и я начала рыться в телефонном справочнике, чтобы проверить, не найдется ли там номер Иврарда Боуна. Если не найдется, тем лучше — мне не придется вмешиваться в то, что на самом деле меня не касается. Но он там значился, как и адрес в Челси, — маловероятно, что в Лондоне зарегистрированы два Иврарда Боуна. С опаской набрав

номер, я услышала гудки.

— Алло, алло, кто это? — прозвучал сварливый старушечий голос.

Не передать словами, как я была ошарашена, но не успела я открыть рот, как голос продолжил:

— Если это мисс Джессоп, могу только надеяться, что вы звоните, чтобы извиниться.

Я, запинаясь, пробормотала в объяснение, что я не мисс Джессоп, и спросила, дома ли мистер Иврард Боун.

— Мой сын на собрании Доисторического общества, — прозвучал сварливый голос.

— А, понимаю. Мне очень жаль, что я вас потревожила.

— Меня вечно тревожат. Я вообще не хотела, чтобы устанавливали телефон.

Извинившись еще несколько раз, я повесила трубку, потрясенная и озадаченная, но в то же время испытывая огромное облегчение. Иврард Боун на собрании Доисторического общества. Это походило на шутку. Дальнейших розысков от меня никак нельзя было ожидать, а потому я, обозвав себя любопытной наседкой, поднялась, чтобы приготовить себе ужин. Я открыла консервированную фасоль, решив, что так будет быстрее и проще, поскольку не могла отделаться

от мысли, что Рокингхем Нейпир может явиться с минуты на минуту и мне придется спуститься, чтобы открыть ему дверь. Ключа от входной двери у него скорее всего нет, и ужин его, наверное, не ждет. Возможно, он и не обедал. Тут я, почти разволновавшись, засуетилась на кухне, съела фасоль за десять минут, а то и меньше, причем без малейшего достоинства, и быстро вымыла посуду. Едва налив себе чашку кофе и уйдя с ним в гостиную, я услышала, как возле дома остановилось такси, потом в квартире миссис Нейпир зазвенел звонок.

На лестничной площадке я помедлила, чувствуя себя суетливой дурехой, но мне еще не доводилось сталкиваться с подобными ситуациями, а жизнь в сельском приходе не вполне меня к ним подготовила. Еще я вдруг подумала про попугая в клетке, и птица окончательно сбила меня с толку.

Дверь я открыла довольно робко, надеясь, что он будет не слишком разочарован тем, что его встречаю я, а не жена.

— Боюсь, миссис Нейпир нет дома, — пробормотала я. — Но я услышала звонок и спустилась.

Хорошо, что он заговорил сразу, поскольку я не привыкла встречать красивых мужчин и, боюсь,

уставившись на него, проявила явную невоспитанность. Однако очаровали меня скорее его манеры, чем внешность, хотя он и был смуглым, элегантным и обладал всеми теми качествами, которые, как считается, делают мужчину привлекательным.

— Как мило, что вы спустились, — сказал он, и я поняла — хотя невозможно облечь это в слова, — что именно имела в виду Елена, когда говорила, что он очаровывает неуклюжих военнослужащих женского вспомогательного. — Мне повезло, что вы оказались дома. Полагаю, вы мисс Лэтбери?

— Да, — удивленно ответила я. — Откуда вы знаете?

— Елена про вас писала.

Я невольно задумалась, как именно она меня описывала.

— Да, мы встречались раз или два. Я живу в квартире над вами.

К тому времени мы уже поднимались: я первой, а он с чемоданом следом. К счастью, дверь в их квартиру была не заперта, и я провела его в гостиную.

— Мои вещи! Как хорошо снова их увидеть! — воскликнул он, подходя к книжному шкафу и

беря одно из пресс-папье, расставленных на верхней полке. — И еще мои стулья. Правда, они прекрасные?

— Просто чудесные, — отозвалась я с порога. — Дайте мне знать, если вам понадобится моя помощь.

— О, пожалуйста, не уходите, разве только у вас… — Он на полную мощь включил свою очаровательную улыбку, и я была чуточку ослеплена.

— Вы ели? — спросила я.

— Да, спасибо. Пообедал в поезде. Неразумно являться к Елене, рассчитывая, что на столе ждет обед или ужин, или даже что в кладовой что-нибудь есть. Боюсь, мы иногда расходимся во взглядах на то, как важен цивилизованный прием пищи. — Он оглядел комнату. — Довольно приятная, правда? Я опасался худшего, когда Елена написала, где мы будем жить.

— Боюсь, это не самый лучший район Лондона, но я к нему привязалась.

— Да, думается, у него есть определенное Stimmung[8]. Если живешь в немодном районе, нужно найти хотя бы это, чтобы он показался сносным.

---

[8] Примечания: 8
Настроение *(нем.)*.

Я не нашлась что ответить.

— Мне нравится думать, что когда-то тут были болота и бродили дикие кабаны, — рискнула я наконец, вспомнив статью из местной еженедельной газеты. — И когда-то тут жил Обри Бердслей[9]. На его доме есть табличка.

— Великолепно! — Ему это было как будто приятно. — Это уже гораздо лучше. У него такие изысканные рисунки!

Лично я находила их отвратительными, но ответила ничего не значащим «конечно-конечно».

— Но после Италии тут будет очень холодно. — Он поежился и потер руки.

— Может, вам подняться ненадолго ко мне? — предложила я. — У меня растоплена печка, и я как раз собиралась варить кофе. Или вы бы предпочли распаковать вещи?

— Нет, кофе просто прекрасно.

— Какая очаровательная комната, — сказал он, входя в мою гостиную. — Вы явно женщина с большим вкусом.

Я невольно испытала удовольствие от его комплимента, но сочла необходимым объяснить, что мебель по большей части из моего прежнего

---

[9] Примечания: 9
Обри Бердслей (1872–1898) — английский художник и поэт.

дома.

— Ах да. — Он помедлил, словно что-то вспоминая. — Из дома сельского священника. Про него мне Елена тоже писала.

В кухне я занялась приготовлением дополнительной порции кофе.

— Надеюсь, вы успели поесть? — спросил он, входя следом. — Я прибыл в довольно неудачное время.

Я объяснила, что как раз поужинала, и добавила, что готовить для себя одной — лишние хлопоты.

— Но я люблю поесть, — добавила я. — Наверное, мужчины в целом умеют находить толк в еде гораздо лучше женщин.

Мне вспомнилась недоеденная банка фасоли — нет сомнений, что завтра мы с ней встретимся снова.

— Верно, женщины и вино по-настоящему не ценят. Надо полагать, вам не пришло бы в голову выпить бутылку вина одной?

— Конечно нет, — ответила я с немалой долей осуждения.

— Что замечательно в жизни вне Англии, — продолжал он, расхаживая по моей кухоньке, — так это чудесное ощущение благоденствия, когда

сидишь за столиком на солнце с бутылкой того, что подвернулось… Ничто с этим не сравнится, верно?

— Я люблю посидеть за столиком на солнце, — согласилась я. — Но боюсь, я одна из типично английских туристок, которая всегда заказывает чашку чая.

— А когда его подают, он оказывается блеклой жидкостью цвета соломы…

— И чай в смешном пакетике…

— Возможно, вам даже принесут к нему молоко… Горячее!

Мы оба рассмеялись.

— Но даже в этом есть свой шарм, — упрямо продолжала я, — все это часть атмосферы чего-то чужого и странного.

— Уж английские туристы точно странные, — отозвался он. — Хотя в Италии их, конечно, немного. Думаю, как раз этого там не хватало, делало жизнь такой неестественной. Сплошь туристы в мундирах, никаких воспитанных англичанок с «Бедекерами»[10] и в больших соломенных шляпах. Я по ним даже соскучился.

Мы заговорили об Италии, а потом как-то неза-

---

[10] Примечания: 10

Имеются в виду популярные путеводители немецкого издателя Карла Бедекера.

метно перешли на приходские дела, на Джулиана Мэлори, его сестру и нашу церковь.

— «Высокая» месса? С музыкой и ладаном? Мне бы очень понравилось, — сказал он. — Надеюсь, ладан превосходного качества? Думаю, он бывает разный.

— Да, я видела рекламу, — призналась я, — и названия у него разные. «Ламбет» очень дорогой, а «Пакс» совсем дешевый. А кажется, что должно быть наоборот.

— И у вас здесь множество хорошеньких алтарников?

— Ну… — Я помедлила, вспомнив нашего распорядителя Тедди Лимона с жесткими кудряшками и встревоженной миной и его отряд хорошо вымуштрованных мальчишек бойцовского вида. — Ну, у нас очень хорошие мальчики, но возможно, если вам нужны хорошенькие алтарники, то, наверное, лучше поискать их в Кенсингтонской церкви. Однако надеюсь, что вы как-нибудь посетите и нашу, — добавила я уже серьезнее, чтобы не разочаровать Джулиана, ожидавшего, как мне показалось, что я буду «нести слово».

— Непременно загляну. Мне очень нравится ходить в церковь, но только не до завтрака. Ранние службы, на мой взгляд, всегда были большой

препоной религии. Как по-вашему?

— Считается, что то, что стоит усилий, и ценится выше, — рискнула ответить я.

— А в противном случае это лишается добродетели? То есть добродетель исходит от человека? Э… да так и было бы, если бы из меня что-то исходило… — Он вздохнул. — Уверен, у вас ее в избытке.

Мне был не очень приятен его фривольный тон, но сам Рокингхем не мог не нравиться. С ним так легко было болтать, равно легко представляя себе, как он пускает в ход свое обаяние в любом обществе, чтобы сгладить неловкости, или даже делает это бессознательно, поскольку очаровывать для него настолько естественно, что он ничего не может с собой поделать.

Мы все еще говорили о церкви, когда на лестнице послышались голоса.

— Очень прошу меня извинить, — сказал он, — наверное, это Елена. Большое спасибо, что были ко мне так добры. Надеюсь, мы будем часто видеться. — Он выбежал на площадку, и его шаги загрохотали вниз по лестнице.

Я поставила кофейные чашки на поднос и отнесла их на кухню. Как жаль, что Иврард Боун помешает воссоединению четы Нейпиров. Но у

меня не было сомнений, что Елена справится с обоими, и оставалось надеяться, что у Иврарда Боуна достанет такта быстро уйти и оставить их вдвоем. Я как раз начала мыть чашки, когда в дверь постучали. На пороге с оплетенной соломой бутылкой в руке стоял Рокингхем.

— Мы сочли, что надо отметить знаменательное событие, — сказал он, — и очень хотели бы, чтобы вы к нам присоединились. Если вы, конечно, одобряете распитие вина в это время суток.

— Но вы, наверное, предпочли бы остаться с женой наедине…

— У нас сидит антрополог, поэтому показалось отличной мыслью устроить вечеринку, — объяснил он.

Я стала снимать передник и поправлять прическу, извиняясь (как мне показалось, в обычной моей суетливой манере) за свою внешность. «Как будто кому-то есть дело до того, как я выгляжу, как будто вообще кто-то меня заметит», — тут же одернула я себя.

— Вы премило выглядите, — сказал Рокингхем, улыбаясь, словно почти так и думал.

Елену и Иврарда Боуна мы застали в гостиной: она доставала бокалы, а он стоял у окна. Мне представился шанс рассмотреть его остроносый

профиль, и я решила, что он мне определенно не нравится. Вдруг он повернулся и уставился на меня — словно бы неодобрительно.

— Добрый вечер, — поздоровалась я, чувствуя себя очень глупо.

— Вы ведь знакомы, верно? — спросила Елена.

— Во всяком случае, я видела мистера Боуна на лестнице, — объяснила я.

— Да, помню, что раз или два встретил кого-то на лестнице, — безразлично отозвался он. — Это были вы?

— Да.

— Чудесно, что вы оказались дома, когда приехал Роки, — быстро и нервно сказала Елена. — Ужасно было бы, если бы он вернулся в пустой дом, но он сказал, вы были просто великолепны. Наверное, он даже не скучал по мне. Верно, дорогой?

Не дожидаясь ответа, она зачем-то убежала на кухню. Рокингхем отошел, чтобы разлить вино, и я осталась неловко стоять возле Иврарда.

— Вы, кажется, антрополог, — сказала я, делая, как мне казалось, храбрую попытку завязать разговор. — Но, боюсь, я ничего в антропологии не смыслю.

— Действительно? — спросил он с полуулыб-

кой.

— Наверное, это очень увлекательно, — сбивчиво продолжала я, — ездить по всей Африке, делать разные…

— «Увлекательно» не совсем подходящее слово. Очень трудно учить невероятно сложные языки, потом проводить бесконечные опросы и собирать статистику, писать отчеты, заметки и все такое.

— Да, конечно, — присмирела я, поскольку с его слов выходило, что все это довольно уныло. — Но, наверное, приносит удовлетворение, когда понимаешь, что сделал важное дело?

— Важное дело? — Он пожал плечами. — Но что, в сущности, мы делаем? Иногда я задумываюсь, не пустая ли это трата времени.

— Это зависит от того, что вы взялись делать, — довольно раздраженно сказала я, чувствуя себя Алисой в Зазеркалье. Разговор принимал скверный оборот, и я испытала благодарность к Рокинггхему, который пришел мне на помощь.

— Они злятся, когда другие думают, что они получают удовольствие от своей работы, — заметил он довольно едко.

— Но я, правда, получаю удовольствие, — вмешалась Елена. — Не все мы такие скучные, как Иврард. В экспедиции я была просто на седьмом

небе. А теперь надо все записать и оформить, как раз это мы сегодня обсуждали. Мы будем делать доклад в одном научном обществе. — Тут она с неестественным оживлением повернулась ко мне: — Вы обязательно должны прийти нас послушать, мисс Лэтбери.

— Да, мисс Лэтбери, мы с вами будем сидеть в заднем ряду и наблюдать антропологов, — вставил Рокингхем. — Они изучают человечество, а мы будем изучать их.

— Да, это общество во многом примитивная община, — сказал Иврард, — и поле для научных наблюдений там весьма обширное.

— И когда состоится доклад? — спросила я.

— О, совсем скоро, уже в следующем месяце! — ответила Елена.

— Нам надо работать, — раздраженно заявил Иврард. — Если не поспешим, вообще ничего не будет сделано.

— Наверное, на подготовку уходит много времени, — предположила я. — Пожалуй, я нервничала бы от одной только мысли о выступлении.

— Не в этом дело. Наш материал совершенно новый, но ведь хочется еще и хорошо его подать.

— Разумеется, — согласилась я.

— Ну, дорогой… — Посмотрев на мужа, Елена

подняла бокал. — Разве не прекрасно, что он вернулся? — вопросила она, ни к кому в сущности не обращаясь.

Иврард промолчал, но тоже вежливо поднял бокал, и я последовала его примеру.

— Тем больший повод выпить! — воскликнул Рокингхем с довольно натужной веселостью.

Он подошел ко мне с оплетенной бутылью, и я позволила подлить в мой бокал, хотя он еще не был пуст. Я начинала понимать, как люди нуждаются в спиртном, чтобы сгладить ту или иную неловкость, и вспомнила множество тягучих приходских праздников и собраний, которые прошли бы много живее, если бы кому-то пришло в голову открыть бутылку вина. Но таким, как мы, приходится довольствоваться титаном для чая, и мне подумалось, что надо отдать нам должное, раз даже при столь безобидном подспорье мы неплохо справляемся. Нынешняя вечеринка, если только ее можно было так назвать, явно не задалась, и я чувствовала себя не в своей тарелке. Мой опыт светских увеселений, признаю, довольно ограниченный до сих пор, не подразумевал ничего подобного. Мне очень хотелось, чтобы Иврард Боун ушел, но он завел серьезный разговор с Еленой о каком-то аспекте их доклада и не

замечал или не придавал значения возникшей неловкости. Наконец он сообщил, что ему пора, и весьма любезно попрощался с Рокингхемом и мной и довольно холодно с Еленой, упомянув, что через пару дней позвонит ей по поводу диаграмм родства.

— Нам нужно работать, — повторил он.

— С нетерпением буду ждать вашего доклада, — сказала я, чувствуя, что надо проявить любезность и что эта обязанность выпала на мою долю.

— О, вы найдете его смертельно скучным, — отозвался он. — Не следует ждать ничего особенного.

Я проглотила замечание, что, мол, женщины вроде меня и не ждут ничего особенного — по сути, вообще ничего.

— Так-так, — сказал Рокингхем, когда мы услышали стук закрывающейся двери. — Так это был великий Иврард Боун?

— Великий? — удивленно переспросила Елена. — Боюсь, сегодня он проявил себя с наихудшей стороны. А вам, миссис Лэтбери, он разве не показался невыносимо напыщенным и скучным? — С сияющими глазами она повернулась ко мне: — Он кажется довольно приятным и явно неду-

рен собой.

— Вот как? А меня блондины совсем не привлекают.

Продолжать в том же ключе показалось бессмысленным, поэтому я признала, что мне трудно было с ним разговаривать, что, впрочем, неудивительно, поскольку я не привыкла к общению с интеллектуалами.

— Да он просто невозможен! — вырвалось у нее.

— Забудь, лучше посмотри, что я тебе привез, — умиротворяюще, точно говоря с ребенком, сказал Рокингхем. — Немного майолики и фаянсовый сервиз к завтраку упакованы с основным багажом, ну а мелкие безделушки тут. — Открыв один из чемоданов, он достал флакончик духов, несколько пар шелковых чулок и несколько маленьких глиняных предметов. — Нет, нет, не уходите пока, мисс Лэтбери, — окликнул он меня, увидев, что я неуверенно направилась к двери. — Мне бы хотелось вам что-нибудь подарить. — С этими словами он вложил мне в руку фарфорового козлика. — Вот, выпустите его пастись среди бородатых архидьяконов и им подобных.

— Какой милый… Большое вам спасибо.

Поднявшись к себе, я поставила фигурку на

тумбочку у кровати. Может, Рокингхем был чуточку пьян, подумалось мне. Я, пожалуй, тоже немного захмелела, но ведь я не привыкла к спиртному. Да и вообще во всем этом вечере было что-то фантастическое, точно ничего такого не могло случаться взаправду.

Я лежала без сна, ощущая жажду и какое-то смутное беспокойство. Не следует часто видеться с Нейпирами. Сегодня вечером нас свели обстоятельства, но завтра мы каждый будем сам по себе. Я сомневалась, что Елена вспомнит о своем приглашении прийти послушать ее доклад в ученом собрании, поэтому решила ничего такого не ждать и пригласить к себе на пасхальные каникулы Дору. Надо полагать, она не слишком поладит с Рокингхемом, или Роки, как я теперь про себя его называла. «Он совсем не из тех, к чьему обществу привыкли мы с Дорой, а мне, оказывается, с ним очень легко», — чуть самодовольно подумала я, но потом вспомнила о военнослужащих из женского вспомогательного и поняла, что именно меня тревожит. Его шарм как раз и заключался в том, что людям с ним было комфортно. На самом же деле он, пожалуй, довольно поверхностная личность. Далеко не такой достойный, как Джулиан Мэлори или

наши церковные старосты мистер Моллет и мистер Конибир, или даже Тедди Лимон, который вообще не умеет себя вести в обществе… Засыпая, я вспомнила, что забыла помолиться. Приснился мне мистер Моллетт, который грозил мне пальцем и плутовато повторял: «Ах, ах, ах, мисс Лэтбери…»

Глава 5

На следующий день я помогала Уинифред разбирать вещи к благотворительному базару.

— Просто ужасно, по-моему, что люди отправляют на благотворительные базары своих родственников, — сказала Уинифред. — Как можно так поступать? — Она подняла повыше почерневшую серебряную рамку, из которой выглядывали голова и плечи женщины в платье эпохи короля Эдуарда. — Вот еще один, к тому же духовное лицо. — Опять совсем юный священник, кажется, только-только вылупился. Я посмотрела поверх ее плеча на чисто выбритое лицо над высоким воротничком.

— Так и чудится, что это кто-то из знакомых, — посетовала Уинифред. — Что, если бы мы взаправду его знали и кто-то увидел бы его среди других вещей? Каким это стало бы шоком! Я думаю, надо вынуть фотографию — в конце концов, покупают ведь рамки.

— Не думаю, что их принесли их родные, — утешила я ее. — Скорее всего, фотографии годами пылились в кладовке, и никто не знает, кто на

них изображен.

— Пожалуй, да. Но сама мысль о ненужности… Словно на благотворительный базар послали реального человека… Понимаете? Чем старше становишься, тем острее это чувствуешь. Молодежь, конечно, только посмеялась бы.

Я прекрасно понимала, что она имеет в виду, ведь старая дева без родных и друзей вполне может стать ненужной. Я ощущала это даже острее Уинифред: кто, собственно, обо мне заплачет, когда меня не станет? Дора, брат и сестра Мэлори, пара человек из моей старой деревни, возможно, пожалеют, но ни в чьей жизни я в первых строках не значусь. Меня так легко было бы заменить… Я решила не обсуждать это с Уинифред, по натуре склонной к романтике и меланхолии и тому, чтобы воображать себя в разных ситуациях. У кровати она держала томик стихов Кристины Россетти, переплетенный в мягкую зеленую замшу, хотя, насколько я знала, не обладала опытом, к которому относились часто цитируемые ею строки. Я была совершенно уверена, что, имейся кто-нибудь, о ком она могла бы подумать, прочитав: «Ты их забудь с улыбкой в тишине. Не вспоминай и прочь гони печаль», — она непременно бы мне рассказала.

— Уж вам-то это не грозит, — весело сказала я. — Бог знает, что бы Джулиан без вас делал.

— И правда! — Она рассмеялась, словно вдруг что-то вспомнила. — Видели бы вы его сейчас! Он забрал себе в голову, что покрасит комнаты, которые мы собираемся сдавать. Даже не представляете, какой погром он учинил! Я начала помогать, но вспомнила, что надо разобрать вещи, так что мисс Стэтхем, мисс Эндерс и сестра Блэтт дают ему наверху полезные советы.

— О боже, думаю, ему нужна более практичная помощь, — отозвалась я. — Можно мне подняться посмотреть?

— Да, пожалуйста, а я останусь здесь. Наверное, куплю себе эту юбку, — услышала я ее бормотание. — Ее еще носить и носить.

Женские голоса, звучавшие на повышенных тонах, привели меня в большую комнату на верхнем этаже, где я застала Джулиана Мэлори сидящим на ступеньке стремянки с кистью в руке и в старой сутане, теперь пестревшей мазками краски. Рядом стояли мисс Стэтхем и мисс Эндерс, две маленькие, похожие на птичек женщины, которых я иногда путала, а также сестра Блэтт в сером форменном платье, кряжистая и розовощекая, деловитая и прямолинейная.

Все рассматривали стену, которую Джулиан, по всей очевидности, только что закончил красить.

— Очень надеюсь, что, когда высохнет, цвет изменится, — сказала сестра Блэтт. — А то он любого с ума сведет.

— На банке было написано «Старое золото», — несчастным голосом отозвался Джулиан. — Может, я слишком густо замешал?

— Консистенция жидкой сметаны, — прочла на банке мисс Эндерс. — Вот как должно быть.

— Трудно, конечно, вспомнить, какая она, сметана, — сказала мисс Стэтхем. — Наверное, жидкая сметана — это как пенка на молоке.

— О, Милдред! — Жестом отчаяния Джулиан махнул в мою сторону кистью, обрызгав всех каплями краски. — Спасите нас!

— Чем я могу помочь?

— Ничем, — почти удовлетворенно отозвалась сестра Блэтт. — Боюсь, отец Джулиан покрасил стену не в тот цвет. Остается только дождаться, пока высохнет, и придать ей более светлый оттенок. И вообще краска легла подтеками. — Нагнувшись, она уставилась в стену. — Боюсь, мне совсем не хотелось бы жить в комнате такого цвета.

— А я думаю, что, когда высохнет, посветле-

ет, — с надеждой ответила я.

— Жаль, что не поручил это ребятам из молодежного клуба, — сказал Джулиан. — Боюсь, по части практических дел я не мастер. Мне всегда думалось: какое, наверное, испытываешь удовлетворение, сделав что-то хорошее своими руками. Уверен, я достаточно часто это проповедовал.

— Ну, в земной юдоли удовлетворение нам не положено, — отрезала сестра Блэтт. — В этом, вероятно, все дело.

Джулиан улыбнулся.

— Жестоко, конечно, что мне не позволительна даже столь малая радость, но сегодня я определенно научился смирению, так что вся эта затея не пропала даром. А ведь казалось-то так просто, — печально добавил он.

— М-да, ничто не бывает так просто, как кажется, — самодовольно отозвалась мисс Стэтхем.

— Определенно не бывает, — согласилась мисс Эндерс, которая была портнихой. — Мои клиентки часто говорят, что хотят сами сшить себе хлопчатое платье или прямую юбку, а потом обнаруживают, что это далеко не так просто, и бегут ко мне, чтобы я поправила.

— Жаль, что вы не можете поправить это, мисс Эндерс. — Джулиан сгорбился на своей стре-

мянке.

— Смотрите, — вмешалась я, — действительно становится светлее, и высыхает довольно ровно. Наверное, естественно, что жидкая краска гораздо более темная.

— И правда, — согласилась сестра Блэтт. — Теперь цвет уже довольно приятный.

— Какая вы умная, Милдред, — благодарно сказал Джулиан. — Я знал, что вы поможете.

— Ну, теперь, когда мы наставили вас на нужный путь, пора нам и своим пойти, — добродушно произнесла сестра Блэтт.

— Спасибо за помощь и советы, — с толикой иронии отозвался Джулиан.

— А потолок отец Мэлори покрасить попытается? — вполголоса спросила мисс Стэтхем.

— Это самое сложное, — объяснила мисс Эндерс.

— Будучи пастырем, он непременно должен совершить подвиг, — жизнерадостно рассмеялась сестра Блэтт. — Возможно, мисс Лэтбери ему поспособствует. Боюсь, моего веса стремянка не выдержит, — довольно добавила она, опуская взгляд на свои обтянутые серым телеса. — И вообще, я считаю, что сначала надо было красить потолок, а только потом стены. Если будете

красить потолок теперь, отец, стены белым забрызгаете.

— Наверное, да, — терпеливо отозвался Джулиан. — Замечательные женщины, — вздохнул он, когда они ушли. — Может, прервемся на чай?

— Вы могли бы поискать добровольцев из хора или молодежного клуба, пусть они закончат, — предложила я. — Уверена, Тедди Лимон с этим прекрасно справится. Мужчины любят возиться с красками и побелкой.

— Полагаю, меня нормальным мужчиной считать нельзя, — сказал Джулиан, снимая заляпанную желтым сутану и вешая ее на стремянку, — но у меня тоже есть тяга к подвигам.

Уинифред мы нашли в коридоре с ящиком чучел птиц.

— Смотрите, это, как обычно, от миссис Ноуд, — сказала она.

— В ее доме, наверное, совсем не осталось птиц, учитывая, что она на каждый базар присылает по несколько штук, — заметила я.

— Нет, там еще уйма, — возразил Джулиан. — Эти, кажется, из чулана. В холле экземпляры получше — кое-какие довольно угрожающие, с распростертыми крыльями. А эти совсем маленькие, почти как воробышки.

— Эти разойдутся как горячие пирожки, — сказала Уинифред. — За них всегда идет драка. Пойдем выпьем чаю.

Чаепитие в этом доме всегда было наиболее безопасным приемом пищи, а сегодня даже подали невзрачный с виду пирог.

— Надо спросить Нейпиров, нет ли у них чего-нибудь для базара, — предложила я. — У него, вероятно, найдется какой-нибудь старый костюм, который ему больше не нужен, или, возможно, форма без петлиц и нашивок.

— То и дело слышишь, как муж вернулся домой и обнаружил, что его гражданскую одежду сожрала моль, — серьезно откликнулась Уинифред. — Ужасный, наверное, шок.

— За этим надо бы приглядывать женщинам, — заметил Джулиан. — Шарики от моли, камфара и так далее, — неопределенно добавил он. — Я полагаю, вполне возможно держать моль в узде. Как по-вашему, миссис Нейпир в этом отношении исполнила свой долг?

— Не знаю, — протянула я, так как мне пришло в голову, что скорее всего нет. Я не могла представить, чтобы она методично занималась такими хозяйственными мелочами.

— А с ним самим вы познакомились? — спро-

сила Уинифред.

— О да, он совершенно очарователен. Недурен собой, мил, и с ним так легко разговаривать. Мне он очень по душе.

— Можно подумать, вы влюбились, — подтрунивая, сказал Джулиан, — раз уж он произвел столь благоприятное первое впечатление.

— Глупости! — запротестовала я. — Мы с ним встречались только однажды, и он скорее всего моложе меня. К тому же женат.

— Очень рад это слышать, Милдред, — уже серьезнее сказал Джулиан. — Многие сегодня забывают, что это должно быть преградой.

— Ну же, Джулиан, не надо проповедей, — попросила Уинифред. — Ты сам знаешь, Милдред никогда не сделает ничего дурного или глупого.

Я с легкой грустью подумала, что это слишком уж верно, и понадеялась, вдруг остальные видят меня в чуточку ином свете. Добродетель — прекрасное свойство, и нам всем следует к ней стремиться, но иногда она немного угнетает.

— Передай Милдред что-нибудь поесть, — попросила брата Уинифред.

— Надеюсь, она достаточно хорошо нас знает, чтобы взять самой, не спрашивая разрешения, — отозвался Джулиан. — Иначе, боюсь, ей очень

немного достанется.

В разговоре возникла короткая пауза, и я, взяв еще кусок пирога, вдруг задумалась над шуткой Джулиана о том, что я влюблена в Рокингхема Нейпира. Разумеется, это было совершенно невозможно, но я явно испытала на себе силу его обаяния, и мне следовало бы почаще напоминать себе о неловких военнослужащих из женского вспомогательного и о том, как он очаровывал их на адмиральской вилле. Но я никогда не была склонна влюбляться и часто жалела, что меня обошел стороной опыт не только брака, но и, возможно, более великий и более возвышающий душу шанс любить и потерять любовь. Конечно, в юности у меня был младший священник, а после банковский клерк, читавший после службы отрывки из Священного Писания, но ни одну из этих влюбленностей великой не назовешь.

— А теперь, — воспользовался тишиной Джулиан, — у меня есть для вас новости.

— И какие же? — воскликнули мы хором.

— Кажется, я нашел жилицу для нашей квартиры!

— Как интересно, Джулиан! — Уинифред импульсивно всплеснула руками и опрокинула чайник с горячей водой. — Рассказывай скорей!

— Кто-то действительно подходящий? — спросила я.

— Исключительно подходящий, на мой взгляд, — ответил Джулиан. — Некая миссис Грей, вдова.

— Звучит превосходно. Некая миссис Грей, вдова, — повторила я. — Так ее себе и представляю.

— И я тоже! — с энтузиазмом воскликнула Уинифред. — Опрятная маленькая женщина лет шестидесяти, довольно мило одетая.

— Боюсь, ты далека от правды. Я бы сказал, она совсем немногим старше Милдред. К тому же высокая, но, рискну сказать, очень мило одетая. Впрочем, сама знаешь, я мало обращаю внимания на такие детали.

— Но как вы ее нашли? — поинтересовалась я. — Вы давали объявление в «Церковные ведомости»?

— Нет, не понадобилось. Она даже живет в нашем приходе — пока в меблированных комнатах. Вы, возможно, видели ее в церкви, хотя она мне сказала, что всегда сидит в задних рядах.

— Вот как? Интересно…

Уинифред начала перебирать все незнакомые лица, какие заметила в последнее время, но нам никак не удавалось опознать миссис Грей. Опи-

сание Джулиана было настолько расплывчатым, что подходило к любой из двух или трех новых женщин, которых мы смогли припомнить.

— Откуда она узнала про квартиру? — спросила я.

— Она зашла к мисс Эндерс перешить платье, и, надо полагать, они разговорились. Потом она упомянула об этом отцу Грейторексу, а тот рассказал мне. Она решила, что ей не следует обращаться ко мне напрямую. Она ведь вдова священника, понимаете, — добавил Джулиан, точно это объясняло деликатность, которую редко проявляют люди, занятые таким безнадежным делом, как поиски квартиры.

— Ну надо же! — невольно воскликнула я, поскольку инстинктивно не доверяю вдовам, которые бывают двух разновидностей, причем одна может быть опасной. Правда, я сочла, что по описанию миссис Грей явно относилась к сравнительно безвредной.

— Полагаю, у нее не слишком много денег, — задумчиво продолжал Джулиан, — поэтому даже не знаю, какую плату было бы справедливо попросить. Я понял, что не могу про это заговорить, и, по всей очевидности, она тоже не сумела.

— А я считаю, что это должен быть ее первый

вопрос, — сказала я, удивившись про себя, какой, наверное, деликатный у них вышел разговор. — Не ждет же она, что получит три комнаты даром? Вам надо быть осторожным, как бы она не попыталась сбить цену.

— Ох, Милдред! — Вид у Джулиана сделался удрученный. — Если бы вы ее видели, не говорили бы так. У нее такие грустные глаза.

— Нет-нет, извините, — пробормотала я, поскольку совершенно забыла, что она вдова священника.

— Конечно, мы не хотим на ней наживаться, — сказала Уинифред, — поэтому, уверена, достигнем дружеского соглашения. Возможно, я могла бы это с ней обсудить, вероятно, с женщиной ей будет не так неловко.

С сомнением посмотрев на сестру, Джулиан перевел взгляд на меня.

— Думаю, идеальной кандидатурой была бы Милдред.

— Потому, что привыкла находить общий язык с обедневшими женщинами из хороших семей? — спросила я. — Но, боюсь, общение с ними развило во мне подозрительность. Понимаете, иногда к нам приходят мошенницы, и каждый случай требуется тщательно изучить.

— Правда? Как печально! Я понятия не имел, что кто-то решится на мошенничество.

— Ужасно! — воскликнула Уинифред. — Мне всегда грустно слышать про такую греховность. Особенно среди женщин нашего круга.

— Да, возможно, от них ожидаешь большего, — согласилась я, — но могу вас заверить, такое иногда случается.

В обществе брата с сестрой Мэлори у меня довольно часто возникало ощущение, что о греховности сего мира я знаю больше них, особенно учитывая, сколько узнала о слабостях человеческой природы, когда работала в ведомстве по цензуре. Впрочем, столь большая часть моих познаний была из вторых рук, что я сомневалась, обладает ли житейской мудростью хоть кто-то из нас троих. Но мне вправду казалось, что по натуре они наивнее и доверчивее меня.

— Надеюсь, я более или менее справлюсь сам, — сказал Джулиан. — Было бы нечестно ожидать, что Милдред займется чем-то, совершенно ее не касающимся.

— Могу попробовать, если хотите, — с сомнением произнесла я, — но это правда не мое дело.

Тогда я еще не осознала в полной мере, что практически что угодно может быть делом

незамужней, не обремененной семейными обязательствами или собственными бедами женщины, которая проявляет дружеское участие к затруднениям ближних.

— Надо будет поискать миссис Грей в церкви, — сказала Уинифред. — А ведь, сдается, я знаю, кто это. Кажется, она иногда носит горжетку из черно-бурой лисы.

— Джулиан вроде бы сказал, что у нее мало денег, — откликнулась я. — Хотя, конечно, меха могли остаться с лучших времен.

— Горжетка довольно пушистая, — добавила Уинифред. — Может, и не чернобурка вовсе. Я плохо в этом разбираюсь.

— Кажется, во время нашей встречи мехов на ней не было, — внес свою лепту Джулиан, — но одета она была очень мило.

— Надеюсь, она не будет отвлекать вас от написания проповедей, Джулиан, — сказала я в шутку. — Нас, верно, ждет сокращение речей с кафедры, едва въедет миссис Грей.

Рассмеявшись, Джулиан встал из-за стола.

— Надо возвращаться к краске, не то комнаты останутся непригодными для жилья. Работа теперь будет в радость, раз уж я знаю, что, высохнув, тон станет светлее. Сегодня я определенно

кое-чему научился.

Уинифред нежно улыбнулась ему вслед.

— Мужчины совсем как дети, правда? Донельзя счастлив, когда делает что-то, с чем можно перепачкаться. А теперь, Милдред, может, проставим цены на вещи для базара?

Мы мирно провели полчаса, перебирая присланный хлам и строя домыслы насчет миссис Грей.

— Джулиан по сути ничего и не сказал о том, какая она, — пожаловалась Уинифред.

— Надо думать, женщин такого типа и возраста трудно описать, если только они не поразительные красавицы.

— Как чудесно было бы, окажись она поразительно красива! — Уинифред откинула со лба растрепанные седые волосы.

— Ну, не знаю, — протянула я. — Возможно, будь она к тому же еще и милой, однако красивые люди не всегда таковы.

— Но она же вдова священника…

— Боже ты мой! — рассмеялась я. — Об этом-то я и забыла! — Эти два слова уже казались своего рода магическим заклинанием. — Значит, она должна быть не только красивой, но и доброй. Как-то даже чересчур. Откуда нам знать, как умер

ее муж? Может, это она свела его в могилу.

Вид у Уинифред сделался такой шокированный, что она отбросила глупые фантазии и вернулась к определению цен на поношенную одежду, чучела птиц, старую обувь, клюшки для гольфа, трактаты по теологии, ноты популярных танцевальных мелодий тридцатых годов, каминные решетки и рамки для фотографий — хлам во всей его красе.

— Интересно… — задумчиво произнесла вдруг Уинифред. — Интересно, а какое у нее имя?

Глава 6

Великий пост в этом году начался в феврале, и погода стояла холодная, с ледяным дождем и пронизывающим ветром. Контора, где я вела дела моих обедневших дам, располагалась в Белгравии, и по средам я обыкновенно ходила на дневные службы в Сент-Эрмин.

Церковь сильно пострадала при бомбежке, и пользоваться можно было только одним нефом, поэтому он всегда казался переполненным — даже сравнительно небольшому числу прихожан приходилось тесниться в неповрежденном проходе. Это давало нам ощущение сплоченности и отделенности от остального мира, поэтому паства напоминала мне первых христиан, окруженных, надо признать, не львами, но суматохой и суетой обеденного перерыва в будний день.

В Пепельную среду я, как обычно, пошла в церковь с миссис Боннер, еще одной нашей сотрудницей, которую привлекал главным образом сам проповедник, так как, по ее собственному признанию, она любила хорошие проповеди. Мы поспешно съели ленч (безвкусные спагетти, за

которыми последовал передержанный пудинг — самая подходящая еда для Великого поста, как мне кажется) и пришли задолго до начала службы. Пробравшись через развалины, где были сложены грудами сорванные настенные плиты, случайная урна или голова херувима, мы наткнулись на маленькую седенькую женщину, разогревавшую кофе в сковородке на примусе, что казалось совершенно неуместным посреди такого разорения.

Миссис Боннер удобно устроилась в ожидании удовольствия и стала разглядывать входящих, точно присутствовала на светской свадьбе. Боюсь, она нашла их не слишком интересными, поскольку это были различные конторские служащие да несколько старушек и унылых старых дев, которые повсюду составляют часть паствы. Исхудавший священник в порыжелой черной сутане маячил у двери, а его жена суетилась среди входящих, стараясь помешать им последовать естественной склонности и сгрудиться в задних рядах, не оставляя места для опоздавших.

Я сидела смирно, иногда оглядываясь по сторонам, и в один из таких моментов, к своему удивлению и огорчению, обнаружила, что смотрю прямо на Иврарда Боуна, который как раз

входил в церковь. Он тоже посмотрел на меня, но как будто не узнал. Наверное, я была неотличима от множества других женщин в невзрачных зимних пальто и простых шляпках и порадовалась своей безликости. Но его трудно было не заметить. Отлично сшитое пальто, длинный нос и светлые волосы сразу бросались в глаза среди царящей вокруг серости. Мне показалось, я почти поняла, насколько привлекательным он мог казаться любому, кого тянет к трудному, необычному и даже неприятному.

— Какой интересный мужчина… Хотя нос у него чуточку длинноват, — громким шепотом произнесла миссис Боннер, когда Иврард сел на скамью впереди нас.

Я не ответила, зато поймала себя на мысли, что не могу о нем не думать. Уж его-то я никак не ожидала тут увидеть. Наверное, по невежеству я всех антропологов считала неверующими, но появление Иврарда Боуна основательно поколебало мою самоуверенность. С другой стороны, он, возможно, пришел из профессиональных соображений: чтобы изучать наше поведение с прицелом написать статью в какой-нибудь научный журнал. Надо будет расспросить Елену при следующей встрече.

Маленькая седая женщина — возможно, та самая, которая варила в развалинах кофе, — села за фисгармонию и заиграла вступление к гимну Великого поста. Собравшиеся пели от всего сердца, пусть и немного нестройно, и мною овладели смирение и стыд за нехристианские мысли об Иврарде Боуне. Несомненно, он лучший человек и лучший христианин, чем я, что, впрочем, не так уж сложно. А кроме того, почему, собственно, он мне не нравится? Из-за своего длинного носа и того, что мне было трудно с ним разговаривать? Или из-за его дружбы или что у них там с Еленой Нейпир? Последнее уж точно было не моим делом.

Проповедник говорил интересно и убедительно. Его слова словно связывали нас, так что мы все больше напоминали ранних христиан, у которых много общего. Я старалась отделаться от чувства, что предпочла бы не иметь ничего общего с Иврардом Боуном, но оно то и дело возвращалось, будто он в каком-то смысле был епитимьей, и совсем расстроилась, когда на выходе мы с ним оказались почти рядом.

— Боже ты, боже мой, — громким шепотом произнесла миссис Боннер. — Какая интересная проповедь, но сколько всего про грех! Наверное, в

начале Великого поста такое вполне естественно, но чувствуешь себя совсем несчастной, правда?

Сомневаюсь, что это замечание было уместным, и ее громкий шепот вызвал у меня лишь неловкость, поскольку я испугалась, что она привлечет внимание Иврарда Боуна и он меня узнает. Однако мне нечего было бояться, так как, неуверенно постояв секунду-другую на паперти, он быстро пошел в противоположном от нас направлении.

— Понятно, что в церкви у него всегда битком, — продолжала миссис Боннер. — И он, несомненно, сильная личность, но не могу поверить, что мы действительно настолько грешны.

— Нет, но нас надо заставить это понять, — неубедительно ответила я, поскольку мы и правда казались довольно безвредными — люди средних и преклонных лет и несколько мягких с виду человек помоложе. Иврард Боун был единственным, на ком можно было задержать взгляд.

— Разумеется, множество очень хороших людей нерелигиозны в том смысле, что не ходят в церковь, — не унималась миссис Боннер.

— Конечно, конечно, — согласилась я, чувствуя, что она вот-вот заведет речь о том, что с равным успехом можно славить Господа в березовой

роще или у лунки для гольфа ясным воскресным утром.

— Должна признать, я всегда чувствую присутствие Господа гораздо больше, когда нахожусь в саду или на горе, — продолжала мисс Боннер.

— Боюсь, у меня нет сада и я никогда не бываю на горе, — отозвалась я.

Но, вероятно, присутствие Господа можно лучше почувствовать на Уайтхолле или на Белгравия-сквер, чем, скажем, на Воксхолл-бридж-роуд или на Оксфорд-стрит? Без сомнения, в этом что-то есть.

— «Исполнен красоты чудесной сад, так повелел Господь»[11], — довольно вяло процитировала миссис Боннер. — На следующей неделе обязательно надо будет сходить. Интересно ведь, когда проповедники постоянно меняются: никогда не знаешь наперед, чем все обернется.

Когда я вернулась домой, мне пришло в голову, что надо бы спросить, нет ли у Нейпиров чего-нибудь для благотворительного базара, который состоится в ближайшее воскресенье. А еще я подумала, что могу разузнать об Иврарде Боуне и о том, почему он был на службе. Конечно, это

---

[11] Примечания: 11
Томас Эдвард Браун. «Мой сад».

не мое дело, но мне стало любопытно. Возможно, узнав это, я его пойму и стану лучше к нему относиться.

Поднимаясь к себе мимо квартиры Нейпиров, я услышала, что они дома, поскольку двери у них всегда были приоткрыты. Сейчас голоса стали громкими, точно они ссорились.

— Ты же просто грязнуля, дорогая! — услышала я голос Роки. — Как можно ставить горячую жирную сковородку на линолеум!

— Да не кипятись так! — донесся из гостиной голос Елены.

Я с виноватым видом медленно пробиралась мимо, чувствуя, что подслушиваю, когда с тряпкой в руках из кухни вышел Роки и пригласил меня выпить с ним кофе.

Он повел меня в гостиную, где за письменным столом сидела Елена. Вокруг нее были разбросаны листы с какими-то диаграммами из маленьких кружков и треугольников.

— Выглядит очень научно, — сказала я, делая слабую попытку быть любезной — так иногда случается в неловких ситуациях.

— Просто диаграммы родства, — резковато отозвалась она.

Роки, рассмеявшись, налил мне кофе, и мне

показалось, Елена сердится, что он меня пригласил.

— Не обижайтесь, что не отрываюсь от работы, — сказала она. — У нас скоро доклад, а еще многое нужно сделать.

— Надо полагать, вы испытаете большое облегчение, когда все останется позади, — сказала я.

— Уж я-то точно его испытаю, — вставил Роки. — В настоящий момент на мне вся готовка и стирка. Я устал как собака.

— Теперь ты не на адмиральской вилле, и вообще осталось недолго. И я думала, ты любишь готовить, дорогой, — раздраженно откликнулась Елена.

Мне стало не по себе. Наверное, женатые люди так привыкли говорить «дорогая» и «дорогой», что не осознают, как фальшиво звучит это слово, произнесенное раздраженным или сердитым тоном.

— Я хотела спросить, нет ли у вас чего-нибудь для воскресного благотворительного базара? — поспешила вставить я. — Старая одежда, обувь, что-нибудь такое?

— Да-да, у меня вечно уйма хлама. Отличный шанс от него избавиться, — сказала Елена, не поднимая глаз от заметок. — Я соберу что-нибудь

вечером.

— А у меня есть пара ботинок и костюм, который съела моль, — сказал, бросив взгляд на жену, Роки. — Принесу вам сегодня вечером. К Елене придет Иврард Боун поговорить про доклад.

— А я его сегодня видела, — сообщила я небрежно.

— Вот как? — Елена, оживившись, повернулась.

— Да, я была на службе в Сент-Эрмин и видела его там. Очень удивилась. То есть, — добавила я, не желая показаться самодовольной, — удивилась, поскольку туда никто из знакомых обычно не ходит.

— Вы хотите сказать, что не ожидали, что антропологи ходят в церковь, мисс Лэтбери? — заметила Елена. — Но Иврард новообращенный и довольно ревностный христианин, знаете ли.

— Я думаю, новообращенные всегда ревностны, — отозвался Роки. — В том-то и смысл новообращения, верно? Все кругом для них интересно и ново. Он обратился в Африке, видя миссионеров за работой? Я полагаю, это должно было оказать обратное действие.

— О нет! — запротестовала я. — Они делают такое благое дело!

— Благое дело? — повторил, смакуя слова, Роки. — Как мне нравится это выражение! Так благородно звучит. Возможно, мисс Лэтбери права, и как раз вид собратьев-антропологов наставил его на путь истинный.

— Это было не в Африке. — Елену разговор как будто совсем не забавлял. — Думаю, это случилось в Кембридже, хотя он никогда об этом не рассказывает.

— Наверное, это довольно неловко, — сказал Роки. — Жизнь без всего такого во многом лучше.

— Конечно, для него это скорее интеллектуальное занятие, — пояснила Елена. — Ведь он знает ответы на все вопросы.

— Нам определенно нужны такие люди, — вставила я. — Церкви нужны интеллектуалы.

— Не сомневаюсь, — пренебрежительно бросила Елена. — Все эти старушки, заглядывающиеся на смазливых младших священников, церковь далеко не продвинут.

— Но наш младший священник вовсе не смазливый, — возмутилась я: перед глазами у меня возникла приземистая фигура отца Грейторекса в обтрепанном плаще. — И даже не молодой.

— И вообще, зачем церкви куда-то продвигаться? — спросил Роки. — Мне кажется, гораздо

утешительнее знать, что она остается на своем месте.

— Где бы оно ни было, — добавила Елена.

Я тихо запротестовала, но совсем тихо, поскольку с ними двумя и впрямь не понимала, о чем речь и где мое место, хотя Роки был как будто на моей стороне.

— Боюсь, не все мы так уж интеллектуально подходим к своей вере, — сказала я, обороняясь. — Мы, вероятно, многого не знаем и не умеем дискутировать. Тем не менее, думаю, в церкви и для глупых есть место, — добавила я, вспомнив строки из гимна епископа Хебера: «Много богаче славословие сердце, дороже Господу молитвы бедняков». Хотя, вполне очевидно, Ему должно быть по нраву, что у Него есть такой интеллектуал, как Иврард Боун.

— Вы с ним поговорили? — спросила Елена.

— О нет, думаю, он даже меня не заметил, а если и заметил, то не узнал. Так часто бывает, знаете ли. Наверное, во мне просто нет ничего примечательного.

— Милая моя мисс Лэтбери, — улыбнулся Роки, — это чистой воды неправда!

И вновь я перенеслась на террасу адмиральской виллы, где заняла свое место среди военнослужа-

щих женского вспомогательного. Разумеется, я не знала, что на это ответить.

— Почему бы нам не называть вас Милдред? — спросил вдруг Роки. — В конце концов, мы будем часто видеться. Думаю, мы станем друзьями.

Я испытала некоторую неловкость, но не могла же отказать!

— И вы должны называть нас Елена и Роки. Справитесь?

— Думаю, да, — отозвалась я, спросив себя, когда начинать.

— А Иврарда Боуна называть Иврардом, — внезапно рассмеялась Елена.

— О нет! — воспротивилась я. — Вообразить себе такого не могу!

— Вам следовало бы поговорить с ним после службы, — посоветовала она. — Сказать что-нибудь о проповеди. Он любит покритиковать.

— Он куда-то спешил, — объяснила я, — так что у меня не было шанса, даже если бы он меня узнал.

— Как же мило, что над нами живете именно вы, — неожиданно сказала Елена. — Подумать только, там могла бы поселиться какая-нибудь скучная семейная пара, или «деловая женщина», или семья с детьми… какой ужас!

К себе наверх я поспешила в приподнятом настроении. Меня несколько позабавила мысль о том, что, увидев Иврарда Боуна на великопостной службе, я сразу стала человеком, с которым приятно жить в одном доме. Ради Елены, если не себя самой, наверное, в следующий раз стоит сделать какой-нибудь дружеский жест. Можно назначить себе епитимью: лучше относиться к Иврарду Боуну. Я стала воображать себе, как это будет: что я скажу и что он ответит. Какое-нибудь замечание о проповеднике или о погоде или дружеский вопрос о том, как продвигается работа, были бы неплохим началом.

Я стояла у окна, опираясь о рабочий стол, и рассеянно смотрела на церковь, видневшуюся за голыми деревьями. Вид сестры Блэтт, великолепной на своем высоком старомодном велосипеде — точь-в-точь корабль на всех парусах, — доставил мне большое удовольствие. Потом появился Джулиан Мэлори в черной накидке: наш священник разговаривал и смеялся с женщиной, которой я раньше не видела. Она была высокой и довольно элегантно одетой, но лица ее я не разглядела. Мне вдруг пришло в голову, что это, наверное, миссис Грей, которая будет жить в квартире на втором этаже. Я проводила их

взглядом, пока они не скрылись из виду, а потом пошла на кухню стирать чулки. Я не могла бы сказать, откуда у меня взялось чувство, что она не совсем то, чего мы ожидали. Вдова священника… У нее такие грустные глаза… Вероятно, мы не представляли себе, что она будет смеяться вместе с Джулианом, — более определенной причины я не отыскала…

Глава 7

Официально меня представили миссис Грей на благотворительном базаре утром в субботу. Ей предстояло работать вместе с Уинифред, которая выглядела очень оживленной и довольной, напомнив мне ребенка, который предложил играть вместе и был принят в друзья.

Миссис Грей, как я и предположила, увидев ее мельком, была недурна собой и элегантно одета. Возможно, слишком элегантно для вдовы священника, подумалось мне, — тут я вспомнила, сколько уже встречала таких, как она. Ее сдержанная обходительность наводила на мысль не о робости, а скорее о самодостаточности, а в ее улыбке было что-то потаенное, будто она видела и думала больше, чем согласилась бы признать.

— Вам придется говорить мне, что делать, — сказала она, обращаясь к нам с Уинифред, — хотя, надо полагать, благотворительные базары повсюду одинаковы.

— Народ набежит довольно буйный, — игриво отозвалась Уинифред. — У нас не самый приятный район, сами понимаете, далеко не Белгравия.

Боюсь, многие из тех, кто приходит на наши базары, носа в церковь не кажут.

— Так, по-вашему, в Белгравии есть благотворительные базары? — спросила миссис Грей. — Никогда бы не подумала.

— Кажется, в Сент-Эрмин иногда устраивают, — вставила я.

— Хочется думать, что на них ходят жены членов кабинета министров, — откликнулась миссис Грей с довольно деланым смешком, как мне показалось.

Чересчур громко рассмеявшись, Уинифред принялась переставлять вещи на раскладном столе. Они с миссис Грей заправляли «палаткой» всяческих безделушек. На центральном месте здесь величественно возвышались чучела птиц, их окружали книги, фарфоровые статуэтки и рамки — в некоторых еще остались фотографии. Уинифред вынула эдвардианскую леди и молодого священника, но остальные проглядела, и теперь они обвиняюще смотрели из своих почерневших вычурных оправ: некрасивая женщина с напряженным лицом (наверное, гувернантка), группа бородатых джентльменов в костюмах для крикета, капризного вида дитя с кудряшками.

— Ой, посмотрите! — услышала я восклицание

Уинифред. — Бедняжки! А я думала, что всех вынула!

— Неважно, — успокаивающе, точно разговаривая с ребенком, сказала миссис Грей, — думаю, те, кто покупает рамки, даже не замечают фотографий. Помню, в приходе моего мужа…

«Так, значит, у ее мужа был приход», — подумала я. Почему-то я представляла его армейским капелланом, погибшим на войне. Тогда, возможно, он был в годах? После этого я уже ничего не слышала, поскольку голос у миссис Грей был тихий, а на меня надвинулась сестра Блэтт. Я обрадовалась, что она поможет мне в «палатке» с одеждой, всегда самой популярной. Каждая вещь была заранее снабжена ценником, но все равно среди покупателей обычно возникали борьба и ссоры, и они обращали к нам призывы их рассудить.

Базар был устроен в зале приходских собраний, пустом помещении с выкрашенными зеленым стенами. На одной из них висел написанный маслом портрет отца Басби, первого священника здешней церкви, и он взирал с него на нас сверху вниз, словно благословляя наши старания. По крайней мере нам хотелось думать, что он нас благословляет, хотя, если посмотреть

внимательнее, выходило, что он скорее восхищается собственной окладистой бородой, которую любовно поглаживал пухлой рукой. Сейчас в дальний угол зала были сдвинуты бильярдный стол, доска для дартса и другие приспособления для безобидных развлечений членов молодежного клуба. Поближе к дверям за стойкой с решеткой мисс Эндерс, мисс Стэтхем и моя миссис Моррис, которую, очевидно, больше не смущали ни биретты, ни папские туфли, хлопотали вокруг титана и чайников. Джулиан Мэлори в фланелевых брюках и пиджаке спортивного кроя, заручившись поддержкой Тедди Лимона и нескольких дюжих ребят из клуба, ждал у дверей, чтобы сдерживать напор посетителей, когда они откроются. Посреди зала неуверенно топтался отец Грейторекс в сутане и старом синем бушлате, какие во время войны носили участники гражданской обороны.

Перехватив мой взгляд, сестра Блэтт раздраженно цокнула языком.

— Опять он! Как же он действует мне на нервы!

— На благотворительных базарах он действительно бесполезен, — согласилась я. — Но он такой добрый, почти святой. — Тут я осеклась, поскольку на самом деле ничем не могла под-

крепить свое утверждение — лишь тем, что его обычное одеяние, состоящее из сутаны и старого бушлата, указывало на полное безразличие к условностям этого мира, что, в свою очередь, подразумевало поглощенность высшими материями.

— Как же, святой! — фыркнула сестра Блэтт. — Ума не приложу, почему вы так решили. Только потому, что человек на склоне лет принял сан и расхаживает как старый бродяга? Он ничего не добился в торговле, вот и подался в церковь. Не такие нам нужны.

— Будет вам, — запротестовала я. — Не слишком ли вы суровы? В конце концов, он правда хороший человек…

— А вот и мистер Моллет с мистером Конибиром! Только посмотрите на них! — продолжала она так громко, что оба церковных старосты вполне могли ее услышать. — Вот кому бы не повредило испачкать руки толикой честного труда. Ведь Тедди Лимон и мальчики расставили столы и наносили воды в титан.

— Да, сестра, когда мы пришли, обнаружили, что все уже сделано, — сказал мистер Моллет, кругленький добродушный человечек. — Истинный был удар, скажу я вам. Мы надеялись помочь

вам, милые дамы. Но служат и те, кто лишь стоит и ждет, как говорят поэты.

— А пришли-то вы довольно рано, — с нескрываемым сарказмом откликнулась сестра Блэтт.

— Ранней пташке Бог червячка подаст, — откликнулся мистер Конибир, высокий и жилистый человек в пенсне.

— Надеюсь, вы не думаете, что у нас тут есть червяки, — хихикнула из-за стойки мисс Стэтхем. — И вообще вы можете получить кое-что другое, если не отойдете с дороги. И не думайте, что я налью вам чаю, пока вы его не заслужите…

Но в этот момент Джулиан с часами в руке приказал открыть двери. Напирающую толпу сдерживали Тедди Лимон и его подручные, а Джулиан брал по три пенса платы за вход. Едва попав внутрь, люди бросались к палаткам.

— Вот и говори про высадку в Нормандии, — заметила сестра Блэтт. — Из тутошних прихожан отличные десантники вышли бы.

Следующие несколько минут потребовали большой сосредоточенности и твердости. Я принимала деньги, отсчитывала сдачу и одновременно старалась расправить смятую одежду, уладить споры и спасти от давки старушек.

Сестра Блэтт направо и налево раздавала сове-

ты и критические замечания.

— Вам никогда в него не влезть, миссис Райан! — насмешливо крикнула она кряжистой ирландке (католичке, кстати сказать), которая на наших базарах всегда оказывалась в первых рядах.

Добродушно рассмеявшись, миссис Райан крепче прижала к себе платье из искусственного шелка, которое успела ухватить. Как всегда, меня привлек ее мягкий говор, поэтому я зачарованно слушала, не понимая, что именно она говорит. Я разобрала лишь слова «мировой мужик», когда она уже уходила с платьем.

Миссис Блэтт против воли расхохоталась:

— Ну и нахалка! Пригласила меня на их благотворительный базар на следующей неделе, да еще сказала, что их новый священник, отец Богарт, мировой мужик! Словно меня это привлечет!

— Да, но если подумать, такое случается сплошь и рядом. Где была бы церковь, если бы не «мировой мужик» от случая к случаю? И вообще, приятно думать, что благотворительные базары способны объединить конфессии. Интересно, а методисты базары устраивают?

— Объединение конфессий через благотворительные базары? — переспросил подошедший к

нашей палатке Джулиан. — Что ж, могло быть и хуже. — Он с удовлетворением оглядел толпу, всего полчаса назад напиравшую, но теперь уже не такую воинственную. — Вы не уговорили прийти своих друзей Нейпиров? — спросил он меня.

— Боюсь, даже не пыталась, — признала я. — Они кое-что прислали, но я почему-то не могу себе представить их тут. Для них тут не подходящая обстановка.

Джулиан оглядел унылые зеленые стены.

— Полагаю, все мы думаем, что заслуживаем лучшего.

— За исключением отца Грейторекса, — злобно вставила сестра Блэтт. — Здесь он как раз на своем месте. Весь день ничего не делал. И почему он не снимет бушлат? Он, наверное, уже в нем сварился.

— Смотрите, — сказала я, — он несет чай мисс Мэлори и миссис Грей.

— Совершенно не в его духе, — откликнулась сестра Блэтт.

— Едва ли его можно за это винить. — Джулиан с интересом наблюдал за группкой. — Интересно, захватил ли он кексы? Сомневаюсь, что он сумеет унести все разом. Наверное, мне лучше ему помочь.

Я посмотрела, как он подходит к окошечку выдачи и возвращается с тарелкой покрытых яркой глазурью кексов, а потом предлагает один из них миссис Грей.

Мы с сестрой Блэтт переглянулись.

— Ну, приходской священник всегда любезен с новыми прихожанами, во всяком случае ему следует быть любезным. Это общеизвестно.

— Но у нас-то чаю нет, — возмущенно напомнила она. — Думаю, с его стороны крайне грубо так нас игнорировать. И все из-за нового лица. Старые друзья на вес золота. Может, нам и не следует ценить себя на вес золота, но тем не менее…

— Да, сдается, он несколько забыл о манерах, — согласилась я. — С другой стороны, миссис Грей поселится в его доме, понимаете, поэтому, наверное, он считает, что важно наладить с ней особенно сердечные отношения.

— Чушь! Никогда не слышала настолько притянутых за уши оправданий.

— Ага, так вы ревнуете, сестра? — проказливо поинтересовался мистер Моллет. — Вам лучше пойти и взять свой чай, пока кексы не кончились.

— Вы хотите сказать, пока вы с мистером Конибиром все не съели, — парировала сестра Бл-

этт. — Полагаю, вы уже несколько часов лопаете.

— Давайте, дамы, бегите. Я присмотрю за одеждой, — сказал мистер Моллет, беря платье и прикладывая его к себе на комичный манер. — Гарантирую, что под моим руководством дела пойдут в гору.

— Да, думаю, теперь уже можно оставить палатку, — отозвалась я, бросив через плечо взгляд на скомканную одежду на голых досках.

Старое бархатное пальто, отороченное поеденным молью белым кроликом, рядом с ним — грязное, покрытое пятнами вечернее платье из розового жоржета, украшенное бисерной вышивкой по моде двадцатых годов, а еще облезлая лиса-горжетка с застывшим безумным взглядом и ценником «6 пенсов» — это был неликвид, который никто никогда не покупал.

У раздаточного окошка наплыв тоже спал, так что никто не мешал нам поболтать. Над общим гомоном плыл напевный голос миссис Моррис:

— Такие чудные у них старинные вещички. Я сказала: «Давайте чуток их отполируем», — а он в ответ: «Удачная мысль», — а она: «Не утруждайтесь». У них главное дело — мытье и уборка.

Я поняла, что она говорит о Нейпирах, и хотя из естественного любопытства мне хотелось

услышать больше, но, наверное, не стоило ее поощрять. Дело ли тут в природной деликатности, какая есть у некоторых из нас, или нам просто не хватает смелости следовать нашим склонностям?

— Конечно, он был во флоте, — продолжала тем временем миссис Моррис.

— Да, капитан-лейтенант Нейпир служил в Италии, — произнесла я громко и четко, точно старалась поднять разговор на более высокий уровень.

— Как мило, — отозвалась мисс Эндерс. — Моя сестра однажды ездила туда в круиз. Моя замужняя сестра, та, которая живет в Пейнес-парк.

— Такой милый молодой человек этот мистер Нейпир, — продолжала миссис Моррис. — Чересчур хорош для нее, помяните мое слово.

Мои потуги, очевидно, не возымели большого успеха, но было очевидно, что больше пытаться не стоит.

— Итальянцы слишком много позволяют себе с женщинами, — объявила вдруг миссис Стэтхем. — Конечно, в любом иностранном городе неразумно гулять одной после наступления темноты.

— Не успеешь оглянуться, как ущипнут за

мягкое место, — вырвалось у миссис Моррис, но последовавшее затем краткое молчание подсказало ей, что она зашла слишком далеко. Строго говоря, по положению в обществе она стояла ниже мисс Эндерс и мисс Стэтхем, и только участие в приходских делах давало ей временное равенство.

— Сестра была там, разумеется, с мужем, — чопорно произнесла мисс Эндерс, — поэтому ничего подобного не могло случиться.

Сестра Блэтт фыркнула.

— Прошу прощения… — Сзади к нам подошел Джулиан с пустыми чашками и блюдцами, которые поставил на прилавок.

— Вы съели кусочек моего домашнего слоеного пирога, отец? — озабоченно спросила мисс Стэтхем. — Мне так хотелось, чтобы именно вы попробовали.

— Спасибо, очень вкусно, — рассеянно пробормотал тот.

— Что-то я сомневаюсь, — вполголоса сказала мне мисс Стэтхем. — Он взял только тарелочку печений и глазированных кексов.

— Может быть, отец Грейторекс пробовал, — предположила я.

— Если хотите знать мое мнение, большую

часть слопали мистер Моллет и мистер Конибир. Они первыми пили чай. Еще я видела, как Тедди Лимон взял кусок.

— Уверена, он заслужил хороший полдник, — заметила я. — Он поработал как следует.

— Да, а мистер Моллет и мистер Конибир даже пальцем не пошевелили. Только, как обычно, путались у всех под ногами.

Группка распалась, и мы вернулись к столам, чтобы собрать оставшееся. Еще один благотворительный базар подошел к концу.

Ко мне с сияющими глазами подошла Уинифред.

— Ах, Милдред, — выдохнула она, — как, по-вашему, ее зовут?

У меня не было на этот счет никаких предположений.

— Аллегра! Разве это не чудесно? Аллегра Грей.

Я подумала, действительно ли это настоящее имя миссис Грей или она взяла его себе взамен более расхожего и менее интересного.

— Кажется, Аллегрой звали незаконнорожденную дочь Байрона? — спросила я.

— Байрон! Великолепно! — Уинифред благоговейно сжала руки.

— Не вижу тут ничего великолепного, — от-

резала я.

— Но ведь Байрон такая романтическая личность, — отозвалась Уинифред. — Это же самое главное, верно?

— Вот как? — переспросила я, все еще исполненная решимости не восхищаться миссис Грей. — Разве в людях не ищут других качеств?

— Ах, Милдред, вы такая практичная, — рассмеялась Уинифред. — А я всегда была романтичной и глупенькой… Просто вы такой уродились.

Я подумала о Кристине Россети в мягкой обложке из зеленой замши. «Когда умру я, дорогой…»… А ведь тут никакого «дорогого», вероятно, никогда и не было. И разве все мы чуточку не отличаемся друг от друга? Я мысленно перебрала своих знакомых с точки зрения великолепия и романтики. Знакомых у меня, конечно, совсем немного, и среди них нет практически никого, кого можно было бы назвать великолепным и романтичным. Священников можно и нужно сразу вычеркнуть, так что практически никого и не оставалось. Только, возможно, Роки Нейпир и Иврард Боун, каждый из которых был по-своему хорош собой. Роки к тому же обладал шармом и множеству женщин, наверное, казался великолепной и романтической личностью.

Тихонько прокравшись в свою квартиру, я принялась готовить ужин. В доме, казалось, было пусто. Вечер субботы. Возможно, так и должно быть: я сижу одна и ем очень маленькую отбивную котлетку, потом помою посуду и буду с вязаньем слушать по радио «В субботу вечером». Интересно, куда пошли Нейпиры? Они ушли вместе или Елена ушла с Иврардом Боуном? «Мой сын на собрании Доисторического общества…» Я рассмеялась, склонившись над раковиной, в которой мыла сковороду. Уж в нем-то точно нет ничего романтического, но, возможно, он самую чуточку великолепен?

Глава 8

В следующие несколько недель погода улучшилась, и внезапно наступила весна. Пришло время моего ежегодного ленча с Уильямом Колдикотом, братом моей подруги Доры. Это была церемония, уходившая корнями в те дни, когда Дора и, возможно, даже сам Уильям надеялись, что «из этого что-то выйдет». Но с годами наши отношения перетекли в нечто комфортно-скучное. Не помню, когда я наконец поняла, что Уильям не из тех, кто женится, и что я сама нисколько на это не в обиде. Теперь представлялось вполне естественным, что, когда мы оказывались вместе в такси, он вздыхал: мол, «какое облегчение сесть», а не «как приятно очутиться наедине с тобой». Его одержимость тем, что он ест и пьет, я тоже принимала как данность и даже находила довольно трогательной, если учесть, что и мне самой она была во благо: в обществе Уильяма вкусный ленч всегда был обеспечен.

Он работал в каком-то министерстве возле Уайтхолла и с годами превратился в ничем не примечательного человека под сорок с удиви-

тельно яркими глазами-бусинками. Мы всегда встречались в каком-нибудь ресторане в Сохо, где его все знали, и сегодня, спеша туда (поскольку я немного опаздывала), я вдруг подумала, что Уильям не самая подходящая компания для ленча в ясный весенний день. Наиболее очевидным кандидатом была бы какая-нибудь романтическая личность. Голубое небо с пухлыми белыми облаками, ласковый ветерок, веселые шляпки на встречных женщинах, мимоза на тележках уличных торговцев — все это отвращало меня от общества Уильяма с его озабоченностью своим здоровьем и своим меню, с его злорадной язвительностью старой девы и упоенной тягой к сплетням.

Сегодня он был настроен придираться и привередничать — это стало понятно уже по тому, как раздражительно он вчитывался в меню. Печенку скорее всего передержат, утку не дожарят, погода последние дни стоит слишком теплая, поэтому сельдерей будет вялый, — все шло к тому, что мы останемся голодными. Я терпеливо ждала, пока Уильям и официант дискутировали сердитым шепотом. Принесли бутылку вина. Взяв ее, Уильям подозрительно изучил этикетку. Я с недобрым предчувствием наблюдала, как он пробует вино,

ведь он был из тех, кто придает большое значение церемониям, и не исключено, что он отошлет эту бутылку и потребует другую. Но, попробовав, он расслабился: мол, вино удовлетворительное, а если и нет, то не будем придираться.

— Сносное вино, Милдред, — изрек он, — без претензий, но, думаю, тебе понравится.

— Без претензий, как и я сама, — глупо откликнулась я, касаясь пера на своей бурой шляпке.

— Нам, правда, следовало заказать сегодня вино получше. Весна как будто почти пришла, — заметил он сухо.

— «Nuits St Georges», — прочла я этикетку. — Какое увлекательное название! «Ночи святого Георгия»… Так и видишь: доспехи и белые лошади, а еще драконы и пожары, может, огромная процессия с факелами.

Он посмотрел было на меня подозрительно, но, увидев, что я еще не притронулась к вину, начал объяснять, что «Нюи де Сен-Жорж» — это место, где расположены виноградники, но не стоит считать, что каждая бутылка с таким названием на этикетке наилучшего качества.

— Вино вполне может оказаться столовым, — произнес он серьезно. — Всегда это помни. Поверхностные знания — опасная вещь, Милдред.

— Пей жадно иль вообще не припадай к источнику пиитов[12], — подхватила я, радуясь, что могу закончить цитату. — Но, боюсь, мне не представится случая жадно упиться, так что придется оставаться невеждой.

— А-а, Поуп в Твикехеме, — вздохнул Уильям. — А теперь еще и телефонная станция Поупсгров. Куда катится мир! — Немного помолчав, он с наслаждением принялся за еду.

Ленч получился поистине замечательным, и нам подавали то, что в меню не значилось. После того как мы утолили первый лютый голод, Уильям начал расспрашивать меня, что я делала с нашей последней встречи, попадали ли в мой комитет какие-нибудь интересные дела.

— Как бы мне хотелось заниматься такого рода работой! — вздохнул он. — Думаю, у меня к ней прирожденный дар. Видишь ли, я прекрасно понимаю, что потеряли эти несчастные дамы из высшего общества. Огромный дом на Белгравия-сквер, где слуги бегут из подвала с подносами, праздники в эдвардианской усадьбе с приглашенными членами иностранных королевских семей, вилла в Венеции или Бордигере на зиму…

---

[12] Примечания: 12

Цитата из «Эссе о критике» английского поэта XVIII в. Александра Поупа.

— Те, с кем нам приходится иметь дело, обычно не столь высокого полета, — сказала я, удивляясь, сколько всего способен представить Уильям, учитывая, что они с Дорой родились в семье врача и воспитывались в пригороде Бирмингема. — Конечно, это леди из общества, но они скорее похожи на нас: дочери священников, адвокатов или брокеров, которые, возможно, имели какие-то средства, но никогда не были по-настоящему богаты.

— Как жаль! Я имею в виду, жаль, что к тебе не попадают по-настоящему богатые, потому что чем ниже падение, тем острее трагедия.

— Наверное, так. — Я вспомнила, что читала о чем-то подобном в школе, когда мы проходили шекспировские трагедии. — Трагичные случаи, конечно, встречаются, но, боюсь, в наших бедняжках совсем нет ничего драматического.

— Да… — Он было посерьезнел, но потом снова повеселел. — Теперь расскажи про новых людей, которые въехали к тебе в дом.

Не без колебаний я начала описывать Нейпиров, поскольку мне не хотелось слишком уж преувеличивать их семейные разногласия: я ведь знала, что Уильям с его страстью к скандалам и сплетням ухватится за любую малость. Но,

наверное, это не имело большого значения, и по ходу рассказа я немного утратила осторожность, поскольку — к некоторому своему раздражению — поймала себя на том, что настаиваю, будто Роки слишком хорош для нее.

— Но, дорогая моя, такое часто случается, — сказал Уильям, — никогда не стоит этому удивляться. На свете столько прекрасных мужчин, женатых на сущих гарпиях.

— Миссис Нейпир совсем не гарпия, — запротестовала я, — просто он очень мил.

Наверное, виноваты были «Ночи святого Георгия», или весенний день, или интимная атмосфера ресторана, но, к своему ужасу, я поймала себя на том, что бормочу: «Роки Нейпир как раз такой, какого мне бы хотелось для себя».

Едва я это произнесла, как повисло напряженное молчание, и я принялась оглядывать ресторан, подмечая, как официант колдует над каким-то блюдом над языками пламени на приставном столике, а мужчина за соседним столиком тянется, чтобы коснуться руки девушки, сидящей напротив него. Внезапно я почувствовала раздражение на Уильяма, на то, что он такой серый и капризный, и вообще брат Доры, которого я знаю уже много лет.

— Но, моя дорогая Милдред, как раз ты и не должна выходить замуж, — возмущенно говорил он. — В жизни и без таких пугающих мыслей уйма тревог. Я всегда думаю о тебе как о разумной, уравновешенной, замечательной женщине. Очень надеюсь, что ты не собираешься выйти замуж! — Он смотрел на меня через стол, округлив глаза и губы — ставший вдруг таким серьезным от испуга. Я рассмеялась, чтобы разрядить обстановку, а еще — над идеей Доры, которую она как будто бы еще лелеяла: что однажды мы с Уильямом поженимся.

— Нет, конечно нет! Прости, если я тебя напугала. Да у меня и нет никого подходящего на примете.

— А как насчет вашего священника? — подозрительно спросил Уильям.

— Ты про отца Мэлори? О, он не верит в браки для служителей церкви, и вообще он совсем не тот человек, за которого бы мне хотелось замуж, — заверила я его.

— Какое облегчение, — отозвался Уильям. — Мы, моя милая Милдред, в этой жизни наблюдатели. Пусть другие женятся — чем чаще, тем веселее. — Приподняв бутылку и оценив, сколько в ней осталось, он долил в свой бокал, но не в

мой. — Пусть Дора выходит замуж, если хочет. У нее нет твоей способности наблюдать.

Вероятно, мне следовало порадоваться этому маленькому комплименту, но у меня он почему-то вызвал раздражение. И вообще, не такой уж это был и комплимент: получалось, что я словно бы лишена человеческих качеств. Неужели я кажусь такой со стороны?

— Есть какие-нибудь вести от Доры? — спросила я, чтобы сменить тему. — Боюсь, я задолжала ей письмо.

— Ах да, уйма новостей. — Разведя руки в широком жесте, он откинулся на спинку стула. — Сдается, многое происходит в этом маленьком мирке. С другой стороны, надо полагать, в школе для девочек происходит столько же, сколько и в большинстве миров, а подводные течения еще более смертоубийственны.

— Вот как? Ты имеешь в виду что-то определенное?

Уильям подался вперед, и его глазки-бусинки заблестели от удовольствия.

— Неприятности! — драматично шепнул он.

— Боже ты мой! Из-за чего?

Впрочем, меня это не удивило: в школах, где работала Дора, то и дело случались какие-ни-

будь неприятности. Временами я ловила себя на нелояльной мысли, не сама ли она их на себя накликает.

— Что-то о том, как девочки ходят или не ходят в часовню в шляпках — по сути, не важно и то, и другое. О, бесконечное разнообразие и сложности маленького мирка! Великие события — рождение, смерть и совокупления — проходят незамеченными, точно пустяки.

— Ну, такого в школе для девочек не бывает, во всяком случае не часто, — сказала я, возвращаясь мыслями к собственным школьным дням и вспоминая, как умерла одна учительница и ее гроб поставили в часовне. — Да и то только смерть.

— О да, никак не остальное! — Теперь Уильям был в превосходном настроении. — Но что, если бы бывало?

Я помешивала кофе, испытывая некоторую неловкость, в особенности потому, что его тон сделался весьма проникновенным.

— Конечно, с мисс Проутеро довольно трудно ладить, — рискнула я. — Я встречалась с ней лишь однажды, но подумала, что мне не хотелось бы с ней работать.

— Но и сама бедная Дора временами так раздражает, — откликнулся Уильям. — Никогда не

мог выносить ее дольше одного уик-энда.

Мы постояли на улице у ресторана. После теплого розоватого сумрака внутри свежий воздух подействовал на меня как вторая бутылка вина. Как раз напротив входа стояла ручная тележка с мимозой.

— Ой, смотри, мимоза! — воскликнула я безо всякой надежды, что Уильям мне ее подарит. — Обязательно надо купить.

— Напоминает кафе в курортных городах: сплошь сухие палки и дребезжанье бутылочек с соусами на столах, — сказал Уильям, стоявший столбом, пока я покупала букет.

— Знаю, пушистость долго не сохранится, но сейчас она такая чудесная.

— Ты сегодня сама не своя, — неодобрительно заявил он. — Надеюсь, дело не в «Нюи де Сен-Жорж».

— Ты же знаешь, я не привыкла к спиртному, особенно в середине дня, но довольно приятно иногда быть не собой. Что-то новое всегда хорошо.

— Вот уж нет. Меня перевели в новый кабинет, и мне там совсем не нравится. К окну прилетают другие голуби.

— Я никогда не была у тебя на работе, — храбро

произнесла я. — Можно прийти посмотреть?

— А, ты про тюрьму с каменными стенами и железными решетками, которые, как поэтично утверждает Лавлейс, «еще не есть тюрьма»? Пойдем, если хочешь.

Мы вышли на Трафальгарскую площадь, потом зашли в ничем не примечательный подъезд в переулке. К нему спешили такие же, как Уильям, серые с виду мужчины, кое-кто — даже еще более серый. Он поздоровался с одним-двумя: у всех тут, похоже, были двойные фамилии вроде Колверли-Хибберт и Рэдклифф-Форд, но менее серыми их это не делало.

— Вот и пришли! — Уильям распахнул дверь со своим именем на табличке, и я переступила порог. За конторскими столами сидели два серых человека, один быстро спрятал в тумбу стола пакет со сладостями, перед другим стоял картотечный ящик, который он, разумеется, даже не попытался спрятать. Уильям ничем не дал понять, что знает об их присутствии, и они поступили ровно так же. Он сел за огромный необъятный стол в центре комнаты, на котором имелось два телефона и вереница проволочных корзинок, заваленных папками с важного вида наклейками. Никак нельзя было понять, чем он,

собственно, занимается.

— Милая комната. — Я подошла к окну. — И какой у тебя прекрасный стол.

Мне было неловко в присутствии серых людей, и я не знала, что сказать. Но внезапно послышалось дребезжание, словно по коридору катили тележку, и два серых человечка вскочили — каждый с фарфоровой кружкой.

— Э… извини. — Уильям тоже вскочил, доставая из ящика стола собственную фарфоровую кружку. — Кажется, несут чай.

Мне он чаю не предложил, да мне, в сущности, и не хотелось, ведь не было еще и трех часов дня. Интересно, почему серые человечки, которые явно были рангом или статусом ниже Уильяма, не принесли ему чай? Возможно, в этих вопросах существует строгий этикет? А еще зная придирчивость Уильяма, я допустила, что он, вероятно, настоял, что сам будет наливать себе чай. Я задалась вопросом: а не спешат ли в данный момент по коридорам со своими чашками люди с многозначительными фамилиями вроде Колверли-Хибберт и Рэдклифф-Форд? Возможно, к общей гонке присоединился даже сам министр… Я все стояла у окна и смотрела на открывавшийся из него вид на другое здание, возможно, того

же министерства… Там были ряды окон без занавесок, и происходящее там было выставлено на всеобщее обозрение, почти как в кукольном домике. Серые люди сидели за столами, их руки сновали среди папок; некоторые прихлебывали чай, один читал газету, другой неуверенно тыкал двумя пальцами в печатную машинку. Из окна высунулась девушка, в другом окне еще одна расчесывала волосы, а в третьем девушка печатала с пулеметной скоростью. Окном ниже молодой человек обнимал девушку на грубовато-игривый лад, а она дергала его за волосы, в то время как остальные в комнате одобрительно хихикали. Я смотрела как зачарованная и не смогла оторваться, даже когда вернулись с дымящимися чашками Уильям и его подчиненные.

— Там напротив другое министерство? — поинтересовалась я.

— Да, Министерство Мечты, — торжественно ответил Уильям.

Я рассмеялась.

— Те интересные люди всегда выглядят такими далекими, такими не от мира сего, — объяснил он. — Но, возможно, мы сами кажемся им такими. Возможно, это мы для них Министерство Мечты.

Тут часы пробили четверть четвертого. Вско-

чив, Уильям схватил из одной проволочной корзинки бумажный пакет, подошел к окну и распахнул створки. На плоский участок крыши под окном, шурша крыльями, слетелась стая голубей. Кое-кто приземлился на подоконник, а один даже залетел в комнату и уселся на плечо Уильяму. Достав из пакета две булочки, Уильям стал ломать их и бросать куски птицам. Один серый человечек поднял глаза от картотечного ящика и наградил меня слабой, точно из жалости, улыбкой.

— Так происходит каждый день? — спросила я.

— О да! И каждое утро. Я не мог бы и дня протянуть без моих голубей. Чувствую себя святым Франциском с какой-нибудь скверной открытки. Уверен, у вас с Дорой в школе была такая. Но ощущение приятное, а такое не часто выпадает.

Я невольно улыбнулась сравнению святого Франциска с государственным служащим, но я не знала про любовь Уильяма к голубям, и в ней было что-то неожиданное и трогательное. Он, казалось, настолько был ими поглощен — называл их по именам, подманивал одних и советовал не жадничать другим, — что я решила, будто он совершенно забыл про меня и мне пора домой.

— Мне правда пора. Я, наверное, отрываю тебя

от работы, — добавила я, даже не подумав об иронии своих слов, пока они не сорвались у меня с языка.

Вернувшись к столу, Уильям раскрыл папку.

— Тебе надо прийти посмотреть мою новую квартиру. — Он назвал адрес в Челси, показавшийся мне знакомым.

Поблагодарив, я ушла, неся с собой по голым коридорам букет мимозы. Разумеется, дожидаясь автобуса, я вспомнила, что на этой улице жил с матерью Иврард Боун, — вот почему адрес показался мне знакомым. Как хорошо, что я ничего не сказала Уильяму про Елену Нейпир и Иврарда Боуна, хотя маловероятно, что он с ними знаком. «Мой сын на собрании Доисторического общества…» — снова услышала я сварливый голос миссис Боун и тихонько улыбнулась.

Подходя к дому, я увидела, как с другого конца улицы идет Роки Нейпир.

— Мимоза! — воскликнул он. — Почему я сам о ней не подумал?

— Не могла удержаться, — объяснила я. — Напоминает…

— Италию и Ривьеру, конечно.

— Я там никогда не была, — напомнила я ему. — Просто день был такой чудесный, и я решила, что

хочу ее купить.

— Да, это гораздо лучшая причина.

Мы вместе поднялись наверх, а когда поравнялись с его дверью, что-то заставило меня развернуть цветы. Букет легко разделился на две ветки.

— Возьмите одну, — предложила я. — Пожалуйста.

— Как мило с вашей стороны и как похоже на вас, — весело сказал он. — У вас к чаю есть что-нибудь вкусное? У меня нет.

— Не думаю, что у меня есть что-то особенное. — Мои мысли устремились к коробке для печенья с Арлекином на крышке: там был лишь крошечный ломтик слоеного пирога.

— А, знаю! Давайте шиканем и пойдем пить чай куда-нибудь!

Я застыла с мимозой в руках.

— Сначала надо поставить ее в воду.

— Поставим у нас на кухне.

Забрав у меня мимозу, он налил в кувшин воды и поставил его на доску для сушки белья.

Мы пошли в кафе, о котором он знал и о существовании которого я даже не подозревала, где подавали очень вкусные пирожные. Но дело было как будто вовсе не в пирожных. Возможно,

что я, конечно, была не голодна после плотного и довольно позднего ленча. Роки был остроумен и весел и заставлял чувствовать меня веселой и остроумной, а кое-какие мои замечания действительно были забавны.

Лишь много позднее я вспомнила о военнослужащих из женского вспомогательного. К тому времени наступил вечер, и я снова сидела у себя на кухне, размышляя, чем бы поужинать. А еще я вдруг вспомнила, что моя мимоза осталась на кухне у Нейпиров. Не могла же я спуститься и попросить отдать мне мою половину. И вообще, уже пришла Елена, и я слышала, как они смеялись вдвоем. Не следовало так безнравственно сплетничать с Уильямом, да еще в Великий пост. Поделом мне, что у меня нет мимозы, которая напоминала бы о весеннем дне, а есть только странная взбудораженность, что совсем на меня не похоже. На столе в гостиной стояла ваза с веточками в сережках. «Она из тех женщин, что несут домой сухие ветки и надеются, что на них распустятся листочки!» Что-то в таком духе сказал Роки за чаем…

Глава 9

Мою половину мимозы Роки принес на следующее утро, когда я как раз спешила на работу. Мимоза уж утратила пушистость и напоминала букетики на столиках в кафе, которые так ругал Уильям. Весенняя погода тоже испарилась, а сам Роки объявился растрепанный и в халате. Мне было слишком неловко на него смотреть, и, протянув руку в приоткрытую дверь кухни, я быстро забрала мимозу, чтобы поставить ее в вазу с веточками в сережках.

В автобусе я подумала, что Уильям был прав, а я слишком рассержена, чтобы это признать. Мимоза и впрямь слишком быстро утрачивает свою первую свежесть, чтобы ее покупать, а мне не позволительно самой иметь чувства, я должна только наблюдать за чувствами других.

Сев за стол, я стала мрачно перебирать карточки в картотеке имен и адресов. Эдит Бэнкс-Толливер, Монгомери-сквер, 118… Совсем близко от меня. Интересно, ходит ли она в нашу церковь? Возможно, Джулиан ее знает… Пожалуй, следует составить список дам в стесненных об-

стоятельствах, которые живут в нашей округе, и постараться их навестить. Большинство из них живут одни, а потому вполне вероятно, что я смогу что-нибудь купить для них или почитать им, или просто посидеть рядом и дать выговориться… Я задумалась обо всех добрых делах, в которые можно уйти с головой, но тут заглянула миссис Боннер, чтобы напомнить, что сегодня среда и мы договорились пойти на обеденную службу в Сент-Эрмин. Это означало, что с ленчем придется поторопиться (в отличие от вчерашнего дня, подумалось мне, сегодняшний ленч полноценным не назовешь), и мы съели его в столовой самообслуживания неподалеку от церкви. Наши подносы дребезжали на ленте транспортера, двигавшегося с ужасающей скоростью, так что под конец у меня, сбитой с толку, и набралась уйма всяких разностей, которые я никогда не выбрала бы, будь у меня время подумать, зато не хватало блюдечка для кофейной чашки. Миссис Боннер, которая всегда ходила в подобные места, управилась гораздо успешнее и объяснила мне, где я совершила ошибку.

— Блюдечко получаете только после того, как взяли булочку, если, конечно, вы ее брали. Обычно я этого не делаю, потому что нам советуют не

тратить хлеб попусту, но если берете, то обязательно надо сделать это до того, как получите горячее, — говорила она, пока мы стояли с подносами, выглядывая два свободных места.

— Наверное, тут я и запуталась, — согласилась я, глядя на твердую, как пуля, булочку, которую, несомненно, потрачу попусту. — Думаю, нужно разрешать сначала попробовать бесплатно… вроде генеральной репетиции.

Миссис Боннер от всего сердца рассмеялась, но тут увидела свободные места за столиком с двумя индийскими джентльменами.

— Одна бы я туда не пошла, — шепнула она перед тем, как мы сели. — Это может быть небезопасно. Но, на мой взгляд, если с тобой кто-то есть, тогда ладно.

Наши соседи выглядели совершенно безобидно и, по всей очевидности, были студентами, поскольку обсуждали результаты экзамена. Я прислушивалась, зачарованная быстрой отрывистой речью и тем, как они постоянно называли друг друга «старина». На нас они не обращали ни малейшего внимания, и, по-моему, миссис Боннер нечего было бояться, даже будь она одна.

Когда мы уселись, я огляделась, переводя дух. Помещение было огромным, как в кошмарном

сне: из одного конца едва виден был другой, и, насколько хватало глаз, все было заставлено стоиками, и все как один были заняты. А еще от дверей в дальнем конце тянулась длинная очередь, отделенная от остального помещения латунными заграждениями.

— «Время, что вечно катящий струи поток, Уносит сынов своих…»[13] — сказала я скорее самой себе, чем миссис Боннер. — От этого места веет какой-то безнадежностью.

— Зато тут совсем дешево и еда не самая плохая, если ходить сюда не слишком часто, — весело и, как всегда, приземленно ответила она. — И очень удобно, когда спешишь.

— Трудно поверить, что на свете столько людей, — отозвалась я, — и нужно любить их всех.

«Вот они — наши ближние», — думала я, оглядывая клерков и студентов, машинисток и престарелых чудаков, склонившихся над тарелками и газетами.

— Поспешите, дорогая, — бодро велела миссис Боннер, — уже двадцать минут второго.

К тому времени, когда я рискнула сказать ей, о чем думала, индусы уже ушли. Миссис Боннер

---

[13] Примечания: 13
Цитата из гимна Исаака Уоттса, парафраза Псалма 89.

несколько шокированно подняла глаза от своего шоколадного бисквита.

— Сомневаюсь, что заповедь следует принимать так буквально, — благоразумно произнесла она. — Нам, правда, надо поторопиться, не то все хорошие места займут. Сами знаете, как переполнена церковь.

Мы сумели найти места поближе к задним скамьям, и миссис Боннер выразила сомнения, удастся ли нам хотя бы что-нибудь услышать: на прошлой неделе проповедник по большей части мямлил. Сегодня должен был выступать архидьякон Хокклив. Имя было мне неизвестно, и я почему-то решила, что это будет какой-нибудь старый сельский священник, который уж точно станет бубнить себе под нос. Но я ошиблась. Конечно, он был в годах, но внешность имел красивую и исполненную достоинства, а голос — богатый и мощный. Проповедь оказалась настолько же неожиданной. До сих пор череда Великого поста следовала более или менее ясным курсом, но архидьякон Хокклив начисто от него ушел, посвятив сегодняшний день теме Судного дня. В целом вышла диковинная проповедь, полная пространных цитат из малоизвестных английских поэтов, и ходя сама тема вполне

подходила для Великого поста, суть и манера подачи вызвали — вместо более уместных чувств — тревогу и недоумение. А еще проповедь была гораздо длиннее обычного, поэтому многие служащие, которым никак нельзя было опаздывать с перерыва на ленч, стали потихоньку красться к выходу еще до ее окончания.

— Все эти разговорчики о Dies Irae[14], — не скрывала своего отвращения миссис Боннер, — прямо-таки в духе римских католиков, сами знаете. У нас их не следовало бы допускать. И в других отношениях он не такой уж «высокий». Никак не разберу, что он за птица. Кое-что сказанное им прямо-таки оскорбительно.

Мы медленно продвигались к выходу. Я была так поглощена и измучена проповедью, что позабыла поискать Иврарда Боуна и теперь увидела, что он стоит почти рядом со мой. Мне вспомнилась давешняя решимость постараться получше к нему относиться и сделать какой-нибудь дружеский жест, если подвернется возможность. Я решила, что лучшего шанса, чем тот, какой подала сегодняшняя престранная проповедь, мне не представится.

---

[14] Примечания: 14
Гнев Божий *(лат.)*.

— Добрый день, — негромко сказала я. — Как вам проповедь?

Он посмотрел на меня недоуменно, потом его довольно аскетичные черты смягчились в улыбке.

— Добрый день. Боюсь, я так старался не смеяться, что едва сумел все расслышать. Я всегда считал, что взрослые люди должны без труда держать себя в руках, но теперь совсем не уверен в этом.

Мы оказались одни, поскольку миссис Боннер, заметив, что я разговариваю с мужчиной, тактично ускользнула, но я знала, что завтра в конторе мне еще предстоит выдерживать напор ее — пусть и безмолвного — любопытства. Романтичная по натуре, она не могла снести, что кто-то младше сорока способен оставаться вне уз брака.

— Да, такого определенно никто не ожидал.

Я сразу прониклась к нему толикой симпатии, едва он признал, что у него есть обычные человеческие слабости.

— Как продвигается работа над докладом? — спросила я, стараясь придать своему тону заинтересованности.

— Делаем его через две или три недели. Кажется, вы хотели прийти, но я очень вам не советую.

Будет ужасно скучно.

— Но мне так хотелось бы послушать, — сказала я, напоминая себе, что мы с Роки собирались изучать антропологов.

— Тогда Елена может достать вам приглашение. А теперь прошу меня извинить, мне правда нужно спешить. Увидимся на докладе.

Я сочла, что сделала шажок вперед, чуть продвинулась на стезе добродетели, и хотя он все еще мне не нравился, я уже была настроена к нему не так враждебно, как раньше. Но как можно было сравнивать его с Роки? И вообще, строго одернула я себя, нехорошо думать о Роки таким образом. Вчера с нежданным весенним солнышком и вином за ленчем какое-то оправдание, возможно, у меня и было, но сегодня — ни малейшего. Серым мартовским днем, после поспешно поглощенной неаппетитной еды и пугающей проповеди гораздо уместнее думать о потоках непривлекательного человечества в столовой, о Судном дне и даже об Иврарде Боуне.

Я решила, что по пути домой стоит заглянуть в дом священника и повидаться с Уинифред. Прошло довольно много времени с нашей последней встречи, и ей будет интересно послушать про проповедь.

Дверь мне открыла миссис Джабб. Мисс Мэлори наверху, помогает миссис Грей обустроиться. Может быть, я хочу подняться к ним?

Я медленно поднялась по лестнице, помешкав в темном уголке на первой площадке у картины, изображавшей младенца Самуила, и спрашивая себя, не повернуть ли мне все-таки назад, поскольку разговор с Уинифред и миссис Грей не совсем то, что разговор с Уинифред, на который я рассчитывала. Но я решила, что, поскольку миссис Грей переехала в дом священника, стоит познакомиться с ней поближе, поэтому поднялась еще на пролет и постучала в дверь, из-за которой раздавались голоса.

— А, мисс Лэтбери, как мило!

Открыла сама миссис Грей. Я посмотрела ей за плечо в комнату, которую Джулиан красил всего несколько дней назад. Теперь она была привлекательно обставлена, и в камине тлели угли. Уинифред сидела, скорчившись, на коврике и подрубала занавеску.

— Правда, Аллегра чудно обставила комнату, Милдред? — спросила она, едва я вошла. — Теперь ни за что не догадаешься, что это та же самая комната.

— Уинифред очень мне помогла, — вставила

миссис Грей. — Сами знаете, сколько всего нужно сделать, когда переезжаешь.

Я согласилась, отметив про себя, что теперь они называют друг друга по именам, — меня это удивило и, должна признать, чуточку вывело из равновесия.

— Переезд всегда связан с хлопотами, — выдала банальность я, — но вы как будто прекрасно все устроили.

Я вспомнила, что не помогала Елене Нейпир подрубать занавески, когда та въехала, а только выглядывала из-за перил, когда вносили мебель, помощь же предложила, когда уже почти наверное ничего не оставалось делать. Насколько же Уинифред лучше меня! С другой стороны, мои обстоятельства были немного иными. Трудно предлагать помощь совершенно незнакомым людям, особенно таким независимым, как Елена Нейпир.

— Помочь вам с занавесками? — спросила я.

— Вы так добры.

Не успели слова сорваться у меня с языка, как миссис Грей подала мне ворох занавесок, которые следовало укоротить по линии булавок. Я пришла в некоторое смятение, как бывает, когда наше предложение помощи принимают за чистую

монету, и взялась за работу довольно мрачно, особенно из-за того, что сама миссис Грей вообще ничего не делала. Она изящно расположилась в кресле с зачесанными назад волосами, связанными на затылке в тяжелый узел. Эта прическа в сочетании с бледным узким лицом и смутной элегантностью манер делали ее похожей на героиню довоенного романа. В ней чувствовалось что-то немного ненастоящее.

— Боюсь, швея из меня никудышная, — сказала она, точно оправдывая свое безделье, — зато я хотя бы могу приготовить чай. Надеюсь, вы останетесь, мисс Лэтбери?

— Спасибо, буду рада.

Она выплыла из комнаты, и я услышала, как бежит в чайник вода и звенят приборы. А еще услышала шаги на лестнице и голос Джулиана:

— Можно войти? Я слышу манящий звон чашек. Надеюсь, не опоздал? — Он не прошел прямо к нам в комнату, а задержался поболтать с миссис Грей на кухне. Мы с Уинифред молча сидели с нашими занавесками. Я чувствовала, что нам обеим хочется поговорить о миссис Грей, но в данный момент это, разумеется, было невозможно.

— Одна из занавесок кажется длиннее другой, — громко и натянуто сказала я. — Интересно,

их вешали или просто измерили сантиметром? Когда потом вешаешь, часто обнаруживаешь маленькую разницу в длине.

Вошел Джулиан с подносом, на котором разместились приборы, хлеб, масло, джем и кекс. За ним последовала с чаем миссис Грей.

— Прямо как на пикнике, — произнесла Уинифред со своего места на коврике у камина.

— Мне, правда, не следует есть ваш джем, миссис Грей, — запротестовала я, как водится в наши дни. — Я с радостью поем просто хлеба с маслом, ничего страшного.

— Ах, пожалуйста, попробуйте, — отозвалась она. — Честно говоря, джем не из моего пайка, это подарок отца Грейторекса.

— Что, отец Грейторекс варит джем? — спросил Джулиан. — Впервые слышу о таких его дарованиях!

— О нет! — рассмеялась миссис Грей. — Подумать только, бедный старикан у плиты! Джем сварила его сестра, которая живет где-то в глуши. Удивительно вкусный.

— Как любезно было с его стороны подарить джем вам, — сказала я. — Он действительно прекрасный.

— Аллегра как раз такой человек, которому

просто тянет делать подарки, — с энтузиазмом откликнулась Уинифред. — Этот коврик вам, Милдред, ничего не напоминает?

Присмотревшись к коврику, я с удивлением осознала, что видела его где-то раньше. Несомненно здесь, в доме священника… Возможно, в кабинете Джулиана?

— Да, он из кабинета Джулиана, — подтвердила мой невысказанный вопрос Уинифред.

— Ужасно мило с его стороны, правда? — сказала миссис Грей. — У меня не было подходящего для этой комнаты, и в кабинете отца Мэлори я случайно обронила: мол, какой он красивый, конечно, без всякой задней мысли, а он мне его подарил!

— Гораздо лучше смотрится в комнате миссис Грей, чем в моем кабинете, — откликнулся Джулиан. — И вообще, зачем в кабинете каминный коврик?

Я с интересом отметила, что они все еще называют друг друга «миссис Грей» и «отец Мэлори».

— Он определенно подходит вон к тому ковру, — заметила я.

— Да, но и к ковру отца Мэлори он тоже подходил, — сказала миссис Грей. — Это была большая жертва с его стороны.

Джулиан что-то смущенно пробормотал.

— Конечно, — четко и ясно, точно произнося слова, продолжала миссис Грей, — я всегда считала, что нужно давать мужчинам шанс для самопожертвования, ведь их натура далеко не так благородна, как наша.

— Вы так думаете? — серьезно спросила Уинифред. — Я знала очень хороших и благородных мужчин.

Джулиан снисходительно улыбнулся, но промолчал. Мне показалось, что это не слишком уместное замечание для вдовы священника, хотя и весьма забавное — на дешевый манер.

— Мне определенно надо идти, — произнесла я тоном, который, наверное, прозвучал довольно холодно.

— Ах, Милдред, вы же еще не дошили занавески! — воскликнула Уинифред.

— Да, боюсь, действительно не дошила.

— А, знаю! Почему бы вам не прийти на чай в пятницу, тогда и закончите? — предложила миссис Грей, улыбаясь очень и очень ласково.

— Спасибо, было бы очень мило, — ошарашенно отозвалась я. Мне и в голову не могло прийти, что она действительно думает, будто я стану дошивать занавески.

— Тогда сможете посмотреть остальное в моей квартирке, — улыбнулась миссис Грей. — Пока она не вполне готова, но, надеюсь, к тому времени мы уже все обустроим.

— Вас проводить? — предложил Джулиан.

— Пожалуйста, не беспокойтесь. Я сама найду дорогу, — промямлила я.

Я поспешно сбежала по лестнице, чувствуя, что мой уход был далеко не светским. Троица наверху казалась совершенно самодостаточной, словно и не нуждалась в моем обществе. Неужели я рассердилась на то, что миссис Грей так хорошо поладила с семьей Мэлори? Неужели я ревную? Нет, эту тревожную мысль я прогнала, едва она появилась. Просто сегодня не самый удачный день, только и всего. Начался не слишком хорошо и не слишком хорошо закончится. Но по крайней мере можно спасти хотя бы часть его — пойти домой и заняться стиркой.

— Привет-привет! — загрохотал из сумерек добродушный басок сестры Блэтт. — Видок у вас, как у Блэкпула в дождливую неделю.

— Разве? — Невзирая ни на что, я выдавила улыбку.

— Из дома священника идете?

— Да.

— Ну, теперь те двое вечно с миссис Грей, — без обиняков заявила сестра Блэтт. — Я хотела повидать отца Мэлори насчет уроков Закона Божьего, но он крепил ей карнизы для занавесок.

— Мэлори — очень любезные люди и всегда готовы помочь.

Она фыркнула, а я рассеянно смотрела, как она медленно вскарабкалась на велосипед и уехала прочь — творить добрые дела. Потом я поднялась к себе и собрала огромную гору стирки. Неприятно, что каждую неделю под руку подворачиваются одни и те же старые вещи. Как раз такое белье может носить старая дева вроде меня, удрученно подумала я, так что даже описывать его незачем.

Глава 10

Наконец наступил день, когда Елене и Иврарду предстояло читать доклад в научном обществе. Я боялась, что Елена забудет о своем обещании пригласить меня, но накануне вечером она поднялась ко мне, и мы договорились выйти пораньше: перед докладом предполагалось чаепитие, на которое можно было привести гостей.

— Председательствовать будет новый президент, — довольно церемонно сказала Елена. — Ему столько лет, что странно, что его еще не выбирали президентом, но, опять же, в этой области науки уйма стариков. Скоро придет и наш черед.

Я была чуть обеспокоена тем, что мне надеть. Казалось маловероятным, что собрание научного общества может обернуться светским раутом, но мне ни в коем случае не хотелось опозорить Нейпиров, а потому я пошла на решительный шаг: купила новую шляпку к коричневому зимнему пальто еще прежде, чем окончательно выяснилось, что я иду. Сама Елена была очень элегантна во всем черном.

— Нельзя выглядеть как женщина-антрополог, — объяснила она.

— Не имело бы значения, даже выгляди ты как американка, — сказал Роки. — Уж эти-то умеют одеваться.

— Ты, естественно, заметил, — довольно кисло отозвалась она.

— Я все замечаю. Особенно очаровательную новую шляпку Милдред.

Я приняла комплимент насколько могла изящно, но, поскольку не привыкла к тому, чтобы о моей внешности говорили, смутилась, что вообще привлекла к себе внимание.

— Ничто не бывает так к лицу, как бархатная шляпка, — продолжал Роки, — а коричневый подчеркивает цвет ваших глаз, которые напоминают хороший темный херес.

— С Иврардом встретимся на месте, — довольно нетерпеливо вмешалась Елена. — Нам придется обсудить последние мелочи, поэтому, может, ты позаботишься о Милдред? — спросила она, поворачиваясь к мужу. — Думаю, нам лучше взять такси.

Помещения научного общества располагались неподалеку от Сент-Эрмин, и, когда мы проезжали мимо, я указала Елене на церковь.

— Разве здание не обрушилось? — удивилась она. — Надо же, устраивать службу среди развалин! Я бы сказала, в этом есть что-то особенно святое.

Я объяснила, что один неф уцелел и службы ведутся там, но, наверное, она нервничала, думая о докладе, поскольку совсем меня не слушала. Через пару минут такси остановилось возле солидного с виду викторианского дома, на двери которого висела латунная табличка научного общества.

В холле Елена расписалась за нас в книге посетителей, и мы поднялись в библиотеку, где должно было состояться чаепитие. Иврард Боун, элегантный и довольно сердитый, ждал у дверей.

— Я уже думал, ты не приедешь, — сказал он Елене, потом небрежным кивком поздоровался со мной и Роки.

— Пожалуй, нам лучше удалиться в уголок и понаблюдать за ученым сообществом, — предложил Роки, — но лучше бы расположиться поближе к закускам. Рискну предположить, что когда дело доходит до кормления, эти ученые ничем не лучше туземцев.

— Боюсь, мы даже хуже, дорогой сэр, — отозвал-

ся стоявший рядом с нами пожилой мужчина с крупной головой. — У так называемых туземцев в том, что касается приема пищи, сложный порядок первенства, а у нас — страшно сказать! — каждый за себя.

— Выживают сильнейшие? — откликнулся Роки.

— Да, возможно. Надеюсь, мы не забудемся окончательно и пропустим вперед дам, — продолжал старик, кланяясь в мою сторону. — А вот и наша замечательная мисс Кловис с чайником. — Отвернувшись, он деловито занялся чашками и блюдцами.

— Как по-вашему, он нам принесет? — спросила я у Роки.

— Ну, после таких слов я полагаю, что хотя бы вам чашка чаю обеспечена.

Но мы ошиблись, поскольку наш собеседник быстро налил себе чаю, наложил на тарелку самых разных сандвичей и печений и удалился со своей добычей в противоположный конец комнаты. На наших глазах точно так же поступали другие мужчины средних и преклонных лет, лишь одного из них задержала женщина, властно крикнувшая: не забудь, Герберт, мисс Джеллинк молока не надо!

Мы с Роки присоединились к общей толкотне и, в свою очередь, удалились с добычей к удобному книжному шкафу, где можно было поставить чашки на полку.

— Эти книги явно никто не читает, — сказал Роки, изучая корешки. — Но какое утешение знать, что они есть, на случай, если захочется почитать! Уверен, они окажутся поувлекательней многих современных. «Дикие звери и их повадки», «Пять лет среди каннибалов Конго», «С фотоаппаратом и ручкой в Северной Нигерии», «Солнцепек и буря в Родезии». Какая жалость, что книг с такими названиями больше не пишут. Сегодня, сдается, уже нельзя просто показать фотографию «Автор с друзьями-пигмеями» — нас бы назвали уныло академичными.

— Можете написать книгу о своих приключениях в Италии, — предложила я. — Ей такое название вполне подошло бы.

Мы забавлялись, обсуждая различные вариации на ту же тему, но в самый разгар наших фантазий подошли Иврард и Елена и стали показывать нам самых значительных среди присутствующих. Президентом оказался высокий, мягкий с виду старик с белой реденькой бородкой, в которой застряли крошки меренги. В

молодости он, по словам Елены, писал подстрекательские памфлеты об устройстве Вселенной.

— Кажется, отец выгнал его из дому, — прокомментировал Иврард. — Понимаете, он был пастором методистской церкви, а когда узнал, что его сын воинствующий атеист, обстановка в доме, наверное, накалилась.

— Тот старик — атеист? — воскликнула я, не в силах поверить, что кто-то, казавшийся таким мягким и благообразным, может оказаться столь шокирующей личностью. — Но он совсем не похож на атеиста. Скорее уж на епископа.

— Или на старомодное представление о Всевышнем, — подбросил Рокки. — Так и хочется нарисовать себе сцены в викторианской семье: гнев отца, слезы матери, ужасающие ссоры за завтраком. Но какое это сейчас имеет значение? Через несколько лет они воссоединятся на небесах.

— Ах, милый, — раздраженно сказала Елена, — какой ты нелепый! После я познакомлю тебя с действительно стоящими людьми: Эпфельбаумом, Тиреллом Тоддом и Стейнартцем из Йеля. Это новое поколение.

— Звучит заманчиво, — очень серьезно отозвался Роки.

— Наверное, нам пора идти, — сказал Иврард. — Президент как будто сдвинулся с места.

Я последовала за ними в примыкавшее к библиотеке помещение, где уже собралась приличная аудитория. В передних рядах стояли плетеные кресла, в которых удобно расположился кое-кто из пожилых членов общества. У одного старика шея была замотана пурпурным шарфом, старушка позади него достала из плетеной сумки разноцветное вязание и защелкала спицами. Мы с Роки сели в середине зала, где стулья были много жестче. Тут собрались люди помоложе: девушки с распущенными волосами и ярко-алыми ногтями и юнцы с волосами почти такими же длинными, как у девушек, и в вельветовых штанах. Я заметила двух-трех американцев, серьезных с виду молодых людей в очках без оправ и с открытыми блокнотами и группку африканцев, говоривших на неведомом мне языке. Повсюду стоял неразборчивый гул голосов.

— Надо же, как интересно они все выглядят, — сказала я, — совершенно непривычно.

— Теперь понимаешь поговорку о том, что в мире всякой твари по паре, — отозвался Роки. — Интересно, зачем нужно столько тварей?

— Чудесно, наверное, увлекаться чем-нибудь

научным. Приносит равное удовольствие и старым, и молодым.

— Сомневаюсь, что Елена и Иврард одобрили бы такой настрой, — рассмеялся Роки. — С ваших слов выходит очень похоже на игру в гольф. И помните, мы тут не для развлечения. Доклад будет длинным, а стулья жесткими. Думаю, наше испытание вот-вот начнется.

И действительно, президент поднялся и в ходе краткой невнятной речи представил Елену и Иврарда. Прозвучало это почти так, словно они муж и жена, но он так мило улыбался в редкую бороденку, что на него невозможно было обижаться. Елена с Иврардом сидели по одну его руку, а по другую вел протокол кряжистый рыжий молодой человек, которого назвали секретарем общества.

— А теперь предоставим нашим юным друзьям говорить самим за себя, — сказал президент. — Их доклад называется… — Пошарив по столу, он водрузил на нос очки в золотой оправе и ясным и четким голосом прочел какие-то слова, которые в тот момент так мало для меня значили, что, боюсь, я их тут же забыла. Без сомнения, название доклада сохранилось где-то в архивах или протоколах научного общества.

Я с надеждой посмотрела на проектор, стоявший в дальнем конце зала, но слайдов как будто не предвиделось. Карандаши американцев зависли над блокнотами, старушка на время отложила вязание. Елена Нейпир начала говорить. Могу лишь сказать, что она «начала говорить», поскольку я очень скоро утратила нить того, о чем она говорила, и поймала себя на том, что оглядываюсь по сторонам, рассматривая зал и остальных слушателей.

Зал был с высоким потолком, оклеенным обоями, и вычурной каминной полкой из мерцающего, словно студенистого мрамора. Французские окна выходили на балкон, а за ним виднелось опушенное первой листвой дерево в скверике. Так странно было сидеть в четырех стенах в такой чудесный день. Но нельзя смотреть из окна: доклад большое событие, и мне выпала немалая привилегия.

Определенно жаль, что недостаток образования не позволяет мне сосредоточиться на чем-то более сложном, чем сравнительно прямолинейная проповедь или речи на собрании комитета. Голос Елены звучал так ясно, так компетентно, что я была уверена: то, что она говорит, имеет огромное значение. Роки, наверное, очень ею

гордится. Я заметила, что американцы отчаянно строчат в блокнотах. Жаль, что мне не пришло в голову заранее почитать что-нибудь по теме, в этом было бы гораздо больше толку, чем в покупке новой шляпки. Как унизительно сознавать, что все, кроме меня, понимают доклад Елены и способны испытывать ученый интерес к ее словам. Я вперила в нее взгляд с твердым намерением сосредоточиться, но меня отвлекла старушка с вязаньем. Я увидела, что вязанье тихонько выпало у нее из рук, а голова свесилась на грудь. Потом ее голова вдруг дернулась. Оказывается, старушка заснула. Открытие несколько меня утешило, и я снова стала оглядывать зал, на сей раз рассматривая таблички с позолоченными именами тех, кто удостоился за что-то медали либо оказал ту или иную поддержку обществу.

Я зачарованно пробегала глазами списки. 1904 г. — Герберт Франклин Крисп, 1905 г. — Эгфрид Стуммелбаум, 1906 г. — Эдвард Эллис Дарвин Рамбл, 1907 г. — Этель Виктория Торникрофт-Ноллард… Женщина в 1907 году! Что она сделала, чтобы заслужить медаль? Какой была? Я представила себе, как она в длинной юбке шагает по джунглям и бесстрашно расспрашивает туземцев, которые никогда прежде не видели

белой женщины. Своего рода Мэри Кингсли[15], но, вероятно, еще более удивительная, поскольку была антропологом, а антропологами женщины бывали редко, особенно в 1907 году. Возможно, она сейчас сидит среди стариков в плетеных креслах, возможно, это даже та старушка, что вяжет и дремлет…

Я так увлеклась своими фантазиями, что не заметила, как Елена закончила, и очнулась, только когда на ее месте оказался Иврард Боун, который — насколько я могла судить — повторил приблизительно то же самое, что уже сказала Елена. Он говорил исключительно хорошо, практически не заглядывая в записи, и раз или два по аудитории пробежал смешок, точно он отпустил какую-то шутку. Я воспользовалась случаем беспристрастно его изучить, спрашивая себя, почему при одном только упоминании его имени в глазах Елены появляется блеск. Он определенно был очень умен и по-своему хорош собой, но в нем не чувствовалось ни тепла, ни обаяния. Я вообразила его служителем церкви и решила, что из него вышел бы очень даже удачный проповедник. Его

---

[15] Примечания: 15

Мэри Кингсли (1862–1900) — английская писательница и исследовательница, оказавшая немалое влияние на представления европейцев о тропической Африке.

довольно суровая и отстраненная манера на этом поприще пришлась бы весьма кстати. Я осознала, что как раз такого можно любить втайне, без надежды на взаимность, что может быть в радость молодым и неопытным.

Когда Иврард закончил, президент, у которого тоже был такой вид, словно большую часть доклада он продремал, встал и произнес слова благодарности.

— А теперь, уверен, вам хотелось бы перейти к вопросам и комментариям, — заключил он. — Кто… э… начнет?

Последовало обычное неловкое молчание: никому не хотелось быть первым. Заелозили по полу стулья, и одна женщина из нашего ряда вышла из помещения. В руке у нее была холщовая сумка с каким-то свертком в газете, из которого торчал рыбий хвост. Елена нервно улыбалась. Иврард, сняв очки в роговой оправе, прикрыл глаза рукой.

— А, доктор Эпфельбаум! Наш первопроходец! — с облегчением сказал президент, и все откинулись на спинки стульев с выжидающими лицами. Как ужасно было бы, подумала я, если вообще никто не захотел бы задать вопрос.

Доктор Эпфельбаум оказался низеньким чело-

вечком тевтонской наружности. Что он сказал, осталось мне совершенно непонятным и из-за содержания, и из-за ярко выраженного иностранного акцента, но Иврард расправился с ним очень ловко. Теперь, когда пробный шар был брошен, один за другим стали быстро сменять друг друга прочие ораторы. На самом деле они вскакивали с мест, как чертики из табакерки, едва давая себе труда дождаться, когда закончит предыдущий. Казалось, все они «обрабатывали» каждый свое племя или местность и могли провести параллели или высказать возражения, исходя из собственного опыта.

— Я просто впускаю все это через одно ухо, а через другое выпускаю, — небрежно шепнул мне Роки.

Но мне не всегда удавалось последовать его примеру. Например, в какой-то момент возникла перепалка между доктором Эпфельбаумом и крепкой темноволосой женщиной, а еще пустячный на первый взгляд вопрос старика в пурпурном шарфе вызвал волну жизнерадостных смешков.

— Что, совсем никакого церемониального поедания человеческой плоти? — повторил он разочарованно и сел, качая головой и что-то

бормоча.

Наконец собрание как будто завершилось. Елена увела Роки, чтобы представить его различным важным персонам. Я довольно неловко стояла у двери, размышляя, уйти ли мне сейчас домой и будет ли невежливым не поблагодарить Елену и Иврарда за приглашение. Собравшиеся тем временем разбились на группки, многие из которых вели ученые беседы.

— Ну и что вы думаете? Боюсь, вам было очень скучно.

Около меня возник бросивший американцев Иврард Боун. Я испытала благодарность за то, что он меня спас, хотя не могла придумать никакой темы для беседы и лишь вежливо что-то бормотала, совершенно уверенная, что ему хочется вернуться к обсуждению его доклада с людьми, способными на это.

— Думаю, мне пора домой, — сказала я. — Большое спасибо, что пригласили меня.

— Э… полагаю, мы пойдем куда-нибудь обедать, — неопределенно отозвался он. — Почему бы вам не присоединиться к нам?

— Ну, поскольку дома у меня есть особенно нечего… — начала я, но осеклась, сообразив, что рассказ о скудном состоянии моего буфета — едва

ли уместный ответ на приглашение отобедать. — Мне бы хотелось присоединиться к вам, если можно.

— Лучше бы им поторопиться, — сказал Иврард, глядя в конец комнаты, где Елена и Роки разговаривали с группкой гостей.

— Ученые и впрямь от других людей не отличаются, — сказала я, тихо. — И старушка с вязаньем… Она даже задремала.

— Это жена президента, — откликнулся Иврард. — Она всегда засыпает.

— Она ездила с ним в экспедиции? — спросила я.

— Господи милосердный, конечно нет! Она ничего не смыслит в антропологии.

— Разве она даже не составляла предметный указатель или не вычитывала корректуру какой-нибудь его книги? В предисловиях или посвящениях ведь часто говорится: «Моей жене, которая взяла на себя тяжкий труд вычитывать корректуру» или «составить предметный указатель».

— Возможно, что-то такое она делала. В конце концов, для этого и существуют жены.

— Боже, как же хочется выпить! — сказала Елена в характерной для нее манере. Они с Роки

наконец к нам присоединились.

— Надеюсь, Боженька нас услышит, — согласился Роки. — Потому что я тоже этого хочу. Я страшно перепугался, что все эти люди захотят пойти с нами обедать.

— По-моему, ты был с ними груб, — недовольно откликнулась Елена, — иначе они могли бы пойти, и ради разнообразия вышел бы интересный разговор.

— Удобства цивилизации здесь имеются? — спросил Роки.

— Ну, конечно. Иврард тебе покажет. Может быть, хотите пойти со мной, Милдред?

Я поднялась за ней следом в комнату, на которой висела табличка с отпечатанным на машинке словом «Леди». Первым мое внимание там привлек свернутый государственный флаг Великобритании. Он казался тут немного неуместным, равно как и портреты туземных вождей, громоздившиеся стопками под раковинами.

— Как вы, верно, уже догадались, складских помещений здесь катастрофически не хватает, — объяснила Елена. — Условия у нас тут самые примитивные, но, в конце концов, достаточно удовлетворять лишь основные потребности.

— Да, это главное, — неуверенно согласилась я.

— По крайней мере у нас тут нет угрюмой старухи, выжидающей, когда вы бросите шеспипенсовик ей в блюдечко, — сказала Елена. — Мне всегда казалось, что эти женщины видят истинную драму жизни, учитывая, какие сцены разыгрываются в дамских уборных.

— Да, наверное, тут разное случается, — вновь согласилась я.

Мне вспомнились школьные балы, когда подольше задерживаешься в уборной в надежде переждать танец, на который у тебя нет партнера, но всегда выходишь слишком рано. Елена скорее всего с таким никогда не сталкивалась, но это по-своему серьезный опыт.

— Во время войны в чем-то было даже хуже, — продолжала она. — Помню, однажды… Господи, какую же это наводило тоску! От тусклой синей лампочки все смотрелось синюшным, и я думала, что никогда больше его не увижу, а когда выйду, он мне скажет, что все кончено… Сами знаете, как это бывает: слезы и виски, а потом надо выходить в это кошмарное затемнение.

Поскольку я ничего такого не знала, мне оставалось лишь поправлять прическу в сочувственном молчании. Подойдя к зеркалу, Елена начала под-

крашивать ресницы.

— Иврарду вы как будто нравитесь, — беспечно заметила она.

— Уверена, что нет. Мне так сложно поддерживать с ним разговор…

— По-вашему, Роки более привлекателен?

— Да, по-моему, он приятнее, — смущенно ответила я, поскольку не привыкла обсуждать людей на такой манер.

Однако, если быть честной с собой, придется признать, что «привлекательный» гораздо лучшее слово, чем «приятный», и гораздо точнее выражает мои чувства к Роки. Но вести этот разговор было неправильно, и мне хотелось, чтобы Елена его прекратила, и хотелось поехать домой, оставив их обедать втроем.

— Наверное, не стоит заставлять их ждать слишком долго, — сказала я, пока разговор не зашел слишком далеко.

— Им это не повредит, а вот мне определенно не мешает выпить. Идемте.

Я последовала за ней вниз, чувствуя себя собачонкой или существом низшего порядка.

Мужчины ждали нас в холле. Какой бы разговор они ни вели, теперь он иссяк, и они практически вытолкали нас на улицу, а потом довольно

бесцеремонно пошли вперед. Я решила, что они, наверное, слишком голодны и устали ждать, а потому не способны больше ни о чем думать, но чересчур хорошего вечера это не сулило.

Наконец мы вошли в ресторан и уселись за столик. Заказали коктейли, и один подали мне. Он оказался очень крепким, кажется, с джином. Я отпила осторожно, пока Роки и Иврард пререкались над картой вин. Они привередничали почти как Уильям, хотя и на иной лад, и я даже подумала, что гораздо проще было бы заказать воду, впрочем, у меня не достало храбрости это предложить.

Когда подали первую перемену, это оказались спагетти особо длинного и резинистого сорта. Роки показал мне, как накручивать их на вилку, но мне все равно это плохо удавалось, и участвовать в разговоре стало невозможно. Наверное, длинные спагетти — та еда, которую следует есть в тишине и одиночестве, чтобы никто не наблюдал за твоей борьбой. Готова поспорить, что многие нежные страсти угасли в зародыше, когда двое, сидя друг против друга, ели спагетти.

После этого испытания подали мясо и к нему вино, и беседа возобновилась. Роки начал задавать фривольные вопросы, имеющие отношение

к докладу:

— Как вы говорили, от мужчины ожидается, что он станет спать с незамужней свояченицей, если она придет погостить в его дом?

— Это называется «шуточными отношениями», — ответил Иврард, тщательно выговаривая слова.

— Шуткой такое, пожалуй, не назовешь, — не отступал Роки, — хотя могло бы получиться весело. Конечно, будет зависеть от самой свояченицы. Но ему обязательно с ней спать?

— Ты не понимаешь, Роки, — нетерпеливо вмешалась Елена.

Было очевидно, что им с Иврардом не слишком нравились шутки над их исследованиями.

— Интересно, изучение обществ, где распространена полигамия, поощряет аморальность? — серьезно спросил Роки, поворачиваясь к Иврарду. — Вы бы сказали «да»?

— Не вижу причин для этого, — отозвался Иврард.

— А антропологи склонны иметь по несколько жен за раз? Вам удалось это выяснить?

— Разумеется, они склонны скрывать подобные вещи, — с подобием улыбки отозвался Иврард, — а напрямую никого не спросишь.

— Они ужасающе моногамны, — вмешалась Елена, — и очень добродетельны. Намного сдержаннее, чем так называемые порядочные люди, которые ходят в церковь. — Она бросила на меня наполовину шутливый, наполовину язвительный взгляд.

— Что вы на это скажете, Милдред? — спросил Роки.

— Те, кто ходит в церковь, привыкли, что их обвиняют то в одном, то в другом, — отозвалась я. — Я так и не выяснила, что именно мы делаем или что именно нам полагается делать.

— Мы не следуем тому, что проповедуем, — вмешался Иврард. — Все дело в этом, Елена?

— Ожидается, что вы должны вести себя лучше других людей, — ответила та. — А вы, разумеется, этого не делаете.

— С чего бы? Мы всего лишь люди, верно, мисс Лэтбери?

Теперь, похоже, стороны поменялись! Если прежде Елена и Иврард сомкнули ряды против меня и Роки, то теперь моим партнером стал Иврард. Я всегда плохо играла в игры: когда подбирали стороны, меня никогда не звали. Но у Иврарда выбора не было. Такое положение вещей сохранялось на протяжении обеда и даже после,

когда мы вышли на улицу. Мы с Иврардом шли бок о бок, он словно нарочно это делал, но едва ли ради моего общества, ведь разговор не клеился.

— Вы живете поблизости? — спросила я, зная, что это не так.

— Нет, я живу в Челси. Наверное, это трудно назвать «поблизости».

— Но не так далеко, как, скажем, Хендон или Патни.

— Это определенно было бы дальше.

Несколько шагов мы прошли молча. До меня доносились тихие злые голоса Елены и Роки — они ссорились.

— У вас свой дом или квартира? — спросила я громко, с отчаянием в голосе.

— После увольнения из армии я жил в доме матери, но совсем недавно переехал в собственную квартиру, совсем близко.

— Вам повезло, что удалось ее найти.

— Да, я знаком с домовладельцем, и так вышло, что один из жильцов съезжал. — Он остановился у автобусной остановки. — Думаю, отсюда я могу доехать на автобусе.

К нам подошли Елена и Роки, и мы немного постояли все вместе. Последовал обмен прощаньями и благодарностями.

— Ты мне позвонишь? — спросила Иврарда Елена.

— Я, наверное, уеду на несколько дней, — неопределенно ответил он.

«На собрание Доисторического общества?» — спросила я мысленно.

— Разве ты не придешь на следующее заседание? — не унималась Елена. — Тирелл Тодд будет читать доклад о пигмеях.

— А, пигмеи… ну, не знаю.

В этот момент пришел автобус Иврарда, и он уехал, даже не оглянувшись.

Роки нашел нам такси, и большую часть пути мы проехали молча, точнее, Елена молчала, а мы с Роки обсуждали вечер — ту его часть, которая поддавалась обсуждению.

— У вас с Иврардом как будто был интересный разговор, — сказала вдруг Елена. — Он вам, случайно, не в любви объяснялся? — Тон у нее был светский, но слова прозвучали так жестко, точно это предположение было абсолютно лишено смысла.

— Он рассказывал про свою новую квартиру, — неуверенно ответила я.

— А на самом деле он для Милдред очень даже подойдет, — вмешался Роки. — И как мы об этом

не подумали? Совершенно очевидно, что нам надо найти ей хорошего мужа.

— Кажется, водитель проезжает мимо нашего дома, — прервала его я. — Вы назвали ему номер?

— А, ладно, пройдем пешком.

Роки постучал в стекло, и мы вышли, оказавшись довольно далеко от входной двери. Мы как раз двигались мимо приходского зала, когда оттуда вывалился Тедди Лимон с ватагой мальчишек — они болтали и грубовато смеялись. Мое сердце потянулось к ним, таким простым и добрым, с их незатейливой, незапутанной жизнью. Если бы только я вернулась домой сразу после доклада… Сегодня было собрание молодежного клуба Джулиана, и я могла бы там разливать чай за стойкой — это гораздо больше мне по душе, чем все, что произошло этим вечером.

Глава 11

Любовь в общем-то ужасная штука, решила я на следующее утро, вспоминая подводные течения прошедшего вечера. Пожалуй, не в моем вкусе. Лучше держаться подальше от Нейпиров, от их сбивающей с толку жизни и общаться только с людьми вроде Джулиана и Уинифред Мэлори и Доры Колдикот, от которой утром пришло письмо. Она туманно намекала на «неприятности» в школе, возможно, те самые, о которых упоминал Джулиан, и спрашивала, нельзя ли приехать провести у меня часть пасхальных каникул. Поэтому я занялась подготовкой маленькой свободной комнаты, даже поставила нарциссы в вазочку на каминной полке и повесила довольно бесполезные вышитые гостевые полотенчики. Комната выглядела милой и уютной — совсем как с иллюстрации в каком-нибудь женском журнале. Я знала, что после приезда Доры долго это не продлится, и все равно немного расстроилась, когда, зайдя поговорить с ней, пока она распаковывала вещи, увидела на каминной полке знакомую раздутую косметичку и сетку для волос.

— Надо же, Милдред! — воскликнула она. — Что ты с собой сделала? Ты выглядишь по-другому.

Конечно, Дора слишком давняя и верная подруга, чтобы мне льстить, но она обладала даром заставлять меня чувствовать себя глупо, особенно если учесть, что мне и в голову не приходило, что она сможет углядеть какие-то перемены, произошедшие в моей внешности с нашей последней встречи. Наверное, я стала чуточку активнее пользоваться косметикой, волосы у меня были уложены старательнее, а одежда не столь унылая. У меня едва хватало смелости даже самой себе признаться, что причина перемены — в знакомстве с Нейпирами, но говорить об этом Доре я не собиралась.

— Ты, наверное, хочешь вскружить Уильяму голову. В этом все дело?

Я с благодарностью рассмеялась.

— Мало что можно сделать, когда тебе за тридцать, — самодовольно продолжала она. — Слишком уж укореняются привычки. К тому же брак — это еще не все.

— Ну, разумеется, не все, — согласилась я, — да и нет у меня на примете никого, за кого бы хотелось замуж. Даже за Уильяма.

— Вот и у меня сейчас никого нет на приме-

те, — отозвалась Дора.

Мы погрузились в комфортное молчание. Это была своего рода игра, которую мы всегда заводили: мол, в настоящий момент нет никого на примете, за кого бы выйти замуж, — будто кто-то имелся в прошлом или может появиться в будущем.

— Как в школе? — спросила я.

— Мы с Проутеро друг с другом не разговариваем, — энергично отозвалась Дора.

Она была низенькой и кряжистой, с рыжими волосами, совсем не похожая на брата и временами могла показаться чересчур напористой, почти бешеной.

— Печально слышать. Но, наверное, с мисс Проутеро вообще не просто ладить.

— Непросто! Удивительно, что у нее вообще остался кто-то из учителей.

— Что случилось?

— Ну, как-то утром я позволила своему классу пойти в часовню без шляпок, а сама знаешь, как она к этому относится. Разумеется, мне нет дела до такой чепухи…

Дора продолжала болтать, но я ее толком не слушала, поскольку знала ее точку зрения и на мисс Проутеро, и на религию или веру в лю-

бых их проявлениях. Когда-то мы спорили из-за этого по многу часов. Я удивилась, почему она тратит столько сил на свары и стычки из-за такой мелочи, как шляпки в часовне, но потом напомнила себе, что такова, в сущности, жизнь у большинства из нас: мелкие неприятности вместо великих трагедий, мелкие тщетные томленья вместо самопожертвования и любовных страстей, о каких мы читаем в исторических хрониках или книгах.

— Чем хочешь заняться? — спросила я. — Пройдемся по магазинам?

Личико Доры просияло.

— Это было бы прекрасно!

Позднее, когда мы примеряли платья в недорогом отделе большого универмага, я совершенно забыла про Нейпиров и сложностях, вызванных знакомством с ними. Я вернулась в те более счастливые времена, когда общества подруг казалось вполне достаточно.

— О боже, слишком узко в бедрах, — сказала Дора, когда ее растрепанная голова и раскрасневшееся лицо появились в вырезе коричневого шерстяного платья.

— Не уверена, что это твой цвет, — с сомнением заметила я. — Я пришла к выводу, что нам стоит

избегать коричневого. Тех, кому за тридцать, он не очень-то красит, особенно если ты не большая модница. Когда мое коричневое пальто совсем сносится, куплю черное или темно-синее.

— Ну прямо советы из журнала мод, — произнесла Дора, сражаясь с застежкой. — А я всегда покупаю коричневое платье на каждый день.

«Вот-вот, и посмотри, до чего тебя это довело», — подумала я со вспышкой злорадства, которое временами одолевает всех нас.

— Почему бы не примерить это зеленое? — предложила я. — Тебе бы пошло.

— Господи милосердный, что в школе скажут, если я появлюсь в зеленом? — воскликнула Дора. — Я сама себя не узнаю. Нет, просто попрошу коричневое на размер больше. Мне как раз нужно такое.

Платье на размер больше нашлось, правда, оказалось великовато, но Дору оно как будто полностью устроило.

— Не знаю, что на тебя нашло, Милдред, — посетовала она. — Раньше ты никогда не придавала значения одежде.

— Куда пойдем пить чай? — сменила я тему, поскольку не нашла в себе сил дать Доре удовлетворительное объяснение.

— В «Корнер-хаус»! — с энтузиазмом ответила Дора. — Ты же знаешь, как я его люблю.

Мы дошли до одного из этих великих заведений и сели за столик в почти элегантном зале с мраморными колоннами и бело-золотым декором. Оркестр играл «Si mes vers avaient des ailes»[16], и в воображении я почти перенеслась в эдвардианскую гостиную. Как они могли выносить такие песни? Пусть и со смехом, мы и сейчас едва-едва их выносим, — слишком уж велика ностальгия. Внезапно в обществе Доры я испытала ужасную опустошенность. Она же с довольным видом изучала меню.

— Яичница-болтунья, — прочла она, — но, конечно же, яйца ненастоящие. Кит в карри, боже ты мой, кому захочется такое к чаю? Я на днях поругалась из-за него с Проутеро — сама знаешь, как строго она блюдет Великий пост и прочую такую чушь. Так вот, она ела китовое мясо, думая, что это рыба!

— А разве нет?

— Конечно нет. Кит ведь млекопитающее, — громко и с вызовом сказала Дора. — Поэтому, сама

---

[16] Примечания: 16

«Будь у моих стихов крылья» *(фр.)* — строка стихотворения Виктора Гюго, положенного на музыку различными музыкантами конца XIX — начала XX в.

понимаешь, его никак нельзя считать рыбой.

У столика застыла официантка, чтобы принять заказ.

— Мне только чай и кекс, — быстро пробормотала я, но Дора не спешила и заказала ассорти из сандвичей.

— Неприятности вышли из-за кита? — ехидно спросила я.

— А? Нет. Но, думаю, Проутеро была порядком расстроена. Я не могла отделаться от мысли, что теперь один-ноль в мою пользу. Я ведь отплатила ей за шумиху из-за шляпок в часовне!

Оркестр заиграл румбу, и я разлила чай по чашкам. Развернув сандвич, Дора заглянула внутрь.

— Томатная паста, — объявила она. — Слушай, Милдред, как насчет того, чтобы в субботу съездить в школу на встречу выпускниц? Знаешь, что они собираются посвятить витраж памяти мисс Риду? Ты не думала поехать?

— Так она уже в эту субботу? Я, конечно, получила извещение, но не думала, что так скоро. Приятно было бы выбраться за город, — предположила я. — Весенние цветы уже появятся.

Мы еще немного поговорили про поездку, пока ехали на верхней площадке автобуса по Пиккадилли. Светило солнце, и на стульях в парке еще

сидели люди.

— Странно видеть, как священник держит кого-то за ручку на людях, — мимоходом заметила Дора. — Не знаю почему, но странно.

— Где?

— Смотри… Вон там! — Она указала на пару — двое полулежали в шезлонгах.

— Надо же, не может быть! — воскликнула я, но не оставалось сомнений, что священником был Джулиан Мэлори, а рука, которую он держал, принадлежала Аллегре Грей.

— Что значит не может быть? — Дора посмотрела снова. — Он определенно держал ее за руку… Ха, да это же Джулиан Мэлори! Ну и ну! С кем это он?

— Она вдова, некая миссис Грей, которая поселилась на втором этаже в его доме.

— А, понятно. Ну, наверное, тут нет ничего дурного?

— Разумеется, нет, — довольно резко ответила я.

Просто совершенно неуместно так сидеть у всех на виду, и даже не на жестких чугунных стульях, а развалиться в шезлонгах!

— Подумать только, пойти в парк, чтобы держаться за руки! Странно как-то.

— Полагаю, они пошли туда не с именно этой целью, — заупрямилась Дора. — Они пошли погулять и решили посидеть, и так одно за другое… В конце концов, держаться за руки — вполне естественное проявление привязанности.

— А ты-то откуда знаешь? — услышала я собственный голос.

— Милдред! Да что на тебя нашло? Ты что, влюблена в этого священника? — спросила она так громко, что пара впереди нас начала толкать друг друга локтями и хихикать.

— Конечно нет! — рассерженно ответила я вполголоса. — Но все кажется таким неподобающим. Уинифред и вообще… Ох, не могу сейчас объяснить!

— Не понимаю, из-за чего ты так разволновалась, — с приводящим в бешенство спокойствием отозвалась Дора. — День чудесный, она привлекательна, к тому же вдова, он холостяк, так что все в порядке. Я тут вижу расцветающий роман.

К тому времени, когда мы вышли из автобуса, мы уже откровенно ссорились. Это было глупо и бессмысленно, но почему-то мы не могли остановиться. Я вдруг увидела нас лет через двадцать или тридцать: возможно, мы живем вместе и препираемся из-за пустяков — неприятная картина.

— В конце концов, священник тоже мужчина и имеет право на человеческие чувства, — продолжала Дора.

Теперь мне стало очевидно, что она настроена с ходу отвергать все, что бы я ни сказала, потому что обычно держалась мнения, что священников нельзя считать мужчинами и человеческие чувства им не полагаются.

— Джулиан не из тех, кто женится, — не унималась я. — И вообще, миссис Грей ему не подходит.

— А я думаю, ты сама на него глаз положила, — раздражающе шутливым тоном заявила Дора. — Вот почему прихорашиваешься.

Раз уж она забрала себе что-то в голову, отрицать это было бесполезно. Я с благодарностью увидела замаячивший впереди у церкви огромный, напоминающий парус силуэт сестры Блэтт.

— Привет-привет, — окликнула она, когда мы поравнялись. — Куда, скажите на милость, запропастился отец Мэлори? Повечерье через пять минут, а его и в помине нет. Мисс Мэлори сказала, он пошел на заседание Отдела планирования резервов. Затянулось, наверное, — хохотнула она. — Не командировали же его вдруг миссионером в Африку, верно?

— Тогда он скорее всего сначала вернулся бы и поставил нас в известность, — отозвалась я.

— Ну и ладно, рискну сказать, отец Грейторекс объявится, — весело сказала сестра Блэтт и ушла в церковь.

— Уж мы-то могли бы ей объяснить, где на самом деле отец Мэлори, правда, Милдред? — хихикнула Дора. — Думаю, надо его пошантажировать.

По возвращении домой Дора решила перед ужином заняться стиркой, и уже через полчаса кухня была завешана гирляндами наводящего тоску нижнего белья — трусы из бежеватого нераспускающегося трикотажа и комбинации из того же материала. Выглядело оно еще более унылым, чем мое.

За ужином мы говорили о нашей старой школе, об Уильяме, а также на общие темы. Джулиан Мэлори больше не упоминался. Я заваривала чай на кухне, когда раздался стук в дверь и в проеме возникла голова Роки.

— Елена ушла слушать доклад про пигмеев, — сказал он. — И я остался совсем один. Можно войти?

— Да, заходите, пожалуйста, — сказала я чуть растерянно, смущенная развешенным нижним

бельем. — Приехала моя подруга Дора Колдикот, — пояснила я, пока он пробирался под веревками с мокрыми гирляндами.

— Вот повеселитесь! — легко отозвался он. — Кофе нальете?

— Мы собирались пить чай. — Я чувствовала себя чуть пристыженной — и за чай, и за себя, и за то, что его стыжусь. — Но, конечно, могу сварить вам кофе.

— Ну уж нет. Обожаю чай.

— Вы старая подруга Милдред по школе, — шутливо сказал он Доре. — Я столько всего про вас слышал.

Дора смущенно улыбнулась и зарделась. «Ах, эти неловкие военнослужащие из женского вспомогательного, — подумала я, мысленно увидев их на балконе адмиральской виллы. — Как они, наверное, расцветали в лучах такого обаяния!»

Роки остановился у окна.

— Вон идет ваш пастор. Значит, теперь будет служба?

— Он один? — спросила Дора.

— Да, совсем один, и накидка ему весьма к лицу. Мне всегда казалось, я тоже в такой неплохо смотрелся бы.

— Мы сегодня видели, как он в парке держался

кое с кем за ручку, и Милдред очень расстроилась, — игриво сказал Дора. — Бедняга, не понимаю, почему ему этого нельзя.

— Нет, так не пойдет, — отозвался Роки. — Я всегда считал его собственностью Милдред. Ну да неважно. — Он повернулся ко мне: — По-моему, его руку не слишком приятно будет держать. Мы найдем вам кого-нибудь получше.

— Ему полагалось быть в церкви и служить повечерье, — сказала, не желая оставлять тему, Дора.

— Бедняга! Что может быть более унылым в отличный будничный вечер. Спрашивать себя, придет ли кто-нибудь, или испытывать усталость при виде все тех же немногих верных прихожан? Почему бы нам не сходить в кафе? Выпьем чего-нибудь, — предложил он.

— Не после чая, благодарю, — отозвалась я. — Думаю, мне не хочется.

— Дорогая моя Милдред, вам нужно научиться хотеть выпить в любое время. Я лично займусь вашим образованием.

Конечно же, мы пошли. Дора заказала сидр и хихикала с Роки, рассказывая ему истории из наших школьных дней, которые вгоняли меня в краску. Я в своем желании быть другой и не

выглядеть старомодной занудой попросила пива, которое оказалось выдохшимся и горьким — с таким вкусом, какой, надо думать, бывает у воды после мытья посуды.

— Милдред грустит из-за своего священника, — сказал Роки. — Найдем-ка мы ей лучше антрополога.

— Никого я не хочу, — сказала я, заранее опасаясь, что это прозвучит ребячески, но не в силах ничего с собой поделать.

— Будь тут Иврард Боун, можно было бы уговорить его подержать вас за руку, — подтрунивая, продолжал он. — Как вам такое?

На мгновение мне почти захотелось, чтобы с нами был Иврард Боун. Он был спокойным и здравомыслящим и ходил в церковь. Мы завели бы скучный, натянутый разговор без скрытых смыслов. Он, не подначивая меня, выслушал бы историю про Джулиана и миссис Грей в парке, он, возможно, даже понял бы, что в целом ситуация очень тревожная. А ведь она и впрямь была тревожной. Если Джулиан женится на миссис Грей, что станется с Уинифред? Теперь я была совершенно уверена, что он действительно намерен на ней жениться, и даже удивилась, почему сразу этого не поняла.

Священники не держат женщин за руку в общественном месте, если не имеют благородных намерений, сказала я себе, надеясь, что вдруг все-таки не права, ведь, как указала Дора, священники тоже люди и от них можно ожидать тех же слабостей, что и от обычных людей. Лежа ночью в постели, я все еще терзалась из-за этой дилеммы, спрашивая себя, следует ли мне что-нибудь предпринять. Но что? Мне вдруг вспомнились «Ответы нашим читателям» в «Церковных ведомостях»: многие ответы были настолько расплывчаты, что вполне могли относиться и к подобной проблеме. «Я видела, как наш пастор держит за руку в парке вдову… что мне делать?» Сформулированный таким образом, вопрос казался почти фривольным. Какого ответа я могла бы ожидать? «Немедленно обратитесь к своему епископу»? Или «На наш взгляд, это не ваше дело»?

Глава 12

К воскресенью все стало чуточку лучше. День был солнечный, и мы с Дорой отправились на освящение витража памяти мисс Риду — директрисы в нашу бытность в школе. В поезде мы читали школьный журнал, извлекая тайное удовольствие от того, что принижали тех выпускниц, которые многого добились, и злорадствовали над теми, кто не сумел оправдать возлагавшиеся на них надежды.

— «Эвелин Брэндон все еще преподает античную литературу в школе Святого Марка в Феликс-Стоуве», — с удовлетворение прочла вслух Дора. — А ведь она была такая талантливая. Столько премий завоевала в Джиртоне, все думали, что она далеко пойдет.

— Да, — согласилась я, — но опять же все мы далеко ушли, верно? Я хочу сказать, далеко от тех дней, когда считались талантливыми и тому подобное.

— Ну, думаю, мы с тобой не слишком изменились.

— Во всяком случае, у нас больше нет стрижек

«под фокстрот» и сборок сзади на талии. Несколько удручает, правда, мысль о том, что мы помним ту моду. Быть молодой в те годы кажется так неромантично.

— Но, Милдред, нам тогда было всего двенадцать или тринадцать. Смотри, тут и про тебя есть… «Мисс Лэтбери все еще работает на полставки в Обществе попечения о престарелых дамах», — прочла она вслух. — Звучит не многим лучше, чем про Эвелин Брэндон.

— Да, конечно, именно этим я занимаюсь, — согласилась я, но почему-то фраза показалась совсем пустой, ведь она передавала лишь крошечную часть моей жизни. — Кое-кто пишет о себе подробнее, поэтому их жизнь представляется более насыщенной.

— Точно. А вот тут про Мейзи Уинтерботэм, помнишь ее? Рыжая в очках? Она вышла замуж за миссионера или вроде того. Миссис Эрроусмит (Уинтерботэм) сообщает из Калабара в Нигерии, что ее муж открывает новую миссию на реке Имо. «Мой третий ребенок (Джереми Пол) родился там, а потому, учитывая также, что Кристофер и Фиона недавно научились ходить, забот у меня хватает. По счастью, для них я нашла чудесную африканскую няню. Я столкнулась с мисс Коунс

в Лагосе, но сразу же уехала сюда». — Дора захихикала. — От Коунс кто угодно сразу подальше уедет. Смотри, мы почти на месте!

Сердце у меня упало, когда я узнала привычный ландшафт. Я почти вообразила себя школьницей, приехавшей дождливым сентябрьским вечером на осенний семестр, и даже почувствовала антисептический запах недавно отдраенных раздевалок…

— Смотри, Элен Эгглтон и Мейвис Буш! — крикнула Дора, высовываясь в окно, пока поезд подходил к платформе.

Казалось, этим поездом приехали большинство выпускниц, поскольку на платформу разом выплеснулась волна дам всех возрастов. У меня перед глазами словно бы ожили напечатанные в журнале заметки… «Миссис Буш подвизается на ниве Нравственного воспомоществования в Пимлико… Э.Б. Эгглтон — старшая преподавательница домоводства в школе Святой Моники в Эрн-Хилле…» И вдруг они во плоти — почти такие же, какими ты их помнишь. Тут были и женщины старше нас, которые, возможно, уже обзавелись внуками, и моложе, чьи модные пальто и костюмы говорили о том, что школу они покинули совсем недавно. Учительницы, что утешительно,

остались прежние. Мисс Латфут, мисс Грегг, мисс Дейвис… Они как будто совсем не постарели, но были и одна-две новенькие, моложе нас, почти девочки.

Перед церемонией освящения в холле подали чай, и представилась возможность поболтать или, точнее, обменяться новостями, поскольку трудно было назвать беседой нечто, состоящее из фраз: «А что теперь поделывает такая-то? Ты все еще преподаешь? Представляешь, старушка Херст выходит замуж!»

После чая мы торжественно направились в часовню, чтобы перед службой осмотреть новый витраж. Часовня была построена в 1925 году в сравнительно холодном современном стиле: белые стены, неудобные легкие дубовые стулья и много серо-голубого цвета в убранстве и занавесях. Тут мы с Дорой в возрасте пятнадцати лет проходили конфирмацию, тут мы немного опасливо преклонили колени, ожидая чего-то, что в полной мере так и не свершилось. О школьных службах ничего вдохновляющего в моей памяти не сохранилось — только глупые смешки над некоторыми строчками из гимнов и псалмов, а после бдительность — чтобы упрекнуть за те же смешки девочек помладше. Наверное, мы с

Дорой (в те годы мы обе считались толстушками) теперь без дрожи или призрачной полуулыбки могли бы стоять бок о бок и петь: «Хрупкие дети праха»[17]. Довольно печально, если подумать.

Витраж, которой предстояло освятить, был работы современного художника и выполнен в общем духе часовни. На нем была изображена фигура святой с именем Олива Стерджес Риду, написанным готическим шрифтом, даты рождения и смерти и надпись на латыни. Мы стояли перед ним в благоговейном молчании, нарушаемом только редкими восхищенными замечаниями. Несколько минут спустя мы расселись в ожидании службы, провести которую предстояло школьному капеллану. В наши дни это был высокий представительный мужчина средних лет, канонник городского собора, и все мы были тайно или открыто в него влюблены. Тогда его прихода ждали с нетерпением, но сейчас — возможно, к лучшему — дела обстояли иначе, поскольку капелланом оказался суетливый человечек, лысый и в пенсне. Он отслужил неспешно и подобающе и произнес короткую речь, превознося добродетели мисс Риду — Стердж, как мы называли ее

[17] Примечания: 17
Из псалма Роберта Гранта.

по второму имени. Внезапно я была тронута, и у меня защипало глаза. Стердж была хорошей женщиной и очень хорошо ко мне относилась, а еще у нее было острое чувство абсурдного, которого я не умела оценить, пока не повзрослела. Я вообразила себе, как она теперь улыбается нам с какой-то разновидности небес — возможно, чуточку сардонически.

На обратном пути мы с Дорой, обе в элегическом настроении, ударились в воспоминания. Мы больше не принижали своих успешных сверстниц и не злорадствовали над неуспешными. В конце концов, сами-то мы каковы? Ни одна не сделала звездной карьеры, и самое главное, ни одна не вышла замуж. В том-то, по сути, все дело. На встречах выпускниц первым делом ищут кольцо на левой руке. Часто, да что там, почти всегда это ничем не примечательное кольцо, иногда всего лишь простой золотой ободок или с очень маленьким тусклым брильянтиком. Вероятно, и муж того же пошиба, но поскольку на встречи мужей с собой не берут, их можно только воображать, и почему-то мне думается, что чужие мужья, которых мы себе представляли, были еще более неинтересными, чем нам казалось.

— Подумать только, кто-то женился на ста-

рушке Херст! — сказала Дора, точно прочла мои мысли. — Что, скажите на милость, у нее может быть за муж?

— Нам никогда это не узнать. Недалекий и лысеющий, но очень заботливый и добродушный? Или пожилой пастор, возможно, вдовец? Или кто-то, отличившийся на своем поприще, и к тому же красивый? Он может быть каким угодно.

Повисло меланхоличное молчание. Уже стемнело, поезд шел медленно. Всякий раз, когда я смотрела в окно, мне казалось, что мы проезжаем церковный двор или кладбище.

«В ограде церковной бок о бок стоят, белеют рядками могилы»[18], — подумалось мне. Но однажды мы проехали большое кладбище: ничего утешительного не было в акрах могильных плит, лишь временами прерываемых какой-нибудь беломраморной фигурой, чьи простертые руки или крылья в сумерках выглядели почти угрожающе.

Листая страницы школьного журнала, я нашла кое-что созвучное моему настроению — некролог выпускницы, учившейся в школе с 1896 по 1901 год. Дороти Гертруда Пайбус, «для друзей Ди Джи

---

[18] Примечания: 18
Из церковного гимна Сесила Александра, 1889 г.

или Пай», с ее оживленным личиком, любовью к розыгрышам, неустанными трудами в приходе святого Криспина, а ниже — стихотворение, смущающее своей неуклюжестью, нечто путаное про туманы и горные пики, пожалуй, в духе «Эксельсиора» Лонгфелло… Подробности и туманные отсылки на нечто глубоко личное настолько меня тронули, что я уже не знала, смеяться мне или плакать. Очевидно, мы с Дорой еще не достаточно стары, но, возможно, придет время, когда одна из нас напишет некролог другой, хотя я очень надеялась, что у нас хватит присутствия духа не сочинять стишков.

В одном купе с нами ехала молодая женщина, но мы даже не догадывались, что она тоже из школы, пока Дора случайно с ней не заговорила. Наша попутчица рассказала, что оставила школу в начале войны, а потом служила в женском вспомогательном.

— Мне ужасно повезло, и меня отправили в Италию, — щебетала она. — Поразительное везенье, я провела там больше года.

— А Рокингхема Нейпира вы там не встречали? — от нечего делать спросила я. — Он, кажется, был где-то на адмиральской вилле.

— Знала ли я Роки? Самого обаятельного адъ-

ютанта на всем Средиземноморье? Да его все знали!

Я посмотрела на нее с интересом. Казалось, она не из тех, кому довелось пережить какое-нибудь приключение, на ней никто не задержал бы взгляд, но теперь я легко представила ее себе на террасе адмиральской виллы.

— У вас была белая форма, — рискнула предположить я.

— О боже, да! И она всегда некрасиво висела, пока не садилась от стирки или ее не перешивали. Моя на мне поначалу мешком сидела. Через день после прибытия нас пригласили на коктейль на виллу адмирала, и Роки Нейпир был ужасно к нам добр. Понимаете, его обязанностью было обеспечивать адмиралу светскую жизнь и всех очаровывать.

— Уверена, он хорошо с ней справлялся, — пробормотала я.

— О да! — весело подхватила она. — В него то и дело кто-нибудь влюблялся, правда, длилось это обычно месяц или два. Пока девушка не понимала, какой он на самом деле поверхностный человек. Он заводил роман на неделю-другую, а потом бросал бедняжку. Мы из вспомогательного обычно называли себя «игрушками»: иногда

нас снимали с нашей полки, стряхивали пыль, осматривали, но потом всегда убирали назад. Конечно, у него была подружка-итальянка, так что понимаете…

— Да, конечно…

Подружка-итальянка? Да, этого следовало ожидать. Интересно, знала ли об этом Елена, обижалась ли она? Но потом я решила, что наивно смотреть на это таким образом.

— Мужчины — очень странные создания, — самодовольно произнесла Дора. — Никогда не знаешь, что они выкинут.

— Да уж, — согласилась я, поскольку это показалось мне самым безопасным определением.

— Разумеется, не все мужчины таковы, — сказала служащая из женского вспомогательного. — В армии есть и очень приятные офицеры.

— У которых нет подружек-итальянок?

— Вот-вот. Эти показывали фотографии жен и детей.

Я взглянула на нее с подозрением, но она, похоже, была совершенно серьезна.

Поезд подошел к вокзалу, мы приготовились сойти.

— Кстати, надеюсь, Роки Нейпир вам не близкий друг или родственник? Наверное, мне не

следовало говорить такого…

— О нет, не друг, — отозвалась я. — Он с женой живет в одном со мной доме и всегда казался очень приятным.

В конце концов, какое имело значение, что думала о нем эта наводящая тоску женщина? Она видела его только в фальшивом светском окружении.

Поезд остановился, и мы расстались.

— Ну вот, пожалуйста, — удовлетворенно заявила Дора. — Так я и думала. Нисколечко не удивилась, такое про него услышав. Нам еще повезло от него спастись, если хочешь знать мое мнение.

«Повезло спастись?» — печально подумала я. Но стали бы мы, любая из нас, спасаться, представься нам шанс поступить иначе?

— Вероятно, лучше быть несчастной, чем вообще ничего не чувствовать, — сказала я вслух. — «Любовь, обиду все тебе чинят, твердя, что сладости твои горьки, горьки»[19].

Дора воззрилась на меня с изумлением.

— Пожалуй, мне надо в дамскую комнату, — сказала она, — перед тем, как сядем на автобус

---

[19] Примечания: 19

Из Оксфордского сборника английской поэзии, пера анонимного автора Елизаветинской эпохи.

домой.

Я кротко пошла следом, хотя, в сущности, мне туда не было нужно. Просто само это место отрезвляло, и одного взгляда на отражение в пыльном, плохо освещенном зеркале хватило, чтобы прогнать любые романтические мысли.

Глава 13

Следующие несколько недель прошли без особых событий. Роки был, как всегда, очарователен, но я всякий раз, когда его видела, напоминала себе о «подружке-итальянке» и «довольно поверхностном человеке», чтобы перестать думать о нем слишком уж хорошо. Они с Еленой умудрилась обзавестись коттеджиком за городом и теперь много времени проводили там. Он сообщил, что снова начал рисовать, но наброски, которые он мне показывал, не вызывали особого восторга. С Иврардом Боуном я вообще не виделась и вскоре забыла и про него самого, и про попытки лучше относиться к нему. Дора со своим коричневым шерстяным платьем вернулась в школу, а я — к моим дамам по утрам и рутине дома и в церкви на остаток дня. Приход весны взбудоражил всех нас, но теперь, когда она окончательно наступила, жизнь вошла в привычную колею. Я больше не видела Джулиана Мэлори и Аллегру Грей державшимися за руки, но было очевидно, что она на очень короткой ноге и с Джулианом, и с Уинифред, а Уинифред по-прежнему отзывалась

о ней с большим пылом.

— Аллегра собирается мне помочь с летними платьями, — сказала она. — У нее такой хороший вкус. Как по-вашему, Милдред?

Я согласилась: мол, выглядит она всегда очень мило.

— Да она и Джулиана принаряжает! Неужели вы не заметили? Потом, наверное, возьмется за отца Грейторекса.

— Вы хорошо ладите? — спросила я. — Не заметили, что утратили часть независимости, когда она у вас поселилась?

— Совсем нет, скорее такое впечатление, что Аллегра и мы — одна семья. Мы то и дело друг к другу заходим.

Было утро субботы, и мы собрались в ризнице хора в ожидании, когда настанет время украшать церковь к Троице. Пришли все те же: Уинифред, сестра Блэтт, мисс Эндерс, мисс Стэтхем и еще одна-две дамы. Единственным мужчиной, помимо духовных лиц, был Джим Сторри, недалекий юноша, который помогал нам понемножку, иногда закрепляя на подоконниках проволочные каркасы для цветов или доливая воды в консервные банки.

Сама ризница была сумрачной захламленной

комнатенкой, вмещавшей десяток стульев, рояль и шкаф, набитый подпорченными томиками «Гимнов старинных и современных» (мы, разумеется, пользовались «Английским гимновником»), а еще вазами, различными плошками и духовыми инструментами, нуждавшимися в чистке.

— Так-так, вот мы все тут и собрались, — сказал Джулиан тоном более клерикальным, чем обычно. — Очень любезно с вашей стороны прийти нам помочь, и я особенно благодарен тем, кто принес цветы. Леди Фармер, — он упомянул единственную титулованную особу, оставшуюся в нашей пастве, — была так добра, что прислала из загородного дома великолепные лилии.

Повисла пауза.

— Он собирается прочесть молитву, — шепнула мне сестра Блэтт.

Поскольку молчание никто не нарушил, я склонила голову и стала ждать. Но Джулиан произнес не молитву, а слова веселого приветствия Аллегре Грей, которая как раз переступила порог:

— Ага, вот и вы, теперь можно начинать.

— Ну надо же, неужто мы ее ждали? — пробормотала сестра Блэтт. — Мы давным-давно украшаем церковь… Задолго до появления какой-то там миссис Грей.

— Она в приходе недавно. Возможно, отец Мэлори счел, что будет невежливым ее не подождать. Рискну предположить, он будет ей помогать.

— Чтобы отец Мэлори помогал с украшениями? Эти мужчины вечно бездельничают. Полагаю, когда дойдет до дела, они потихоньку улизнут и будут попивать кофе.

Мы вошли в церковь и начали разбирать цветы, решая, что куда определить. Уинифред как сестра священника узурпировала привилегию супруги и всегда занималась алтарем, но, должна признать, его убранство не всегда было на высоте. Я со временем поднялась от очень скромного окошка, которого никто никогда не замечал, до помощи сестре Блэтт с алтарным экраном, и мы начали закреплять проволокой старые консервные банки, чтобы, налив воды, поставить потом в них цветы. Повсюду звучала болтовня, и мне вспомнились Лили Дейл и Грейс Кроули у Тролллопа, которые настолько привыкли к церкви, что сделались «почти так же непочтительны, как пара младших священников». Какое-то время все шло мирно, каждая из нас была занята делом в отведенном ей уголке, а Джулиан и отец Грейторекс бродили вокруг, поощряя и подбадривая, но не оказывая конкретной помощи.

— Именно так! — произнес Джулиан, когда я поставила охапку мелких гвоздик в банку из-под тушенки. — Великолепно!

Я не нашла ничего особенно великолепного в своих гвоздиках, и мы с сестрой Блэтт обменялись улыбками, когда он отошел к мисс Стэтхем и мисс Эндерс у кафедры. Вот тут я услышала диалог Уинифред и миссис Грей, которые обе занимались алтарем, — и этот диалог очень напоминал перепалку.

— Но у нас всегда были на алтаре лилии, — донесся до меня голос Уинифред.

— Ах, Уинифред, но почему вы всегда такая консервативная! — довольно резко отозвалась миссис Грей. — Если на алтаре всегда были лилии, это еще не значит, что ничего другого поставить нельзя. Я вот думаю, что пионы и дельфиниумы будут смотреться гораздо эффектнее. А лилии можно поставить в большую вазу на полу, вот тут сбоку. Как по-вашему, разве не великолепно?

Ответа Уинифред я не услышала, но не сомневалась, что цветы будут стоять так, как предложила миссис Грей.

— Конечно, она была женой священника, — сказала сестра Блэтт, — поэтому, наверное, привыкла всеми командовать и по-своему укра-

шать церковь.

— Вопрос скорее в том, должна ли сестра священника иметь первенство перед вдовой священника, — отозвалась я. — Трудно себе представить, чтобы в книгах по этикету говорилось о таких тонкостях. Но я и не была уверена, что муж миссис Грей был священником, я думала, он был лишь младшим помощником, а потом армейским капелланом.

— Ну да, до того как стать капелланом, он имел приход. Говорят, он к тому же был очень хорошим проповедником, современным и умел вворачивать всякие новомодные словечки. Но я слышала… — Сестра Блэтт понизила голос, точно собиралась поделиться чем-то скандальным: — У него были склонности…

— Склонности? — эхом откликнулась я.

— Да, к Оксфордскому движению[20]. У него в этом направлении, полагаю, были склонности.

— О боже, тогда, возможно…

— Вы хотите сказать: даже к лучшему, что Бог прибрал бедолагу? — спросила сестра Блэтт, заканчивая за меня мою фразу.

— Думаете, миссис Грей снова выйдет замуж? —

---

[20] Примечания: 20

Движение за религиозное возрождение, которое во второй трети XIX в. постепенно развилось в англокатолицизм.

спросила я, подумав, вдруг сестра Блэтт слышала или видела что-нибудь.

— Ну… суть-то в том, за кого? Она, полагаю, женщина видная, но подходящих кандидатов у нас ведь немного, а?

— А священники?

— Вы про отца Грейторекса? — изумилась сестра Блэтт.

— Он же подарил ей горшочек джема.

— Вот это для меня поистине новость.

— А отец Мэлори — каминный коврик, — продолжала я, не в силах остановиться.

— Ту проеденную молью тряпку из своего кабинета? По мне, так это ничего не значит. А кроме того, отец Мэлори никогда не женится, — уверенно заявила сестра Блэтт.

— Не знаю… У нас нет причин думать, что не женится. И вообще, вдовы почти всегда снова выходят замуж.

— Они знают, как заарканить мужчину. Проделав такое раз, нетрудно и повторить. Наверное, тут нет ничего мудреного, если знать как.

— Как перегоревшую пробку поменять, — предположила я, хотя никогда не рассматривала поиски спутника жизни под таким углом.

Даже к лучшему, что тут нас прервала мисс

Стэтхем, спросившая, не найдется ли у нас лишней зелени, поскольку такой разговор совсем не подходил для церкви и, по правде говоря, мне было чуточку стыдно.

Когда мы закончили, церковь выглядела настолько красиво, насколько позволял викторианский интерьер. Алтарь смотрелся поразительно и необычно, и лилии хорошо выделялись, так что даже леди Фармер, посети она нас (чего она не сделала), не сочла бы, что их обошли вниманием.

На следующее утро мы все пели «Славься, праздничный день», пока процессия огибала церковь и запах ладана и цветов приятно сочетался с солнечным светом и пеньем птиц снаружи. Нейпиры уехали за город, я чувствовала себя в мире с собой, как было до их вторжения в мою жизнь. Когда я выходила из церкви, ко мне подошла миссис Грей. Обе мы по случаю Троицы были в новых шляпках, но мне казалось, что ее, украшенная плодами, была необычнее и элегантнее моей — с традиционной россыпью цветов.

— О боже, какой же это трудный гимн, — заметила она. — Я про тот, что выбрали для процессии.

— Но он такой красивый! — отозвалась я. — И его стоит петь, пусть даже иногда спотыкаешься

на куплете.

— Я хотела спросить, вы не согласитесь как-нибудь пойти со мной на ленч, — к моему изумлению, внезапно спросила миссис Грей.

— На ленч? — переспросила я, точно никогда не слышала о таком приеме пищи: слишком уж я была удивлена и недоумевала, чем вызвано приглашение. — Спасибо, с радостью.

— Завтра, конечно, Троицын понедельник, поэтому лучше бы во вторник или в среду. Если вы свободны, конечно. — Она назвала ресторан в Сохо, мимо которого я несколько раз проходила. — Когда вам будет удобно? Скажем, в четверть второго?

К себе я вернулась, гадая о причинах дружеского жеста миссис Грей. Я была уверена, что в действительности ей не симпатична, что она считает меня в лучшем случае серенькой мышкой, которую даже не замечают, да и мне она была не слишком по нраву. Но вдруг у нас найдется что-то общее и мы даже подружимся? С кем я только не собираюсь дружить! От самой этой идеи мне захотелось рассмеяться, и я вдруг подумала о том, что будет, если их свести. Иврард Боун и Аллегра Грей… Может, они поженятся? По крайней мере это отвлечет ее от Джулиана, если только он твер-

до не вознамерился ее заполучить. Интересно, священники в подобных делах проявляют ту же настойчивость, что и обычные люди? Наверное, да. А если дойдет до схватки, кто победит — Джулиан или Иврард Боун?

В Троицын понедельник я решила разобрать кое-какие ящики и шкафы и, возможно, начать шить летнее платье. Я всегда это делала в Пасхальный и Троицын понедельник и почему-то ни в какое другое время. Это было больше связано с ясной погодой, чем с важными церковными праздниками — обычай скорее языческий, чем христианский.

Я начала с отделений для бумаг в письменном столе, но не слишком продвинулась, поскольку наткнулась на связку старых писем и фотографий, а от них перешла к грезам и воспоминаниям. Моя мама в широкополой шляпе сидит под кедром на лужайке пастората, — я, наверное, была слишком маленькой, чтобы вспомнить, по какому именно случаю сделан снимок, но помнила те времена, вплоть до держащегося в тени младшего священника, который вечно маячил на заднем плане. А еще нашлась фотография, где мы с Дорой были в Оксфорде — нас сняли в лодке с Уильямом и каким-то его приятелем. Предположительно,

приятель (худощавый молодой человек, по чьему виду не скажешь, что он когда-нибудь женится) предназначался Доре, в точности как Уильям считался моей собственностью. Но что произошло в те послеполуденные часы? Теперь я даже не могла вспомнить, почему мы поехали на реку.

Выдвинув ящик, я наткнулась на большой, торжественного вида студийный портрет (сепия) молодого человека, в которого когда-то (так я, во всяком случае, считала) была влюблена. Бернард Хейзерли был банковским клерком, и временами ему доверяли читать после проповеди отрывки из Священного Писания, а еще его зазывали к себе по воскресеньям ужинать младшие священники. Сейчас его черты чуточку напомнили мне Иврарда Боуна, только у Хейзерли внешность была не такая эффектная. Неужели в девятнадцать лет я действительно прижималась щекой к холодному стеклу? Сейчас мне самой стало от этого неловко, и я поспешно отвернулась и от портрета, и от воспоминаний о том, как в сумерках спешила мимо его дома, надеясь, что увижу его лицо в окне или его руку, отводящую кружевную гардину в гостиной на первом этаже, и одновременно боясь… «Лох-Ломонд», Виктория-перейд… Я все еще помнила название дома и улицы. Он подарил мне

фотографию на Рождество, а я ему в ответ — сборник поэзии, что казалось тогда несоразмерным подарком, ведь мой говорил много больше, чем его. Все это выглядело довольно романтичным: слушать, как он читает из Священного Писания на повечерье, увидеть его случайно в городе или через открытую дверь банка, а потом — долгие прогулки воскресными вечерами и бесконечные разговоры о жизни и о нем самом. Не помню, чтобы мы когда-либо говорили обо мне. Как-то он поехал отдыхать в Торки, и после этого все стало иначе. Я страдала или считала, что страдаю, поскольку он не слишком деликатно сообщил о своих чувствах к другой. Возможно, высоко принципиальные молодые люди в таких вопросах более жестоки — поскольку менее опытны. Уверена, Роки сделал бы это с много большей добротой.

Встала я, неловко покачнувшись, поскольку сидела на полу, неудобно скрючившись. Затолкала фотографии и письма назад и решила, что гораздо больше пользы будет, если я заварю чай и раскрою платье. С разборкой было покончено до следующей Пасхи или Троицы.

Глава 14

Собираясь на ленч с миссис Грей, я оделась как можно тщательнее, и моя внешность вызвала интерес и замечания миссис Боннер, которая предположила, что я собираюсь встретиться с «тем представительным мужчиной, с которым вы как-то разговаривали после службы в Великий пост». Она была разочарована, когда мне хватило честности признать, что мне не предстоит ничего более увлекательного, чем ленч в обществе другой женщины.

— А я так надеялась, что это будет тот молодой человек, — сказала она. — Мне он, пожалуй, понравился, ну, насколько я его смогла рассмотреть.

— Он совсем не из тех, кто нравится мне, — поспешно ответила я. — И я ему тоже не нравлюсь, а это, понимаете, уже совсем другое дело.

Миссис Боннер таинственно закивала над своей картотекой. Она была большой любительницей дамских романов, и нетрудно себе вообразить, что она подумала.

В ресторан я пришла точно вовремя и почти

десять минут ждала появления миссис Грей.

— Мне так жаль, — улыбнулась она, и я поймала себя на том, что вежливо бормочу, что пришла слишком рано, словно это моя вина, что она опоздала.

— Куда вы обычно ходите на ленч? — спросила она. — Или вы возвращаетесь к ленчу домой, поскольку работаете только по утрам?

— Иногда возвращаюсь, а так хожу в «Лайонс» или в другое подобное место.

— О боже, «Лайонс»… Кажется, я бы не смогла! Слишком много народу. — Она содрогнулась и стала просматривать меню. — Думаю, алкоголь бы нам не помешал, как по-вашему? Выпьем херес?

Мы пили херес под весьма натянутый разговор о делах прихода. Когда подали ленч, миссис Грей ела очень мало, возя вилкой по тарелке, а после вообще ее отодвинула, от чего я почувствовала себя настоящим животным, ведь, проголодавшись, съела всю порцию.

— Мне нравятся девушки в «Желтом Кроме»[21], хотя в наши дни не так просто, придя домой, тайком съесть плотный обед. Что они там ели?

---

[21] Примечания: 21
Роман Олдоса Хаксли (1921).

Про огромный окорок я помню, а вот остальное забыла.

Я не знала, о чем она говорит, и лишь спросила, не хочет ли она заказать что-то другое.

— О нет, боюсь, от природы у меня совсем скромный аппетит. Да и жизнь моя была не слишком простой, сами понимаете. — Она бросила на меня пронизывающий взгляд, который словно бы приглашал к откровенности, и я тут же почувствовала себя чопорной и неуклюжей, захотев замкнуться в собственную скорлупу. При этом я понимала, что надо как-то ответить, но не сумела выдавить ничего лучше, чем «пожалуй, да».

В этот момент появился официант с фруктовым салатом.

— Думаю, и у вас была не самая простая жизнь, — продолжала миссис Грей.

— Ну, — услышала я свой бодрый голос, — у кого она была легкой, если уж на то пошло?

Ситуация становилась чуточку абсурдной: две женщины чуть за тридцать прекрасным летним днем сидят за отличным ленчем и обсуждают тяготы своей жизни.

— Я не была замужем, поэтому один источник счастья или несчастий сразу исключается.

— И то верно, — улыбнулась миссис Грей. —

Брак не всегда чистейшее наслаждение.

— Так часто видишь распадающиеся браки, — начала я, но потом решила быть честной с самой собой и подсчитать, сколько таких пар я знаю лично. Я не смогла вспомнить ни одной, если не считать неуравновешенных Нейпиров, и понадеялась, что миссис Грей не предложит привести пример.

— Да, наверное, вы по своему роду занятий часто с этим сталкиваетесь, — согласилась она.

— По моему роду занятий? — с недоумением переспросила я. — Но я работаю в Обществе попечения о престарелых дамах.

— Вот как? — улыбнулась она. — У меня сложилось впечатление, что речь идет о падших женщинах или о чем-то в этом духе, но, наверное, даже дамы из хороших семей могут пасть. Впрочем, если подумать, Джулиан и вправду говорил, где вы работаете.

Имя отца Мэлори она произнесла мимоходом, но было очевидно, что только и ждала, чтобы ввернуть его в разговоре. Я представила себе, как они обо мне судачат. Интересно, что еще обо мне говорилось?

— Джулиан предложил мне руку и сердце, — быстро продолжила она. — Мне хотелось, чтобы

вы первой узнали.

— О? Но, кажется, я уже знала… то есть догадывалась, — поспешно и весело откликнулась я. — Я так рада.

— Рады? Какое облегчение! — Она со смехом закурила новую сигарету.

— Это прекрасно для вас обоих, и я желаю вам всяческого счастья, — промямлила я, не находя в себе сил распространяться о радости, которой на самом деле не испытывала.

— Это, правда, очень мило с вашей стороны. Я так боялась… Но я ведь знала, что вы не такая.

— Чего вы боялись? — спросила я.

— Что вы не одобрите…

— Вдову священника? — Я улыбнулась. — Как бы я могла не одобрить?

Она улыбнулась в ответ, и мне показалось неправильным, что мы сидим и улыбаемся тому, что она вдова духовного лица.

— Я думаю, вы с Джулианом удивительно подходите друг другу, — сказала я уже серьезнее.

— А я думаю, вы просто чудесная. Вы ведь правда не в обиде?

— Не в обиде? — рассмеялась я, но потом смех пропал, потому что до меня вдруг дошло, что она на самом деле пытается выразить. Она пытается

сказать, как она рада и какое для нее облегчение, что я не в обиде, поскольку, конечно же, сама хотела выйти за Джулиана.

— Да нет, конечно, я не против, — ответила я. — Мы всегда были хорошими друзьями, но ни о чем, кроме дружбы, даже речи не заходило.

— Джулиан думал, возможно… — Она помешкала.

— Он думал, я его люблю? — воскликнула я, боюсь, чересчур громко, поскольку женщина за соседним столиком шепнула что-то своему спутнику. — Но с чего он взял?

— Наверное, в этом не было бы ничего необычного, — перешла в наступление миссис Грей.

— То есть это было бы совершенно обычным делом? Да, пожалуй, так могло бы показаться.

Какая же я дура, что сразу не поняла! Мне ведь и в голову не приходило, что кто-то может подумать, будто я влюблена в Джулиана. А ситуация, оказывается, самая очевидная: представительный холостой священник и женщина, интересующаяся благотворительностью… Неужели все видели это в таком свете — сам Джулиан, Уинифред, сестра Блэтт? Мистер Моллет и мистер Конибир? Конечно, думала я, стараясь быть совершенно честной с самой собой, было время,

в самом начале нашего знакомства, когда я задумывалась, не перерастет ли наша дружба в нечто большее, но скоро поняла, что это невозможно, а потому выбросила все из головы.

— Надеюсь, вас это не встревожило? — спросила я сердечно, стараясь скрыть растерянность.

— Не то чтобы мы тревожились. Но, боюсь, влюбленные довольно эгоистичны и не всегда думают о чувствах других людей.

— И уж, конечно, когда влюбляются в чужих мужей и жен.

Миссис Грей рассмеялась:

— Вот видите. Браки распадаются сплошь и рядом.

— Уинифред будет счастлива услышать эту новость.

— Да, милая Уинифред. — Миссис Грей вздохнула. — Тут есть небольшая проблема.

— Проблема? Какая же?

— Ну, где она, бедняжка, будет жить, когда мы поженимся.

— Уверена, Джулиан захочет, чтобы она осталась в пасторате. Они так преданы друг другу. Она могла бы перебраться в вашу теперешнюю квартиру, — предложила я, переходя к практичным делам.

— Однако бедняжка так раздражает. Но я знаю, что вы ее очень любите.

Люблю? Да, конечно, люблю, но слишком хорошо понимаю, какой докучной она может быть при совместной жизни.

— Вот почему я подумала… — начала было и осеклась миссис Грей. — Но нет, наверное, и правда о таком нельзя просить.

— Вы хотели сказать, что подумали, что она сможет жить со мной? — вырвалось у меня.

— Да, а разве, по-вашему, это не отличная мысль? Вы с ней ладите, и она вас любит. А кроме того, у вас ведь нет ни родных, ни друзей, верно?

В ресторане стало вдруг очень жарко, лицо миссис Грей словно надвинулось на меня, ее глаза расширились и смотрели проницательно, мелкие зубки заострились. Какая у нее гладкая кожа… бархатистая, как бок персика.

— Сомневаюсь, что это возможно, — сказала я, подбирая со стола сумочку и перчатки, поскольку чувствовала себя в западне и мне не терпелось сбежать.

— Пожалуйста, подумайте, Милдред. Ну же, будьте милочкой. Я ведь знаю, вы как раз такая.

— Вовсе нет, — нелюбезно отрезала я, поскольку ни одна женщина не любит, когда ее называют

«милочкой». Есть в этом что-то очень тусклое и скучное.

У столика возник официант со счетом, который миссис Грей быстро взяла со стола. Порывшись в сумочке, я протянула ей несколько монет, но она твердо сомкнула на них мои пальцы, и мне пришлось подчиниться.

— Самое меньшее, что я могу, — это заплатить за ваш ленч, — сказала она.

— Джулиан знает? Я хочу сказать, про Уинифред?

— Господи боже, нет. Думаю, гораздо лучше не посвящать мужчин в свои планы, верно?

— Наверное, да, — неуверенно ответила я, чувствуя, что опять оказалась в проигрыше: у меня ведь никогда не возникла необходимость скрывать от мужчины какие-либо планы.

— Не сомневаюсь, вы с Уинифред прекрасно уживетесь, — вновь попыталась переубедить меня миссис Грей.

— Она могла бы жить у отца Грейторекса, — легкомысленно предложила я.

— Бедняжки. Так и вижу их вместе. А интересно, может быть, в этом что-то есть? Или это совершенно невозможно? Что вообще делают женщины, если не выходят замуж? — задумчиво

протянула она, точно понятия не имела, чем бы они могли заняться, ведь сама уже состояла однажды в браке и собиралась вступить в него снова.

— Сидят дома с престарелыми родителями, ставят цветы в вазы или раньше ставили, а сегодня, наверное, имеют работу и карьеру и живут в крошечных квартирках или пансионах. А потом, разумеется, становятся незаменимыми в приходе. Некоторые даже вступают в религиозные общины.

— О боже, с ваших слов выходит скука смертная. — Вид у миссис Грей сделался почти виноватый. — Наверное, вам теперь пора возвращаться на работу? — предположила она, точно действительно существовала некая связь между мной и скукой.

— Да, — солгала я. — Надо ненадолго вернуться. Большое спасибо за ленч.

— Это я получила огромное удовольствие. Обязательно надо будет как-нибудь повторить.

Я вышла, повернула в сторону конторы, но когда увидела, что миссис Грей садится в автобус, шмыгнула в универмаг. У меня было чувство, что надо бежать, мне хотелось затеряться в толпе деловитых покупательниц, вот почему я позволила увлечь себя людскому потоку, вливавшемуся в

раздвижные двери универмага. Одни спешили, бросаясь в тот или другой отдел, к тому или другому прилавку, другие, как и я, оглушенно бродили без цели, толкаемые и пихаемые, поскольку не знали, куда податься.

Прогулявшись по роще с отрезами ткани, я очутилась у прилавка, заставленного баночками с кремом для лица и тюбиками помады. Мне вдруг вспомнилось гладкое персиковое лицо Аллегры Грей, оказавшееся слишком близко к моему… Интересно, чем она пользуется, чтобы добиться такого поразительного эффекта? На прилавке стояло зеркало, и я мельком увидела собственное отражение: лицо бесцветное и встревоженное, глаза большие и испуганные, губы слишком бледные. Пожалуй, мне никогда не иметь гладкой персиковой кожи, но ведь по крайней мере можно купить новую губную помаду. Я сверилась с карточкой оттенков. У всех были престранные названия, но наконец я выбрала один, как будто подходящий, и начала перебирать гору тюбиков в вазе в попытке его найти. Но то ли выбранный мною тон был чересчур неуловим, то ли его вообще там не было. Девушка за прилавком, безразлично наблюдавшая за моим копаньем, наконец спросила:

— Вы какой тон хотели, милочка?

Меня чуточку задело, что меня называют «милочка»: хотя это, наверное, звучит более приветливо, чем «мэм», но все-таки намекает, что мне не хватает лет и элегантности, чтобы удостоиться более почетного титула «леди».

— Он называется «Гавайский огонь», — промямлила я, чувствуя себя довольно глупо, поскольку мне не пришло в голову, что надо будет произнести нелепое название вслух.

— А, «Гавайский огонь». Он скорее оранжево-красный, милочка. — Продавщица с сомнением изучала мое лицо. — Я бы не сказала, что это ваш цвет. Но он как будто где-то тут есть.

Она достала из-за прилавка коробку.

— Не важно, не трудитесь, — быстро сказала я. — Возможно, другой лучше подойдет. Что бы вы посоветовали?

— Даже не знаю, милочка. — Она посмотрела на меня без всякого выражения, точно никакой тон не мог исправить мою внешность. — «Красные джунгли» очень популярен… Или «Морской коралл», очень милый тон, довольно светлый, знаете ли.

— Спасибо, пожалуй, я возьму «Гавайский огонь», — упрямо отозвалась я, наслаждаясь иди-

отскими словами и полнотой своего стыда.

Поспешно сбежав, я очутилась на эскалаторе. Ну надо же, «Гавайский огонь»! Ничего более неподходящего и представить невозможно. Я начала улыбаться и удержалась от смеха, только вспомнив вдруг про миссис Грей и помолвку и вновь начав беспокоиться о бедной Уинифред. Это заставило меня продвигаться очень степенно, этаж за этажом, переходя с эскалатора на эскалатор, пока я не попала на самый верх, где находилась дамская уборная.

Внутри меня ждало воистину отрезвляющее зрелище, способное любого навести на мысли о тщете всего сущего и нашей собственной смертности. «Вся плоть есть прах…» — думала я, глядя, как покупательницы с яростной сосредоточенностью трудятся над своими лицами, открывают пошире рты, закусывают и облизывают губы, тычут пуховками в носы и подбородки. Несколько несчастных, отчаявшись в этой борьбе, сидели на стульях: их тела обмякли, руки отдыхали на свертках покупок. Одна женщина вытянулась на банкетке, сняв шляпку и туфли и закрыв глаза. Зажав в кулачке пенни, я на цыпочках прокралась мимо нее.

Потом я пила чай в ресторане универмага, где

женщины с редкими, выглядевшими не к месту спутниками, казались подтянутыми: губы свежеподкрашены, силы подкреплены чаем. На лицах многих сквозило удовлетворение после плодотворно проведенного дня, а также от того, что будет над чем позлорадствовать по возвращении домой. У меня же были только мой «Гавайский огонь» и что-то малоинтересное на ужин.

Глава 15

Когда я, возвращаясь к себе, проходила мимо пастората, из дома вышел Джулиан Мэлори.

— Поздравляю, — сказала я. — Я только что узнала ваши новости.

— Спасибо, Милдред, я хотел, чтобы вы узнали одной из первых.

Я сочла, что слово «одной» несколько испортило общий эффект, и вообразила себе, как собирается узнать новости целая толпа замечательных женщин, связанных с приходом.

— У меня был ленч с миссис Грей, — объяснила я.

— Ах да. — Он помолчал. — Я думал, будет лучше… проще… то есть более уместно, если вы услышите об этом от нее.

— Да? А почему?

— Ну, во-первых, я решил, что было бы неплохо, если бы вы получше узнали друг друга, подружились, сами понимаете.

— Да, мужчины любят, когда их знакомые женщины становятся подругами, — заметила я.

А потом меня осенило: ну конечно, они, как

правило, хотят принудить к дружбе прежних и новых возлюбленных! Я даже вспомнила, как банковский клерк Бернард Хейзерли говорит про девушку, с которой познакомился, когда отдыхал в Торки: «Она тебе очень понравится, надеюсь, вы подружитесь». Но поскольку я жила у себя в деревне, а она — в Торки, знакомство зачахло, так и не состоявшись.

— Да, разумеется, хочется, чтобы все, кого ты любишь, нравились друг другу, — неуклюже объяснил Джулиан.

— Конечно, конечно, — согласилась я, не зная, что еще сказать. — Полагаю, Уинифред очень довольна?

— О да, хотя однажды она действительно обмолвилась, что надеялась… Могу ли я сказать, на что она надеялась? — Вид у Джулиана сделался смущенный, словно он нечаянно сболтнул больше, чем собирался.

— Вы про… — Мне не слишком хотелось заканчивать фразу.

— Э… Милдред, вы понимаете. Дорогая Милдред, как славно было бы, окажись это возможно.

Я задумалась над невнятностью фразы, уставившись в свою корзинку, в которой лежал пакет с мылом, кусок селедки, фунт гороха, маленькая

буханка зернового хлеба и помада «Гавайский огонь».

— Великолепно, что вы все понимаете. Знаю, для вас это было шоком, но рискну сказать, это же был не гром средь ясного неба. Но все равно это, наверное, был шок, даже удар, можно сказать. — Он говорил тяжеловесно и без юмора, совсем не похожий на себя.

Неужели любовь всегда до того доводит?

— Я никогда не была в вас влюблена, если вы это имеете в виду. — Я решила, что настало время прямолинейности. — Я никогда не ожидала, что вы на мне женитесь.

— Милая Милдред, — улыбнулся он. — Вы не из тех, кто чего-то ожидает, пусть даже имеет на это право.

Колокол зазвонил к повечерью. Я увидела, как мисс Эндерс и мисс Стэхем просеменили в церковь.

— Уверена, вы будете очень счастливы. — От настойчивого колокольного звона и вида спешащих людей мне хотелось поскорей закончить разговор.

Но Джулиан как будто не спешил положить ему конец.

— Спасибо вам, Милдред. Это так много для

меня значит, то есть ваши добрые пожелания. Аллегра — очень милый человек, и у нее была тяжелая жизнь.

Я пробормотала что-то вроде «да, полагаю, что так».

— Вдова и к тому же без отца, — продолжал Джулиан на довольно дурацкий манер.

— Так у нее еще и отца нет?

— Да, она сирота, — очень торжественно ответил Джулиан.

— Ну, разумеется, уйма людей старше тридцати сироты. Я, например, — деловито сообщила я. — Если уж на то пошло, я с двадцати пяти лет сирота. Но очень надеюсь никогда не стать вдовой. Мне следует поторопиться, если я намерена успеть хотя бы с этим.

— А мне надо поспешить на повечерье. — Колокол уже смолк. — Вы идете или вам кажется, это вас расстроит?

— Расстроит? — Тут я поняла, что без толку пытаться убедить Джулиана в том, что известие о его помолвке не разбило мне сердце. — Нет, думаю, меня это не расстроит.

«Возможно, мысль о том, что я уже сирота, а вдовство мне не грозит, сама по себе была достаточной причиной для меланхолии», — подумала

я, ставя корзинку рядом с собой на церковную скамью.

Собралась обычная для будней маленькая паства, однако миссис Грей среди нас не было. Казалось, служба проводилась в утешение отвергнутым, хотя трудно было себе представить, что мисс Эндерс, мисс Стэтхем или сестра Блэтт когда-либо участвовали в состязании.

После службы я пошла домой и стала готовить рыбу. Селедка — подходящее блюдо для отвергнутой, и я съела ее смиренно — без какого-либо соуса или приправы. Я попробовала представить себе, как это было бы, если бы Джулиан захотел на мне жениться, и была погружена в мысли, когда в дверь постучали и вошел Роки.

— Я совершенно один и очень надеюсь, что вы предложите мне кофе.

— Да, конечно. Заходите, поболтайте со мной.

— Елена ушла на поминальное собрание или эквивалент оного.

— А такое бывает?

— Надо полагать. Помните президента научного общества, где они читали свой доклад? Так вот, он на прошлой неделе скоропостижно скончался, и в его память устраивают собрание.

— Боже мой, как грустно. — Мне правда было

жаль, что благостного на вид старика с крошками в бороде больше нет.

— Упал замертво в библиотеке, и все твердят, что им хотелось бы уйти точно так же.

— Но так внезапно, без возможности что-то исправить… Какая будет служба?

— Кажется, какое-то торжественное заседание. Коллеги-антропологи и прочие зачитают доклады в память о нем и все такое. Так и слышу атеистические гимны, ведь он был ярым атеистом.

— А у атеистов есть гимны?

— Наверное, поначалу они могли существовать. У большинства ведь было традиционное викторианское детство, и, возможно, они испытывали потребность чем-то заменить воскресную службу, которую отвергали.

— Бедный старик, — пробормотала я. И, конечно, подумалось мне, старушка, которая вязала и дремала в плетеном кресле, теперь вдова, что опять навело меня на мысль о помолвке Джулиана.

— Я сегодня узнала интересные новости, — сказала я вслух. — Джулиан Мэлори женится на миссис Грей.

— На интересной вдове, которую он держал за

руку в парке? — спросил Роки. — Бедная Милдред, печальный день для вас.

— Какая нелепость! — возмутилась я. — Я питаю к нему совсем не такие чувства. Никогда не ждала, что он на мне женится.

— Но вы ведь могли надеяться? — Роки, не отрываясь, смотрел на меня. — В конце концов, это было бы совершенно естественно, и я думаю, что из вас вышла бы гораздо лучшая жена для него, чем из той вдовы.

— Она уже вдова священника, — напомнила я.

— Тогда она привыкла любить и терять священников, — легкомысленно отозвался Роки.

— Вдовы всегда снова выходят замуж, — задумчиво произнесла я, — или очень часто. Странно, должно быть, заменять кого-то таким образом, хотя, наверное, никто никого не заменяет, то есть не в том смысле, как покупают новый заварочный чайник, когда старый разбился.

— Нет, дорогая, совсем не так.

— Наверное, это другая любовь, не сильнее и не слабее первой, возможно, вообще с ней не сравнимая.

— Кофе развязывает вам язык, Милдред, — пожурил меня Роки. — Никогда не слышал от вас столь философских речей. Но вы ведь не раз бы-

вали влюблены, верно?

— Не знаю. — Я сознавала, что мне отчаянно не хватает жизненного опыта, и стыдилась вытаскивать на свет жалкое воспоминание о том, как Бернард Хизерли читал после повечерья из Писания и как я сама спешила мимо его дома в сумерках.

— Как только заведете привычку влюбляться, обнаружите, что это случается очень часто, а значит, все меньше и меньше, — легкомысленно сказал Роки.

Подойдя к книжному шкафу, он снял с полки томик Мэтью Арнолда, принадлежавший моему отцу.

— Мы в море жизни словно острова, — прочитал он вслух. —

Да! В море жизни мы разделены
Как острова бушующим потоком:

Мы точками в безмерности волны
Намечены – непрочно, одиноко.
Коль скоро бьет прилив по берегам,
Бескрайность вод известна островам[22].

---

[22] Примечания: 22
М. Арнолд. К Маргарите. Пер. А. Никлауса.

— Терпеть не могу, как слова выделяют курсивом!

— Какое печальное стихотворение, — сказала я. — Я его не знаю.

— Там еще много такого.

— Отец очень любил Мэтью Арнолда.

Я бы предпочла, чтобы Роки не читал дальше вслух: меня это смущало, и я не знала, куда девать глаза.

— А я люблю «Тирсис» и «Ученого скитальца».

— О да. — Закрыв книгу, Роки бросил ее на пол. — Долгие пешие блужданья по теплым увитым зеленью холмам Камора. Как тоскуешь по тому миру! Могу себе представить, как ваш отец гулял там с каким-нибудь другом. Но сомневаюсь, что они обратили бы внимание на стихотворение, которое я вам прочитал. У розовощеких студентов нет времени на такую нездоровую чепуху.

— Возможно, и нет. Но опять же, мой отец изучал теологию.

Роки со вздохом начал расхаживать по комнате. Наверное, мне следовало считать комплиментом, что он не старается спрятать от меня свое настроение, но я правда не знала, что с этим делать.

— На днях я встретила кое-кого, кто вас знает, —

бодро сказала я, — или, точнее, знала в Италии. Она служила в женском вспомогательном.

— Как ее зовут? — спросил он без особого интереса.

— Не знаю. Она высокая, с сероватыми глазами и русыми волосами, некрасивым, но довольно приятным лицом.

— Ах, Милдред! — Он посмотрел на меня серьезно. — Их было так много. Никто не смог бы опознать женщину по такому описанию. Некрасивое, но довольно приятное лицо… Большинство англичанок так выглядят.

Я сообразила, что и сама, наверное, так выгляжу, и мне стало грустно при мысли, что через год-другой он и меня тоже забудет.

— Вы ей вроде бы нравились, — осторожно сказала я. — Возможно, она даже была чуточку в вас влюблена.

— Ну вот снова, Милдред, — мягко сказал Роки, — их было так много. Знаю, с вами я могу быть честен.

— Бедолажки, — легкомысленно отозвалась я. — Вы им подачки в утешение бросали? Они, возможно, были очень несчастны.

— Не сомневаюсь, — серьезно ответил он. — Но едва ли это моя вина. Разумеется, я был с ними

любезен на коктейлях у адмирала, это входило в мои обязанности. Боюсь, женщины прискорбно не умеют получать удовольствие от жизни. Очень немногие знают, как завести легкий флирт, — я про тех, кого называют «хорошими». Они цепляются за крохи романтики, какие-то мелочи, случившиеся давным-давно. Semper Fidelis[23], сами понимаете.

Я расхохоталась.

— Да это же наш старый школьный девиз! У нас с Дорой он на блейзерах был вышит.

— Очаровательно! Ну, разумеется, в нем есть какой-то ученический привкус! Или это могло бы быть название какой-нибудь викторианской картины с изображением гигантской собаки вроде ньюфаундленда. А вот школе для девочек очень подходит, особенно если вспомнить, какими верными обыкновенно бывают хорошие женщины. Так и вижу, как в перемену вы выбегаете в заасфальтированный двор — зимой после горячего молока или какао, а летом — после лимонада.

— У нас не было заасфальтированного двора. Но, пожалуй, тут вы правы: Semper Fidelis скорее напоминает о школьном дворе, чем о прошлой

---

[23] Примечания: 23
Всегда верные *(лат.)*.

любви. Наверное, было бы ожидать слишком, что вы вспомните ту девушку.

На этом беседа как будто подошла к концу. Стоя в дверях, Роки поблагодарил меня за кофе.

— И за ваше общество, — добавил он. — Вам правда стоит приехать посмотреть наш коттедж, особенно теперь, когда стоит хорошая погода. Он нуждается в женской руке, а Елену это не слишком интересует. Возможно, мне вообще не следовало на ней жениться.

От неловкости я потеряла дар речи — это я-то, которая всегда гордилась тем, что могла найти подобающие слова в любой ситуации. Но почему-то никакая банальность не сорвалась у меня с языка и через мгновение Роки спустился к себе.

Глава 16

Несколько дней спустя около шести вечера я выходила из конторы и заметила Иврарда Боуна, который рассматривал витрину магазина неподалеку. Я уже думала прошмыгнуть мимо, поскольку была не слишком хорошо одета: у меня случилась «ремиссия», и я была без шляпы и чулок, в старом хлопчатом платье и кардигане. Миссис Боннер пришла бы в ужас от одной мысли о встрече с мужчиной в таком наряде. «День следует начинать готовой к чему угодно, — часто говаривала она. — Никогда не знаешь, что может случиться. Кто-нибудь (под «кем-нибудь» она подразумевала мужчину) может вдруг позвонить и пригласить тебя на ленч». Теоретически я с ней соглашалась, но, одеваясь, не всегда об этом помнила, особенно летом.

— Милдред! Наконец-то! — Он повернулся ко мне, но его голос выдавал скорее раздражение человека, который прождал слишком долго, чем радость от встречи со мной. — Я думал, вы никогда не выйдете. Разве люди обычно работают не до пяти?

— Обычно я вообще не работаю после полудня, — отозвалась я, — но часть сотрудников уехала отдыхать, и я подменяю. Надеюсь, вы не ждали меня здесь каждый вечер?

— Нет, я только сегодня узнал, где вы работаете.

— Правда? Как?

— Есть способы… — туманно ответил он.

— Вы могли бы мне позвонить и не трудиться, — сказала я, недоумевая, зачем ему со мной встречаться и следует ли мне считать себя польщенной.

— Пойдемте выпьем, если вы не против, — предложил он.

Я с сомнением посмотрела на свое отражение в витрине, но ему как будто не терпелось пойти, поэтому я последовала на шаг сзади. Холщовая хозяйственная сумка с буханкой хлеба и автобиографией кардинала Ньюмена[24] била меня по боку. Я не планировала никаких светских мероприятий на вечер. Мы миновали развалины Сент-Эрмина, и я увидела, как оттуда спешно вы-

---

[24] Примечания: 24

Имеется в виду Джон Генри Ньюмен (1801–1890), английский кардинал, центральная фигура религиозной жизни Викторианской эпохи, глава Оксфордского движения, перешедший затем в католичество; великолепный стилист и мастер парадокса.

ходит седая старушка, во время служб игравшая на фисгармонии, с такой же холщовой сумкой в руках. Интересно, в ней тоже автобиография кардинала Ньюмена? Судя по очертаниям котомки, там лежали буханка и большая книга, которая вполне могла быть автобиографией.

— Омар Хайям, — пробормотала я себе, — только это был сборник поэзии.

Иврард Боун не слишком подходил для таких стихов, и даже если мы закажем выпить, это будет скорее всего не вино. Так что ничего от Омара Хайяма тут не было.

— Зайдем сюда, — предложил он, останавливаясь у паба возле Сент-Эрмин и открыв дверь прежде, чем я успела сказать, хочу ли зайти или нет.

Я не привыкла ходить в пабы, поэтому порог переступила довольно робко, ожидая застать шумную прокуренную атмосферу и раскаты грубого хохота. Но то ли было еще слишком рано, то ли паб располагался слишком близко к церкви, но внутри я увидела только двух пожилых женщин, которые пили стаут, тихонько разговаривая в уголке, и молодого человека, в котором признала младшего священника Сент-Эрмина без воротничка — он, казалось, был погружен в серьезную

беседу с женщиной за стойкой. Эту женщину никто бы не назвал барменшей, поскольку она была в годах и вид имела очень чопорный. Мне показалось, что, когда она не занята ручками насосов в пабе, то, верно, начищает ручки в самой церкви Сент-Эрмин.

— Боже милостивый, — пробормотал Иврард, — ну и тишина тут. Наверное, еще рано.

— Полагаю, большинство в это время спешат уехать отсюда подальше.

— Вот как? Впрочем, долго нам тут задерживаться незачем. Что бы вы хотели?

— Пива, — неуверенно сказала я.

— Какого пива?

— Горького, наверное, — ответила я, надеясь, что оно не напомнит по вкусу воду после мытья посуды, однако ни в чем нельзя было быть уверенной.

Когда пиво принесли, вкус его оказался именно таким, и я даже немного обиделась, увидев, что Иврарду подали какой-то золотистый напиток в маленьком бокале, который выглядел гораздо привлекательнее моего. «Зачем было спрашивать, чего я хочу, — обиженно думала я, — мог бы что-нибудь и сам предложить, как совершенно точно сделал бы Роки».

Отпив своей горькой воды, я огляделась по сторонам. Близкое соседство с Сент-Эрмином придавало пабу почти клерикальную атмосферу, особенно потому, что в декоре было много красного дерева, и у меня настолько разыгралось воображение, что я почувствовала слабый запах ладана. Появилось еще несколько человек, которые, устроившись на черной, набитой конским волосом банкетке и за маленькими столиками, пили очень мирно и торжественно, почти печально. Я перевела взгляд на камин, по летнему времени холодный и темный, но с охапкой сена для запаха, недоумевая, почему сижу тут с Иврардом Боуном. Он тоже молчал, что не улучшало положения. Остальные в пабе вели себя так тихо, что невозможно было представить приватную беседу, если, конечно, нам было о чем поговорить, но это казалось маловероятным.

— Я читаю автобиографию кардинала Ньюмена, — начала я, чувствуя, что это, пожалуй, самая неудачная тема для дружеской посиделки в пабе.

— Наверное, это очень интересно, — сказал он, приканчивая свой напиток.

— Да, очень. — Я запнулась. — К нему испытываешь сочувствие.

— Рим, да… наверное, так. Нетрудно увидеть, чем он привлекает.

— Я не совсем это имела в виду, — возразила я, на самом деле не имея понятия, что именно имела в виду. — Скорее как к человеку… — Моя фраза жалко повисла в полной тишине, которая теперь воцарилась в пабе.

Иврард встал с бокалом.

— Вам, как вижу, пиво не нравится, — сказал он, кивая на мой бокал и словно бы стряхивая отстраненность. — Чего бы вам на самом деле хотелось?

— То, что вы пили, выглядело неплохо.

— Сомневаюсь, что вам это подойдет. Принесу вам джина с апельсином или лаймом — они совершенно безвредны.

Я почувствовала себя несколько униженной, но была рада, когда он вернулся от стойки с джином и апельсиновым соком, а отпив глоток-другой, даже повеселела.

— Почему вы сказали, что хотите горькое, когда совершенно очевидно, что вы его не любите? — спросил Иврард.

— Честно говоря, не знаю. Я думала, что именно это полагается пить в пабе. Я не привыкла к спиртному.

— Вот и оставайтесь такой, как есть. К такому не следует привыкать, — сказал он, как мне почудилось, несколько педантично. — Вам полезнее читать про кардинала Ньюмена.

Я рассмеялась.

— В школе нам иногда позволяли выбирать гимны, но мисс Риду никогда не разрешала петь «Веди нас, добрый свет», поскольку считала его слишком мрачным и неподходящим для школьниц. Разумеется, мы его любили.

— Могу представить. Женщин иногда совершенно невозможно понять.

Я некоторое время размышляла над этим замечанием, спрашивая себя, к чему оно приведет, а потом вдруг удивилась: как я, глупая, сразу не догадалась, что он хочет поговорить о Елене Нейпир. Иврард Боун пригласил меня не ради моего общества — точнее, даже не пригласил, не дав мне шанса появиться одетой получше и без холщовой сумки, а просто подстерег на улице.

— Полагаю, каждый пол считает, что противоположный трудно понять, — изо всех сил постаралась я. — Но, наверное, не стоит ожидать, что сможешь многое знать о других людях.

— Знания не всегда можно избежать, — отозвался Иврард. — Некоторые вещи совершенно

очевидны и бросаются в глаза даже самым невосприимчивым.

Я подумала, что мы не можем бесконечно говорить загадками — слишком уж много это требует усилий. Отпив довольно большой глоток, я храбро сказала:

— Мне кажется, что женщины, возможно, иногда выдают свои чувства, сами о том не подозревая.

— Вы тоже это заметили?

— Ну да, конечно, — отозвалась я, понятия не имея, о чем речь. — Зачастую это трудно скрыть.

— А скрывать следует, — раздраженно отрезал он. — Особенно если сам роман совершенно невозможен, а чувства безответны. Если они действительно намерены расстаться, все может обернуться крайне неловко и неприятно.

— О чем вы, собственно, говорите? — изумленно спросила я.

— Вы и сами должны знать, что о Нейпирах. Елена ведет себя самым глупым и бестактным образом.

— Боюсь, в последнее время мы с ней мало видимся, — сказала я, будто могла ей чем-то помешать.

— Позавчера она явилась ко мне на квартиру

после десяти часов вечера одна, совершенно одна, и просидела почти три часа, разговаривая, хотя я делал все возможное, чтобы заставить ее уйти.

Не могла же я спросить, к каким методам он прибег.

— Разумеется, мне в конце концов пришлось выйти вместе с ней, чтобы найти ей такси… Вы сами согласитесь, что я не мог поступить иначе, — продолжал Иврард. — А к тому времени был уже час ночи, и, разумеется, я не ожидал, что на улице будет много людей, да еще таких, кто знает нас обоих.

— Вы кого-то встретили? — спросила я, чувствуя, что история вот-вот станет по-настоящему увлекательной.

— Да, получилось крайне неудачно. Только мы вышли из дома, а нам навстречу — подумать только! — Эпфельбаум и Тирелл Тодд. Вот уж кого бы я хотел увидеть в последнюю очередь.

— Тирелл Тодд — это тот самый, что читал доклад о пигмеях, да? — спросила я в честной попытке разобраться, кто есть кто. — А Эпфельбаум задавал вопросы после вашего доклада.

Иврард раздраженно поморщился, недовольный, что его прерывают по пустякам, а я умиротворяюще заметила:

— Не понимаю, с чего вам волноваться из-за встречи с ними. Уверена, они ничего такого не подумали. Антропологи, должно быть, сталкиваются с самым странным поведением в примитивных обществах, поэтому наши поступки, наверное, считают совершенно безобидными.

— Не верьте этому. Тирелл Тодд упивается мелкими сплетнями.

Я воздержалась от шутливого замечания, что из-за работы среди пигмеев у Тодда и ум стал пигмейским, и продолжила задавать успокаивающие наводящие вопросы:

— Но они-то что делали вдвоем так поздно? Вполне возможно, что-то неподобающее. Они с вами заговорили?

— Нет, только пожелали доброго вечера или что-то в этом духе. Думаю, мы все были немного удивлены.

— Четыре антрополога неожиданно встречаются на лондонской площади в час ночи. Тут и впрямь есть чему удивиться.

— Все-то вы превращаете в шутку, — обиженно, но с тенью улыбки сказал Иврард.

— На мой взгляд, вся эта история звучит слегка нелепо. Если увидите ее в таком свете, перестанете беспокоиться.

— Но Елена так неосторожна, и, насколько я знаю Рокингхема, от него нечего ждать разумного поведения.

— Да уж, — пробормотала я, — его, пожалуй, благоразумным не назовешь.

— С другой стороны, маловероятно, что он потребует развода, — задумчиво продолжал Иврард.

— О нет! — воскликнула я. Шок разом развеял приятную дымку, которой окутал меня джин с соком. — К тому же вам, наверное, не захотелось бы жениться на Елене, даже будь она свободна. То есть развод — это против ваших принципов.

— Естественно, — сухо сказал он. — И вообще, я ее не люблю.

— Бедная Елена, — опрометчиво откликнулась я. — А она, думается, вас любит.

— Уверен, что да, — ответил довольным, как мне показалось, тоном Иврард. — Она сама мне так сказала.

— Боже мой, нет! Но не на пустом же месте! Разве женщины первыми признаются в своих чувствах?

— Случается. Это не столь уж необычно.

— Ну а вы что ей сказали?

— Я ей объяснил, что совершенно невозможно,

чтобы я ее любил.

— Вы, наверное, были поражены. Если только, конечно, не ожидали этого, а вы, наверное, ожидали, раз такое случается. Это как если бы вам в руки сунули белого кролика — непонятно, что с ним делать.

— Белого кролика? О чем это вы?

— О, если вы не понимаете, я не смогу объяснить. — Я взялась за ручки холщовой сумки. — Думаю, мне лучше пойти домой.

— Пожалуйста, не уходите, — взмолился Иврард. — У меня такое ощущение, что вы единственная, кто способен мне помочь. Может быть, вы поговорите с Еленой?

— Я? Но она не станет меня слушать.

Встав, мы вышли вместе.

— Простите, — сказал Иврард. — И действительно, зачем вам в это вмешиваться? Я просто подумал, вы сможете намекнуть.

— Но мужчины должны уметь сами улаживать свои дела. В конце концов, большинство из вас не прочь говорить напрямик и делать других несчастными. Не понимаю, почему бы и вам не попробовать.

Несколько шагов мы шли молчал.

— Мне очень не по себе было бы думать, что я

намеренно сделал кого-то несчастным, — сказал наконец Иврард.

Тема, похоже, была исчерпана. Мне придется сказать Елене, что Иврард Боун ее не любит. С тем же успехом можно пойти домой и сразу все объяснить напрямик.

Мы дошли до церкви.

— Интересно, кто-нибудь сейчас варит кофе на примусе в развалинах? — спросила я.

— А разве кто-то так делает?

— Ну да, та старушка, что играет на фисгармонии.

— М-да, она как раз так и выглядит.

Совершенно забыв вдруг про Елену Нейпир, мы беззаботно заговорили о другом.

— Я обещал сегодня пообедать с мамой, — сказал Иврард. — Может, вы тоже захотите пойти?

Я решила, что, пожалуй, можно на час-другой отложить разговор с Еленой о том, что Иврард ее не любит, поэтому мы сели в такси и поехали к темно-красному, сурового вида дому на улочке из других таких же домов.

— Мама немного эксцентрична, — сказал он, когда мы выходили из такси. — Просто подумал, что надо вас предупредить.

— Сомневаюсь, что сочту ее более странной,

чем сочли бы многие мои знакомые, — ответила я, чувствуя, что это не лучшее начало вечера. — Извините, что я не одета более подходящим образом. Если бы я знала… Только со мной все случается так неожиданно.

— А мне кажется, вы очень мило одеты, — сказал Иврард, даже не посмотрев в мою сторону. — Мама никогда не замечает, что на ком надето.

Дверь открыла старенькая сгорбленная горничная. Холл был заставлен темной мебелью, в нем витал слабый, чуть экзотичный запах, почти как от ладана. На стенах висели головы животных, их печальные, свирепые глаза взирали на нас с немым укором.

— Не хотите ли помыть руки, мисс? — спросила горничная полушепотом.

Она провела меня наверх в ванную — сплошь красное дерево, мрамор и витражное окно. Я начала уже думать, что, наверное, очень даже уместно, что в холщовой сумке у меня автобиография кардинала Ньюмена, и, пока мыла руки и поправляла прическу, вдруг поймала себя на мыслях об Оксфордском движении и архитектуре, которая с ним ассоциируется. Но потом меня вдруг охватила тревога, пока я ждала у двери ванной на темной лестничной площадке,

а после кралась вниз по лестнице, недоумевая, куда же мне идти, когда спущусь на последнюю ступеньку. Внизу я с удивлением обнаружила, что в коридоре меня ждет Иврард, перебирая гору старых визитных карточек, скопившихся в латунной плошке на старинном сундуке.

— Мама скорее всего в гостиной. — Он открыл передо мной дверь.

В гостиной нас ждали две женщины: одна стояла у камина, а другая сидела на краешке стула, сложив на коленях руки.

— Это моя мама, — сказал Иврард, подводя меня к стоявшей у камина женщине, которая была высокой, с таким же, как у него, длинным носом, — а это… э… — Он поглядел на серенькую непримечательную женщину, сидевшую на краешке стула, точно это мог быть кто угодно или вообще никто, а потом перевел взгляд на мать.

— Мисс Джессоп, дорогой, — подсказала та.

— А, да, конечно.

Мисс Джессоп! Вспомнив телефонный разговор с миссис Боун, я посмотрела на непримечательную женщину с новым интересом. «Если это мисс Джессоп, могу только надеяться, что вы звоните, чтобы извиниться…» По ее виду и не скажешь, что она способна на нечто такое, что потом по-

требует извинений. Что же она такого сделала? Наверное, я никогда не узнаю. Надо полагать, теперь между ней и миссис Боун все уладилось.

Мы обменялись вежливыми фразами, и миссис Боун вовсе не показалась мне эксцентричной. Я уже было решила, что Иврард чересчур придирчив к матери, как она вдруг размеренно произнесла:

— Мы с мисс Джессоп очень интересуемся уничтожением древоточцев в мебели.

— Надо полагать, это очень важно, — откликнулась я. — Очень часто мебель бывает поражена древоточцем, и с этим ничего нельзя поделать.

— Но сейчас ведь на рынке существует весьма эффективная смесь, — сказала миссис Боун, сжимая руки почти в благоговейном восторге. — Ее использовали во многих известных всем зданиях — с замечательным результатом. — Она начала перечислять различные колледжи Оксфорда и Кембриджа и соборы. — Ее применяли даже в Вестминстерском соборе, — объявила она.

— Нет, конечно же, не в Вестминстерском соборе, мама, — возразил Иврард. — Там дерево недостаточно старое.

— Может, в Вестминстерском аббатстве? — предположила я.

— Ну, какое-то отношение к Вестминстеру это имело, — снизошла миссис Боун. — Верно, мисс Джессоп? — Она устремила на гостью грозный взгляд.

Мисс Джессоп как будто согласилась.

— Пожалуй, неплохо бы выпить хереса, — сказал Иврард и улизнул из гостиной.

Я подумала, что надо как-то оживить готовый зачахнуть разговор, а потому похвалила головы животных в холле: мол, какие замечательные там экземпляры.

— Мой муж добыл их в Индии и Африке, — объяснила миссис Боун. — Но сколько их ни стреляй, всех не перебьешь.

— О да, ужасно было бы, если бы они вымерли! Самых редких животных теперь, наверное, держат в заповедниках.

— Дело не столько в животных, сколько в птицах, — свирепо откликнулась миссис Боун. — Вы не поверите, мисс… э… Не далее как сегодня я сидела у окна, день был такой ясный, что я открыла нижнюю раму и вдруг почувствовала, как что-то упало мне на колени. И знаете, что это было? — Она пристально на меня уставилась.

Я сказала, что ни малейшего не имею понятия.

— Неприятность, — произнесла она почти по-

бедно и тем напомнила мне Уильяма Колдикота, а после, понизив голос, пояснила: — Из птички, понимаете? Она делала свои дела… При мне, пока я сидела в своей собственной гостиной!

— Ужасно, — загипнотизированно откликнулась я, чувствуя, что не способна даже рассмеяться.

— И это еще не самое худшее, — продолжала она, роясь в ящиках маленького секретера, который стоял раскрытый и как будто был набит старыми газетами. — Вот, прочтите.

Она подала мне вырезку с заголовком «Сова кусает женщину», из которой я уяснила, что однажды вечером в окно некоего коттеджа влетела сова и укусила его хозяйку за подбородок.

— И вот это. — Миссис Боун протянула мне другую вырезку, где рассказывалось, как лебедь сбил девочку с велосипеда. — Что вы на это скажете?

— Просто случайность, наверное.

— Случайность! Даже мисс Джессоп согласна, что это больше, чем простая случайность, правда, мисс Джессоп?

Мисс Джессоп издала дрожащую трель, которую можно было принять за «да» или «нет», но которой не позволили перейти в человеческую речь, поскольку вмешалась миссис Боун, чтобы

сообщить Иврарду, что мисс Джессоп не захочет херес.

— Империя птиц! — продолжала она. — Очень боюсь, что однажды до этого дойдет.

Иврард посмотрел на меня с некоторой тревогой, но я сумела поддерживать разговор, пока миссис Боун не объявила, что пора за стол.

— Вам пора домой, мисс Джессоп, — сказала она. — Мы садимся обедать.

Встав, мисс Джессоп надела перчатки. Потом со слабым кивком, как будто относящимся ко всем нам, тихонько вышла из комнаты.

— Я стараюсь есть как можно больше птицы, — сказала миссис Боун, когда мы принялись за жареного цыпленка. — Заказываю ее в универсамах «Хэрродс» или «Фортнумс», а иногда сама иду и выбираю в отделах охлажденного мяса. Там очень красиво выкладывают полуфабрикаты — в заливном и с разными украшениями. По крайней мере мы можем поедать наших врагов. Иврард, дорогой, как называлось то племя в Африке, что известно каннибализмом?

— В Африке несколько тысяч племен, мама, — терпеливо ответил Иврард, — и многие из них были и, вероятно, до сих пор остаются каннибалами.

— Но ведь британские власти положили этому конец, верно? — спросила я.

— Определенно попытались, — согласился Иврард. — И миссионеры тоже много потрудились на ниве просвещения.

— Да, наверное, туземцы тогда поняли, что так нельзя, — неуверенно откликнулась я, задумавшись, действительно ли антропологи одобряют уничтожение старых обычаев.

— Миссионеры принесли уйму вреда, — твердо заявила миссис Боун. — У туземцев собственные верования, многие из которых очень древние, гораздо древнее наших. Не наше дело пытаться заставить их измениться.

— Мама не христианка, — объяснил Иврард без всякой необходимости.

— Моего сына зацапали иезуиты, мисс… э… — продолжала, обращаясь ко мне, миссис Боун. — Эти иезуиты ни перед чем не остановятся. Вы даже представить себе не можете, что они творят в своих семинариях. Могу одолжить вам кое-какие очень познавательные памфлеты, если вам интересно.

К тому времени я уже окончательно растерялась и отчаянно хотела, чтобы Иврард хотя бы предпринял попытку перевести разговор в более

нормальное русло, но это, вероятно, было решительно невозможно. Мне пришло в голову, что задача поддерживать светскую беседу целиком и полностью легла на мои плечи. К половине десятого я уже настолько устала, что почувствовала себя немного обиженной, и решила поехать домой.

— Вы произвели благоприятное впечатление, — сказал Иврард, когда я заталкивала памфлеты про древоточцев и иезуитов в холщовую сумку к кардиналу Ньюмену и буханке хлеба. — Большинство людей совершенно неспособны вести разговор с мамой. Я вами восхищаюсь.

— Но я привыкла справляться с подобным, — отозвалась я. — Быть дочерью священника — отличная практика. — А сама подумала, что с такими, как Нейпиры, моего опыта прискорбно мало. — Прекрасно, что у вашей матери столько интересов. Часто немолодые люди думают только о себе и своих болезнях.

Птицы, древоточцы и иезуиты… — это звучало почти как название стихотворения, но я не могла припомнить, писал ли кто-то что-то подобное.

— Да, жизнь у нее, наверное, насыщенная, но с ней становится трудновато.

— Кто такая мисс Джессоп? — спросила я.

— Откуда мне знать? Просто какая-то женщина, которая иногда приходит к маме, — туманно ответил Иврард. — Она довольно часто тут бывает.

— И никогда не открывает рта?

— Откуда мне знать? Вы меня очень обяжете, если поговорите с Еленой о… Вы же помните нашу беседу в пабе…

Вечер выдался очень долгий, но я действительно помнила, и это наводило на меня тоску.

— Благоразумная особа без личного интереса, — произнес Иврард, как будто размышляя.

Такое описание я приняла без комментариев.

— Но что мне сказать? — запротестовала я. — Случай может не представиться, а если и представится, я все равно не знаю, что говорить.

— Какие-нибудь слова да найдутся, — нетерпеливо перебил меня Иврард. — Вы же говорили, что привыкли справляться с такими темами.

Я не стала объяснять, что ни к чему подобному жизнь дочку сельского священника не подготовила. Но вдруг увидела себя словно со стороны — благоразумную и без личного интереса, как я по пути наверх заглядываю к Нейпирам и завожу разговор. Но там будет Роки, поэтому любые попытки сегодня исключаются.

Когда я на самом деле проходила мимо их две-

ри, из-за нее доносились громкие голоса, словно Нейпиры ссорились. Боюсь, невозможно было не услышать кое-чего из сказанного, но не могу заставить себя это повторить. Кажется, я поспешила наверх и приготовила себе чашку чаю, а потом легла в постель, стараясь отвлечься от происходящего мыслями о мисс Джессоп и ее диковинных отношениях с миссис Боун. Интересно, услышу ли я когда-нибудь ее голос и узнаю ли, почему от нее требовали извинений?

Глава 17

На следующий день я работала до ленча и домой вернулась приблизительно в половине второго. Это было единственным временем, когда конторы на первом этаже дома, где я жила, подавали какие-то признаки жизни. Клацали пишущие машинки, звонили телефоны, мужской голос диктовал письма, взвешивая каждое слово (так, во всяком случае, мне казалось), хотя слова, доносившиеся через открытую дверь, едва ли стоили серьезного осмысления.

Наверху все было тихо, и я предположила, что Нейпиров, наверное, нет дома, но, проходя мимо их кухни, услышала шипенье газа, а еще оттуда доносился запах горелого. Я постучала в приоткрытую дверь, но ответа не последовало, поэтому я вошла. Одна газовая камфорка была вывернута на полную мощность, кастрюлька с картошкой выкипела досуха, и теперь ко дну пристала коричневатая масса. Я быстро со всем управилась, но кастрюлька была в очень плохом состоянии, и пришлось налить в нее воды, чтобы она отмокла. С отвращением и неодобрением я

отметила, что посуда с завтрака и тарелки со стаканами чуть ли не со вчерашнего дня не мыты. Столик у окна тоже был заставлен: две бутылки молока, каждая полная лишь наполовину, пустая бутылка из-под джина, тарелка с плавящимся на солнце маслом, блюдце, полное окурков. Стоя с пригоревшей кастрюлькой в руках, я в полной мере почувствовала себя старой девой.

— А… картошка… Совершенно про нее забыл.

У меня за спиной в дверном проеме стоял Роки.

— Да, забыли, — довольно резко отозвалась я. — Газ был открыт на полную мощность, и она выкипела. Боюсь, кастрюлька испорчена.

— А, кастрюлька… — Роки провел рукой по лбу усталым жестом, показавшимся мне довольно театральным. — Было о чем подумать помимо кастрюльки.

— Что-нибудь случилось? — спросила я, делая к нему шаг все еще с кастрюлькой в руке.

— Да, наверное так. Елена от меня ушла.

Он удалился в гостиную, где рухнул в кресло. Я беспомощно стояла рядом, стараясь придумать, что сказать или сделать, но он не обращал внимания на мои запинающиеся сочувственные фразы. Оглядевшись по сторонам, я увидела, что еще

одну кастрюльку — по всей видимости, горячую — поставили на полированный ореховый стол, где она прожгла неприятную отметину.

— Стол стал последней соломинкой, — объяснил Роки, проследив за моим взглядом. — Она поставила на стол горячую кастрюлю. Такой пустяк, скажете вы, но типичная для нее небрежность. И посуда стоит грязная иногда днями напролет, пока не придет миссис Моррис…

Он продолжал бессвязно перечислять проступки жены, а я просто сидела рядом, не желая его прерывать. Наконец я почувствовала голод, ведь было уже около двух, и задумалась, ел ли сам Роки.

— Ленч? Я про него не подумал. Наверное, в таких случаях не едят.

— Уверена, вам следует что-нибудь съесть. Почему бы вам не подняться ко мне, там опрятнее, чем у вас, а я после тут приберусь.

Он апатично поплелся следом за мной и начал рассказывать, что случилось. По всей очевидности, они поссорились, как раз когда он собирался готовить, и Елена убежала из дома со словами, что никогда больше не вернется.

— Я кинулся за ней, — говорил Роки, — но она, наверное, села в такси, потому что ее и след

простыл.

— Но ей же придется вернуться. Она что-нибудь с собой взяла? Какие-нибудь вещи?

— Не знаю. Кажется, нет.

— Но куда она могла пойти? — не унималась я, чувствуя, что хоть кому-то надо быть практичным.

— К Иврарду Боуну, наверное, — безразлично ответил Роки.

— Точно не к нему! — воскликнула я.

Такого не должно случиться. В голове у меня мелькнула неуместная и недостойная мысль, что Иврард непременно решит, будто я не выполнила свое обещание и одна во всем виновата. Но мне, честное слово, не представился случай сказать Елене, что Иврард ее не любит. Я правда собиралась сделать это при первой же возможности и все равно невольно подумала, что поделом ему будет, если она объявится у него на пороге и поставит его в неловкое положение.

— Если бы она собиралась к нему, то уже приехала бы. Я позвоню ему и все узнаю.

Я была несколько ошарашена, когда трубку поднял сам Иврард, хотя и не знала, кого еще ожидала услышать, а потому могла только, заикаясь, изложить новости и спросить, не приходила ли

к нему Елена.

— Определенно нет. — Голос у него был встревоженный. — В любом случае я сейчас же уезжаю в Дербишир.

— В Дербишир? — глупо переспросила я. Это показалось мне самым невероятным местом.

— Да, Доисторическое общество устраивает там конференцию, — быстро добавил он.

— Сможете спрятаться в пещере, — нервно хихикнула я, как иногда случается в момент кризиса, но все-таки взяла себя в руки, прежде чем вернуться к Роки, который все еще полулежал в кресле.

— У Иврарда Боуна ее нет, — сказала я, — поэтому она, возможно, скоро объявится. Или у нее есть еще какие-нибудь друзья, которым я могла бы позвонить от вашего имени?

— Нет-нет, не трудитесь. Нельзя же обзванивать людей по всему Лондону.

— Тогда я вполне могу заняться ленчем, — согласилась я. — Боюсь, еда будет совсем простая, но вы должны что-нибудь поесть.

Роки поплелся за мной на кухню и стоял под веревкой с сушащимся бельем, которое, как я раздраженно заметила, пересохло и теперь его неудобно будет гладить. Он начал было снимать

с веревки предметы моего туалета и шутить над каждым из них, но, решив, что сейчас не время для стеснительности, я не стала обращать на него внимания.

Помыв салат, я сдобрила его толикой приберегаемого к особому случаю оливкового масла и посыпала солью. Еще выложила камамбер, свежий хлеб и миску слив-венгерок на десерт. Ленч получился идиллический — такой следовало бы смаковать под открытым небом, под бутылку вина и, что называется, «приличный разговор». Маловероятно, что от меня будет толк по части вина и беседы… Тут я вспомнила, что у меня есть бутылка бренди, которую я, согласно старомодному обычаю, держала на «чрезвычайный случай», и решила достать ее к кофе. Я так и слышала, как мама, поджав губы, говорит: «Только в медицинских целях, разумеется…» Но сейчас немолодым респектабельным леди незачем искать оправданий для покупки бренди или даже джина, хотя вполне вероятно, что кое-кто до сих пор их ищет, и хочется надеяться, что всегда найдутся такие, кто будет их искать.

Роки начал есть с видимым аппетитом, но разговор, который он завел, никак нельзя было назвать «приличным».

— Она даже салат по-человечески помыть не могла, — сказал он, — не говоря уж о том, чтобы так его приготовить.

Я не нашлась, что на это ответить, и мы продолжали есть в молчании — с моей стороны. Бренди как будто еще более его раззадорило, пусть и не до слишком больших высот, но то, что он говорил, лично мне было очень приятно.

— Вы самая удивительная женщина на свете, Милдред, — говорил он, устремляя на меня взгляд. — Не знаю, как бы я без вас обходился.

«Вы прекрасно без меня обходились раньше, — подумала я с внезапным раздражением, — и будете прекрасно обходиться впредь».

— Подумать только, что вы появились как раз в нужный момент, посреди этого ужасного кризиса, и накормили меня вкусным ленчем. — Закрыв глаза, он откинулся на спинку кресла. — Я правда не смог бы есть ленч в одиночестве.

— Ах, пустяки, — сказала я, чувствуя, что никакого иного ответа дать не в состоянии. — Любая на моем месте сделала бы то же самое.

И, возможно, даже у мужчины менее привлекательного, чем Роки, нашлась бы преданная женщина, которая приготовила бы ему поесть в тот день, когда от него ушла жена. Мать, сестра,

даже тетушка… Я вспомнила объявление, которое видела как-то в «Церковных ведомостях»: «Органисту с тетушкой требуется немеблированное жилье; предпочтительно в Ист-Шине или Барнсе». «Подозрительное объявление, — подумала я тогда, — никакая она ему не тетя, хотя, конечно, люди, предпочитающие Ист-Шин или Барнс, должны быть исключительно респектабельными».

— Чему вы улыбаетесь?

Я виновато вздрогнула, поскольку на время забыла о случившемся несчастье.

— Извините. Я задумалась и даже не заметила, что улыбаюсь.

— Вы меня почти развеселили, — обиженно заявил Роки. — Наверное, у каждого должен иметься друг, который утешил бы его в такое время.

— Не у каждого. — Я вспомнила про многих отвергнутых, тех, кто жил в одиноких крошечных квартирках, кому не с кем поговорить, некому приготовить обед, и поделилась своими мыслями с Роки.

— Они всегда могут стирать чулки или заняться чем-нибудь еще, — равнодушно отмахнулся он. — Если, конечно, предположить, что речь

идет о женщинах, ведь это женщины обычно живут в крошечных квартирках.

— И их отвергли, — добавила я.

— Ну да, ведь все взаимосвязано, не так ли? Конечно, у меня положение совсем не такое. Не надо думать, что меня отвергли.

Вот так мы и сидели, почти пререкаясь, пока часы на церкви не пробили четверть четвертого.

— Чай, — сказал Роки. — Думаю, теперь я выпил бы чаю.

— Да, конечно. — Я послушно пошла на кухню и как раз наливала воду в чайник, когда зазвонил мой звонок внизу. — Боже, кто бы это мог быть?

— Возможно, Елена тоже прибежала к вам за утешением, — сказал Роки. — Думаю, более уместно было бы, если бы вы сами открыли дверь. На всякий случай, сами понимаете.

Он не двинулся из кресла, поэтому мне ничего не оставалось, кроме как поспешно сбежать вниз, чувствуя себя несколько растревоженной и раздраженной. Боюсь, эти чувства отразились у меня на лице, поскольку, когда я открыла дверь и обнаружила на пороге Джулиана Мэлори, его собственное выражение изменилось, и он помешкал, перед тем как войти.

— Я собиралась заваривать чай, — сказала я,

пока мы поднимались, — поэтому вы как раз вовремя.

— А, чай… — протянул он. — Я очень надеялся поспеть к чаю.

Я не сказала ему, что у меня Роки Нейпир, и выражения на лицах двух мужчин, когда они увидели друг друга, заставило меня улыбнуться: Роки смотрел нахмуренно и капризно, Джулиан — недоуменно и разобиженно. Роки довольно нелюбезно встал и предложил Джулиану кресло. Джулиан — хотя и с прохладцей — предложенное принял, и Роки раскинулся на диване. В этот момент я поспешила пойти посмотреть, как там чайник, а когда вернулось с подносом, застала их за натянутым разговором об Италии. Джулиан расспрашивал про Санта-Кьяру в Неаполе, мол, видел ли ее Роки, и даже процитировал стихотворение о Вербном воскресенье[25], а Роки отвечал, что церковь в войну разбомбили и вообще это стихотворение всегда нагоняло на него тоску.

Я начала разливать чай. Как это часто бывает в непростые моменты, что-то с ним было не так. Он получился слишком слабым и тек, как сказал

---

[25] Примечания: 25

Санта-Кьяра — церковь и монастырский комплекс Святой Клары Ассизской; стихотворение «Вербное воскресенье» написано английским поэтом Артуром Симонсом.

бы поэт, янтарным потоком из плохо вычищенного носика серебряного чайника для заварки. Миссис Моррис, похоже, пренебрегла своими обязанностями, и мне, пожалуй, следует с ней «поговорить».

— Как же вы нас балуете! — воскликнул Джулиан. — Китайский чай!

Я часто спрашивала себя, так ли уж хорошо быть честной по характеру и воспитанию. В обществе честность временами вредит, ведь чаепитие скорее всего прошло бы успешнее, если бы я не объяснила, что чай на самом деле индийский, просто, к несчастью, слишком слабо заваренный. И теперь вместо того, чтобы радоваться, что я их побаловала, эти двое расстроились и смутились, словно я это сделала нарочно. В отчаянии помешав заварку, я предложила пойти заварить заново, но ни один и слышать об этом не захотел. Роки был вежлив, но нетерпелив, Джулиан — вежлив, но разочарован, почти разобижен.

Мне показалось, что оба они в тот день проявили себя не самым выигрышным образом, точно сумели вытащить на свет свои худшие стороны, — или просто у меня до тех пор не было возможности наблюдать за каждым из них бесстрастно. Роки казался поверхностным и

обаятельным на слишком броский и фальшивый манер, а то, как он развалился на диване, представлялось одновременно манерным и невоспитанным. А вот Джулиан словно лишился всяческого обаяния, даже фальшивого и броского. Рядом с Роки он казался карикатурой на служителя церкви, и в его голосе против обыкновения проступили елейные нотки. «Она посещает службы в Сент-Мэри… Вчера утром, после того, как я отслужил мессу…» Даже сами фразы звучали натянуто и неестественно. Это, в свою очередь, подтолкнуло Роки к дурацкой легкомысленности, поэтому, хотя Джулиан старался отвечать на его шутки о наилучшем качестве ладана и хорошеньких алтарниках, между ними возникла какая-то враждебность, и мне даже стало казаться, что я тому причиной. Конечно, мне было непривычно находиться наедине с двумя мужчинами, пусть даже каждый принадлежал другой женщине, но я ничего не могла поделать.

Я суетилась над слабым чаем, мысленно сетуя про себя, что не купила еще один кекс, или помидоров, или огурец, чтобы приготовить сандвичи, отчаянно жалела, что не умею вести остроумную беседу. Роки замкнулся в молчании, а Джулиан бросал по сторонам испуганные, подозрительные

взгляды. Что с ним такое? Во всем происходящем ведь нет ничего компрометирующего или неловкого. А потом я вдруг поняла, что его так расстроило: на каминной полке стояла бутылка бренди, такая большая и шокирующая среди мелких безделушек и открыток с видами Эксмура и Северного Уэльса, куда миссис Боннер вместе с еще одной женщиной из моей конторы попеременно ездили отдыхать. Наверное, во все свои прежние визиты Джулиан никогда не видел у меня на каминной полке бутылки бренди.

— Вы уже назначили день свадьбы? — спросила я, стараясь завязать непринужденную беседу.

— О да, мы собираемся пожениться очень скоро, — благодарно откликнулся Джулиан. — И мы бы очень хотели, чтобы на церемонию пришла вся паства Сент-Мэри и все наши друзья.

— Наверное, вы имеете в виду тех, кто известен как «регулярно причащающиеся»? — спросил Роки. — Милдред, возможно, говорила, что религия до завтрака мне не по зубам. Те, кто приходит только на повечерье, тоже приглашены? Они-то могут считаться друзьями?

— Да, да, по сути, кто угодно. То есть все, кто желает нам добра, — ответил Джулиан в смущенно-шутливой манере. — Я хочу, чтобы все с нами

возрадовались.

— Я уж точно хотел бы возрадоваться, — отозвался Роки. — Понимаете, я очень желаю вам добра, и поскольку жена меня только что бросила, могу только надеяться, что вам повезет больше.

Джулиан уронил на пол кусок кекса, который едва успел взять, и поспешно нагнулся, чтобы подобрать его обломки с пола.

Сняв крышку с заварочного чайника, я заглянула в его недра, но без особой надежды. Возможно, конечно, что пережитое потрясение хотя бы както оправдывало странное поведение Роки, но мне от него делалось не по себе.

— Дружище, — растерянно забормотал Джулиан, — какая ужасная новость… Но вы, верно, ошиблись… Какое-то недопонимание или ссора… Я не далее как сегодня утром видел миссис Нейпир.

— Когда такие вещи случаются, они происходят очень быстро. — Теперь Роки как будто получал удовольствие от своих слов. — В конце концов, кто-то должен был видеть ее последним — вполне возможно, что это были вы.

— Такая прискорбная новость… Должно быть что-то, что мы можем сделать… — Теперь Джулиан, нахмурившись, расхаживал по комнате.

Я начала собирать чашки с блюдцами на поднос. Наверное, это была трусость с моей стороны, но мне хотелось остаться одной, а какое место может быть лучше раковины, куда ни один из мужчин за мной не последует?

Я начала с собственной кухни, где посуда после ленча и чая была быстро вымыта и высушена, но потом спустилась в квартиру Нейпиров с намерением навести подобие порядка среди царившего там хаоса. Нет на свете раковины, которую бы установили на уровне, удобном для мало-мальски высокого человека, и вскоре от всей этой возни с посудой у меня разболелась спина, особенно если учесть, что вчерашние жирные тарелки требовали основательной чистки. Мысли у меня бежали по кругу, мне даже пришло в голову, что, если бы я собралась писать роман, он был бы в духе «потока сознания» и живописал бы час жизни женщины, проведенный у раковины. Я испытывала горечь по отношению к Елене и Роки, и даже к Джулиану, хотя приходилось признать, что никто не заставлял меня мыть чужую посуду или прибирать чужую кухню. Это все суетливая старая дева, живущая во мне, Марфа, которая не может, как Магдалина, спокойно сидеть и вести беседу, если знает, что в раковине до сих пор по-

суда, не мытая со вчерашнего дня. У Марфы тоже, наверное, ныла спина, мрачно думала я, подметив, что сушилка для посуды также нуждается в чистке, а салфетки не мешало бы прокипятить.

Наконец с уборкой было покончено, осталась только кастрюлька со сгоревшей картошкой. Я безнадежно осмотрелась по сторонам в поисках чего-нибудь, чем ее поскрести.

— Чистые стаканы есть? — раздался из-за двери голос Роки. — Хотя бы два найдется?

— Да, в серванте, — откликнулась я. — Я только что их помыла.

— Точно помню, что у нас был джин, — продолжал Роки, копаясь в скоплении бутылок в углу кухни. — Думаю, мы могли бы выпить вашего бренди?

— Ну да, конечно, пейте.

— Ага, вот это даже лучше. — Он поднял повыше оплетенную винную бутылку. — Мы с вашим священником взаправду поладили. Он мне нравится. Жаль, что вы не можете за него выйти, Милдред, вы стали бы приятной парой. Пойдемте, выпейте с нами, когда закончите с кастрюлькой. Мы наверху, в вашей гостиной.

Я села на стул посреди кухни Нейпиров, готовая разобидеться, но внезапно мироздание пришло

мне на выручку, и я увидела смешную сторону происходящего. Потом зазвонил телефон.

— Слава богу, это вы, Милдред, — раздался в трубке голос Елены. — После всего, что Роки наговорил, даже голос его слышать не хочу. Послушайте, я какое-то время поживу у мисс Кловис.

— У мисс …?

— У мисс Кловис… вы же ее помните… Она работает в научном обществе.

— Ах да, конечно.

«Наша замечательная мисс Кловис с чаем». Она еще и предоставляет убежище сбежавшим женам?

— Она предложила забрать кое-какие мои вещи. Не могли бы вы упаковать для меня чемодан и встретиться с ней под часами на вокзале Виктория?

Я согласилась, главным образом потому, что так было проще. От меня требовалось упаковать несколько нужных вещей и выскользнуть из дому незаметно для Роки, хотя потом можно будет ему сообщить, что Елена у мисс Кловис.

Найти то, что просила Елена, оказалось непросто: во всех шкафах и ящиках в спальне царил такой беспорядок, что трудно было определить,

что где искать, но наконец я все собрала и с упакованным чемоданом некоторое время спустя ждала в условленном месте на вокзале, чувствуя себя довольно глупо, точно сама собиралась с кем-то сбежать.

Начался час пик, и мимо сновали, стремясь успеть на свой поезд, бизнесмены и клерки. Солидные мужчины в шляпах и с тщательно свернутыми зонтами или портфелями, такими плоскими и аккуратными, что казалось невероятным, будто там вообще может что-то лежать, без тени достоинства неслись в спешке, а иногда даже налетали на меня. У некоторых были свертки или пакеты в руках либо под мышкой — подарки женам, наверное, или сюрприз к ужину. Я воображала, как они набиваются в зеленые поезда, разворачивают вечерние газеты, разгадывают кроссворды, не разговаривают с соседями…

— Мисс Лэтбери? — ворвался в мои фантазии решительный голос, и подле меня возникла кряжистая фигура мисс Кловис.

— Да. Я привезла вещи, о которых просила миссис Нейпир.

— Прекрасно! — Мисс Кловис решительно забрала у меня чемодан.

— Надеюсь, с ней все в порядке? — спросила я.

— В полном. То есть теперь, когда она ушла от своего скотины-мужа.

Мне хотелось запротестовать, но я не знала, что сказать: меня слишком удивило, что сотрудница научного общества может употреблять такие выражения.

— У меня она в полной безопасности, — непринужденно продолжала мисс Кловис. — У меня уютная квартирка на верхнем этаже здания Общества.

Портреты туземных вождей и свернутый флаг в уборной, подумала я, но, возможно, у нее есть собственная ванная.

— Искренне надеюсь, что миссис Нейпир скоро вернется к мужу, — сказала я твердо. — Он очень расстроен.

— Вы думаете, расставание будет только временным? — Вид у мисс Кловис сделался разочарованный. — Сама я так совсем не считаю. Он уедет за город, где, как полагаю, у него есть коттедж, а она вернется в квартиру. Так я поняла с ее слов.

— О, понимаю. Надеюсь, они встретятся и все обсудят, прежде чем пойти на столь решительный шаг.

Не могла же я признаться мисс Кловис, что помимо всего прочего не хочу, чтобы Роки уезжал.

— Ну, мне пора, — сказала мисс Кловис. — Спасибо, что привезли чемодан. Я дам вам знать, если будут новости. Полагаю, мистер Боун в Дербишире?

— Но к нему-то это уж точно не имеет отношения! — с тревогой воскликнула я. — Уверена, он не захочет в это вмешиваться.

— Ради антропологии! — возвестила мисс Кловис, перехватывая свой зонт и взмахивая им, словно оружием или древком знамени. — Между теми, кто вместе работал в экспедиции, существует великая связь… А их совместный труд по прослеживанию группировок общества по женской линии родства вообще исключительно ценен, истинный вклад… — Она конфиденциально понизила голос: — Была история доктора Медликотта и мисс Этти… Не знаю, слышали ли вы о ней? Я всегда знала, что это я их свела. Его жене это сначала не нравилось. Однако вот пожалуйста. — И, бодро кивнув на прощанье, она удалилась.

С минуту я стояла несколько оглушенная, потом медленно направилась домой. Я как раз сворачивала на Гранчестер-сквер, когда увидела, как двое мужчин входят в паб в дальнем ее конце. Это были Роки Нейпир и Джулиан Мэлори. «Пусть

себе идут», — подумала я. Было утешительно сознавать, что они подружились за стаканом вина. Утешение для них, но не для меня, решила я, не в силах даже подумать о возвращении в квартиру, где придется мыть их пустые стаканы, которые они, без сомнения, бросили у меня в гостиной. Лучше сходить в пасторат повидать Уинифред.

Едва я позвонила в дверь, как меня осенило, что там скорее всего Аллегра Грей, и я даже повернула бы обратно, если бы почти сразу не открыла сама Уинифред.

— Ах, Милдред! Как мило с вашей стороны! Вы теперь почти к нам не приходите, — пожаловалась она. — С тех пор как Аллегра и Джулиан объявили о помолвке, у нас почему-то все не как раньше. Но сегодня она поехала ужинать с подругой в Кенсингтон. А Джулиан куда-то ушел, поэтому я совсем одна. У вас расстроенный вид, дорогая. Что-то случилось?

— Я почти жалею, что Нейпиры поселились в моем доме, — сказала я. — До их появления все было гораздо проще.

Уинифред не стала задавать вопросов, но под воздействием чашки чая у нее самой развязался язык. Мы заговорили о «былых временах» — тех, какими они теперь представлялись.

— Ох, Милдред, — вырвалось у нее, — иногда и я жалею, что Аллегра у нас поселилась!

Глава 18

На следующий день Роки повел себя довольно мелодраматично: шумно упаковывал чемоданы и ходил кругами по квартире, помечая мебель и безделушки, которые следовало отослать в его загородный коттедж. Вернувшись домой после ленча, я обнаружила, что он практически готов съехать.

Ко мне он поднялся со списком в руках.

— Надо сразу расставить все точки над i, — сказал он. — Я хочу получить назад свои вещи, но нельзя же от вас требовать, чтобы вы знали, какие именно мои.

— От меня? — удивленно воскликнула я.

— Ну да, вы ведь будете тут, надо полагать? Я попросил грузчиков из компании по перевозкам приехать утром в субботу, чтобы вы могли за ними присмотреть.

— Да, конечно, — неуверенно сказала я. — Наверное, нельзя ожидать, что они хорошо все сделают без надзора. Когда приблизительно их ждать?

— Я распорядился, чтобы приехали пораньше,

часов в восемь. Тогда Елена сможет вернуться в воскресенье или понедельник, если захочет. А еще можете позвонить мисс Кловис и сообщить ей. — (Разумеется, я рассказала ему, где Елена.) — И все будет как прежде.

Мне хотелось запротестовать не столько из-за перевозки мебели и роли, которая мне в ней отводилась, сколько из-за его мысли, что все может стать как прежде. Но никакие слова на ум не шли. Интересно, предложит ли он перед отъездом выпить вместе чаю? Но он промолчал, и почему-то мне не хотелось предлагать самой. Наверное, мне не хотелось, чтобы он запомнил меня как женщину, которая вечно заваривает чай в трудную минуту.

— До свиданья, Милдред. Конечно же, мы еще увидимся, — небрежно бросил он. — Вам обязательно надо как-нибудь приехать ко мне в коттедж на уик-энд.

— С радостью, — начала было я и тут же задумалась, вполне ли это прилично.

Но, очевидно, такая мысль в голову Роки не приходила и никогда не придет.

— Вы ведь запомните, какие вещи надо вывезти, правда? — были его последние слова, обращенные ко мне.

Когда он ушел, я стояла у окна, пока его такси не скрылось из виду.

Последствия потрясения и горя слишком хорошо известны, чтобы стоило их тут описывать, и у окна я стояла очень долго. Наконец я действительно заварила себе чаю, но кусок у меня не шел в горло. На меня словно бы навалилась огромная тяжесть, и, посидев какое-то время, я подумала, что, наверное, стоит пойти в церковь и там поискать толику утешения.

Дверь в церковь я открыла довольно робко и с облегчением увидела, что там никого нет, поэтому села и стала безнадежно ждать — сама не знаю чего. Мне никак не удавалось упорядочить круговерть мыслей, но я надеялась, что если посижу тут тихонько, то, возможно, почерпну своего рода покой из благостной атмосферы.

Считается, что века молитв оставляют на зданиях свой след, но потом я вспомнила, что церковь Сент-Мэри построили каких-то семьдесят лет назад: она казалась совсем новой и веселой, и тут не было ни усыпальниц известных семейств с балдахинами, ни плачущих херувимов, ни урн, ни стертых надписей на плитах пола. Оставалось лишь разгадывать надписи на латунных табличках в память о бывших пасторах и благо-

творителях или созерцать уродливый витраж в восточном окне. А после мне пришло в голову: неужели атмосфера викторианского благочестия утешает меньше других? Разве не следует мне утешаться мыслями о нашем первом священнике, отце Басби — Генри Бертрами Басби — и его супруге Мод Элизабет ровно так же, как о клириках семнадцатого столетия? Теперь я едва сознавала свое окружение и вздрогнула, когда меня окликнули по имени:

— Мисс Лэтбери! Мисс Лэтбери!

Я почти виновато подняла глаза, точно совершила что-то постыдное, и увидела, как ко мне бочком подбирается мисс Стэтхем. В руках у нее были тряпка для натирки и жестянка с воском.

— Вы так тихо сидели, что я решила, вдруг у вас припадок.

— Припадок? — глупо переспросила я.

— Ну да, вдруг вы заболели. Я сказала себе, выходя и ризницы: «С чего это мисс Лэтбери тут сидит? Что она тут делает? Это не ее неделя натирать дверные ручки, и для повечерья еще слишком рано». Тогда я и подумала, вдруг вы больны.

— Нет, со мной все в порядке. Спасибо. — Я улыбнулась причинам, какие нашла для моего присутствия в церкви мисс Стэтхем. — Просто я

кое-что обдумывала.

— Обдумывали? Боже ты мой… — Сдавленно прыснув, она испуганно и быстро зажала рот ладонью. — Простите, мисс Лэтбери, я правда не хотела смеяться. Только чуток смешно сидеть тут прекрасным летним днем и думать. Не хотите пойти ко мне на чашечку чая?

Я отказалась, насколько могла любезно, и мисс Стэтхем вернулась к своим латунным ручкам и воску. Моя маленькая медитация в церкви подошла к концу: было совершенно очевидно, что теперь ее продолжить не удастся. «Будь церковь постарше, потемнее и поменьше, будь это, к примеру, римско-католический храм, — греховно подумала я… — Но нет смысла о том сожалеть, ведь суть лишь в моих изъянах…» Тем не менее я почувствовала, что немного успокоилась и смогу лучше справиться с вывозом мебели и всем (чем бы оно ни было), что мне еще уготовано.

Когда я вернулась, миссис Моррис как раз убирала мою гостиную. На самом деле сегодня был ее день у Нейпиров, но работу там она закончила раньше, чем ожидала, и удивленно высказалась по поводу чистоты на кухне.

— Там только после завтрака посуду надо было помыть, всего делов-то — тарелки да чашки, —

пояснила она. — Обычно у них со вчерашнего дня посуда стоит, а стаканов-то! Можно подумать, они только спиртным и питаются.

Я объяснила, что вчера помыла, сколько смогла.

— Миссис Нейпир уехала, — деликатно добавила я, — поэтому сама помыть не смогла.

— Как же, помыла бы, даже если б осталась! — с чувством отозвалась миссис Моррис. — Это он всю работу по дому делал. Не успеешь оглянуться, священники посуду мыть начнут. Вот увидите, какая у нашего жизнь начнется, едва он женится!

— А разве мужчинам не следовало бы помогать по хозяйству? — спросила я.

Она глянула было на меня многозначительно, но промолчала.

— Только не священникам, мисс Лэтбери, — сказала она наконец, покачав головой.

— По-вашему, у них и без того забот хватает?

— Про заботы ничего не скажу, мисс, — с сомнением протянула она, — но эта миссис Грей — та еще штучка, помяните мое слово. Вдова! И что стряслось с ее первым? Вот что бы мне хотелось знать! — Распахнув окно, она энергично затрясла в него шваброй.

— Но я думала, его убили на войне.

Миссис Моррис опять покачала головой.

— Вот вы, мисс Лэтбери, мне сказали, мол, наш священник не из тех, кто женится, — обвиняюще заявила она.

— Я всегда так считала, — призналась я. — Но иногда мы совершаем ошибки, верно?

— Хорошенькое личико, — продолжала миссис Моррис, — этого у нее не отнимешь. Но что делать его бедной сестре? Что станется с бедной мисс Уинифред? Разве она столько лет не вела для него хозяйство? Разве не отдала лучшие годы своей жизни, чтобы у него был домашний очаг?

Я не знала готового ответа на ее пугающий вопрос — тем более что с некоторой тревогой вспомнила, на что намекнула вчера вечером сама Уинифред. Нет, ничего прямо против Аллегры Грей она не сказала, но теплых чувств к ней проявляла гораздо меньше.

— Не так, наверное, все и ужасно. Думается, мисс Мэлори нравилось опекать брата. В конце концов, с ее стороны это было только естественно, как, вероятно, и для большинства женщин.

— Вы-то никому домашний уют не создаете, мисс Лэтбери, — продолжала миссис Моррис тоном, полным такого упрека, что мне почудилось,

будто я в каком-то смысле уклоняюсь от выполнения своего долга.

— Да, пожалуй, — признала я, — хотя после смерти мамы я недолгое время вела хозяйство у отца. Но потом он тоже умер, и с тех пор я совсем одна, не считая того времени, когда тут жила мисс Колдикот.

— Неестественно для женщины жить одной, без мужа.

— Возможно, но многие женщины так живут, и у некоторых нет выбора.

— Нет выбора! — презрительно рассмеялась миссис Моррис. — Вам бы следовало лучше думать о себе, мисс Лэтбери, не сочтите за обиду. Вы так много сделали для отца Мэлори, и для мисс Уинифред тоже, а вас в конечном итоге бросили, уж простите, что так прямо говорю.

— Да, наверное, вы правы, — сказала я с улыбкой, потому что она действительно была права.

Замуж выходят не замечательные женщины, а такие, как Аллегра Грей, которая не умеет шить, и Елена Нейпир, которая бросает немытую посуду.

— Мне уже не измениться. Боюсь, уже слишком поздно.

Я сразу почувствовала, что если скажу, что на самом деле не хотела замуж за Джулиана Мэлори,

мои слова прозвучат не слишком убедительно. В приходе меня, по всей очевидности, считали первой среди отвергнутых, и это положение теперь придется занимать со всем возможным достоинством.

— Вы недурны собой, — быстро сказала миссис Моррис, и тут же лицо у нее стало испуганное, словно она зашла слишком далеко. Сняв мешок с пылесоса, она вытряхнула на газету огромную гору пыли. — Всякое случается, даже в последнюю минуту, — таинственно продолжала она. — Нет, конечно, замуж за разведенного вам пойти не захочется. Слишком уж много прошлый брак в новую жизнь за собой тащит, — бормотала она, уходя на кухню с завернутой в газету пылью.

Я услышала, как она говорит, что в кувшине осталась капелька молока, как раз мне к чаю.

После ее ухода меня охватила странная тревога, точно я действительно не исполнила какой-то свой долг и должна немедленно что-то предпринять, чтобы это исправить. Я должна пойти к Джулиану и ровным счетом ничего для него не делать, тогда он отвергнет Аллегру и женится на мне. Что до Роки и его заросшего крапивой коттеджа, тут, пожалуй, не важно, что и сколько я для него сделала, поскольку его никогда не сочтут

подходящим кандидатом в мужья. Слишком уж много от прошлого брака… Я невольно улыбнулась таким мыслям. Интересно, у служащих из женского вспомогательного тоже были мечты? Они тоже воображали, как от Роки уйдет жена и он кинется к ним искать сочувствия, или всегда знали, что они лишь игрушки, которых снимают с полки, только когда нужна компания на вечер? Я не могла польстить себя мыслью, что была для него хотя бы этим.

Среди моих книг возле кровати тоже имелся зеленый замшевый томик стихов Кристины Россетти.

«Ты их забудь с улыбкой в тишине. Не вспоминай и прочь гони печаль…» Хорошо читать эти строчки и радоваться, что он улыбается, но гораздо труднее повторять себе, что ни о чем другом не будет и речи. Ему просто не придет в голову печалиться.

Той ночью я читала скорее всего не поэзию, а что-то богословское или поваренную книгу. Возможно, последняя к моему настроению подходила лучше всего, и я выбрала ту, что со старыми рецептами и разрозненными советами по ведению домашнего хозяйства. Я прочла про уход за аспидистрами и про то, как стирать кружева

и черные шерстяные чулки, а еще узнала, что посылка или конверт, запечатанные яичным желтком, нельзя вскрыть при помощи пара. Хотя и не могла представить, что когда-нибудь придется воспользоваться этими познаниями.

Глава 19

Странно было входить в квартиру Нейпиров и обращаться с их имуществом почти как со своим собственным. Из списка Роки совершенно ясно следовало, что надо передать грузчикам: его большой письменный стол, чиппендейловские стулья, столик с раздвижной крышкой и кое-какие безделушки — разнообразные пресс-папье и «снежные шары», а еще кое-что из фарфора. Даже книги следовало разобрать, оставив только пугающие с виду труды Елены по антропологии и несколько романов в бумажных переплетах. Когда эти вещи исчезнут, комнаты станут голыми и безликими, впрочем, они и сейчас уже выглядели уныло. Я задумалась, не разобрать ли стол, ящики которого были забиты бумагами, и даже предприняла такую попытку — с неотвязной мыслью, что могу наткнуться на что-то, что меня не касается. Посмею признаться, что я на это надеялась, но мое любопытство осталось неудовлетворенным. Ни любовных писем, ни дневников, ни даже фотографий. В выдвижных ящиках хранились только счета и антрополо-

гические заметки Елены. Любовные письма от служащих женского вспомогательного были, без сомнения, скомканы и брошены в корзинку после самого поверхностного прочтения. Но, возможно, им хватало благоразумия не писать о любви? В естественной склонности женщин принимать позу памятника Терпению мне всегда чудилась своего рода сила, хотя со слов Иврарда Боуна выходило, что иногда они с готовностью лишают себя такого преимущества, сами заявляя о своих чувствах.

В субботу я постаралась встать задолго до восьми часов, но грузчики появились не раньше половины девятого. Их было трое: двое веселых и крепких с виду молодых парней и третий — возможно, как и пристало по должности бригадира, сморщенный и меланхоличный и, по всей очевидности, вообще не способный что-либо поднять.

Увидев большой письменный стол, этот третий покачал головой.

— Нам его никогда через лестничную клетку не пронести, — заявил он.

Я возразила, что стол можно разобрать, но мгновение триумфа бригадира настало, когда тумбы отодвинули от стены и на ковре под ними

оказался тонкий слой древесной пыли.

— Древоточец, — сказал он. — Я сразу понял, едва увидел ваш стол.

— Боже ты той, — слабым голосом отозвалась я, точно это была моя вина. — Интересно, а мистер Нейпир про это знает?

— Полагаю, что нет. Никогда не знаешь, что происходит сзади, если только ты не эксперт. Я-то, конечно, уже сорок лет как мебелью занимаюсь.

— Наверное, сейчас уже ничего не поделаешь? — спросила я, вспомнив мать Иврарда Боуна, но решив, что нет смысла ей теперь звонить. Надо будет написать Роки про стол.

— Их тут сотни, — отозвался бригадир, стуча пальцем по дырочкам и глядя, как оттуда сыплется тонкая пыль. — Нам еще повезет, если он не развалится на части. Они, сдается, насквозь тумбы проели.

— Поразительно, куда только не проникают крошечные насекомые, — довольно глупо заметила я. — И дырочки такие аккуратные проделывают.

— Э, мадам. — Тут он впервые улыбнулся. — Как раз этого они не делают. Удивительно, сколько людей так считают. Дырочки получаются, когда жуки лезут наружу.

— Надо же, — пробормотала я. — Как интересно.

— Теперь помедленнее! — крикнул он, когда два парня подняли тяжелую столешницу с такой легкостью, точно она была из картона.

Я с облегчением обнаружила, что стол не развалился на части, но случившееся меня встревожило. Неприятно было думать, что древоточцы или еще какие-то червячки способны тайком проесть твою мебель. «Что-то прогнило в датском королевстве… Люди время от времени умирали, и черви их поедали, но случалось все не от любви…»[26]

— Может быть, хотите чаю? — предложила я.

Это оказалось удачной идеей, и прочие вещи удалось вынести гладко и без инцидентов. Бригадир сумел снести вниз подушку, но в остальном не принимал особого участия в происходящем. Проводив глазами грузовик, я поднялась к себе и меланхолично принялась за ленч. Засохший ломтик сыра, несколько листьев салата, для которых я не потрудилась приготовить заправку, помидор и кусок хлеба с маслом, которые я залила чашкой поддельного кофе из кофейной эссенции. «Насто-

[26] Примечания: 26

Цитаты из пьес У. Шекспира: первая — из трагедии «Гамлет», вторая — из комедии «Как вам это понравится».

ящая женская еда, — думала я, — без намека на бренди по окончании, пусть даже в бутылке еще чуть-чуть осталось. От спиртного она показалась бы еще большей издевкой».

Не успела я закончить, как зазвонил телефон. Звонила миссис Кловис спросить, не хочу ли я прийти к ней и миссис Нейпир на чай.

— Без сомнения, вам есть что сообщить? — с жгучим интересом спросила она.

— Ну да, мебель только что увезли.

— Что? Всю? — встревоженно спросила она.

— Нет, только вещи самого мистера Нейпира. Квартира вполне пригодна для жилья, если миссис Нейпир захочет вернуться.

Из трубки раздалось фырканье.

— Что за человек! Думаю, это уже запредельно. И вообще, мисс Лэтбери, буду ждать вас часам к четырем.

К зданию научного общества я приблизилась не без опаски и нервозно толкнула тяжелую дверь, темная резьба на которой, вероятно, была работы какого-то примитивного художника. На лестнице мне встретился бородатый старик, и я на мгновение решила, что это старый президент, но потом вспомнила, что он мертв. Старик вежливо посторонился, давая мне пройти, и,

благожелательно просияв, закивал:

— Э-э-э… Мисс… э-э… упорный труд, понимаю, понимаю.

— О да! — Я просияла и закивала в ответ.

— В Новой Гвинее сейчас довольно жарко, а? — хмыкнул он, когда я уже поднималась пролетом выше.

— Несомненно, несомненно, — отозвалась я, сочтя это самым безопасным ответом.

— Это вы? Я как раз собиралась заваривать чай. — На площадке возникла мисс Кловис с чайником в руках. — Не стесняйтесь, проходите в гостиную, дверь прямо перед вами.

Я вошла было в указанную комнату, но тут же попятилась, решив, что по ошибке попала в библиотеку или какую-то кладовую, поскольку пол был завален книгами, словно сползшими с высоких стеллажей, которые целиком занимали три стены. Еще тут было несколько фигурок и масок из темного дерева, кое-какие с варварским и пугающим выражением на лицах. Среди книг и масок сидела Елена Нейпир в мятом хлопчатом платье, занятая, по всей видимости, разбором кипы страниц, заполненных машинописным текстом и исписанных размашистым почерком.

— Вы как будто заняты? — начала я.

— Он забрал мебель? — без обиняков спросила она.

— Да, увезли сегодня утром.

Вернулась мисс Кловис с заварочным чайником, который поставила на низенький столик. Кто-то предпринял небрежную попытку накрыть его к чаю: тут разместились три разномастные чашки с блюдцами, буханка хлеба, горшочек с джемом и кусок маргарина в обертке. «Елена здесь, наверное, как дома», — язвительно подумала я.

— Налетайте, — пригласила мисс Кловис. — У меня где-то есть кекс, оставшийся с последнего чаепития Общества.

Из-за какой-то маски она достала жестянку. Я задумалась, устраивали ли в Обществе чаепитие после того, на котором я присутствовала весной, поскольку кекс на вид оказался многонедельной, а то и многомесячной давности. По счастью, он был заводским, испеченным из заменителей, а я по собственному опыту знала, что такие способны храниться практически вечно.

— Я встретила на лестнице какого-то милого старика, — попыталась я завязать разговор. — С седой бородой и очень похожего на старого президента, того, что скончался.

— Так это, наверное, старый Хорнибрук. Новая Гвинея, девятьсот пятый.

— Как грустно, что старый президент умер.

— Ну, среди жизни в смерти пребываем[27], — небрежно отозвалась мисс Кловис, отрезая толстый ломоть хлеба.

— Да, конечно, он скончался так скоропостижно.

— Скоропостижно, с мясом во рту, — сказала мисс Кловис.

— Но, право…

— О, вижу вы не любительница древностей, мисс Лэтбери, — победно заявила мисс Кловис, — не то лучше бы знали Энтони Вуда. «В начале сего месяца мне сообщили, что прошлым летом скончался Генри Мартен, скоропостижно, с мясом во рту, в Честоу в Монмутшире», — процитировала она. — Но они так и умирают. Президент был у себя в библиотеке и как раз потянулся снять с полки «Динамику клановых отношений у талленси», как его хватил удар.

— Какое прекрасное название, — заметила я. — Но, возможно, старикам за ним лучше не тянуться. Кто станет новым президентом?

---

[27] Примечания: 27
Отсылка к тексту заупокойной мессы.

— Тирелл Тодд, — сказал Елена. — Вы его, возможно, помните по заседанию с нашим докладом.

— Ах да, он потом читал лекцию о пигмеях.

— Молодой человек, — вставила мисс Кловис. — Новая метла чисто метет, или как там говорят?

Разговор перешел на обмен мнениями о различных членах Общества, чьи имена для меня ничего не значили. Боюсь, мисс Кловис рьяно вытаскивала на свет самые крохи скандальных новостей, и они с Еленой как будто получали огромное удовольствие от их обсуждения. Я спросила себя, почему меня вообще пригласили, если я им так явно не интересна.

Наконец возникла пауза, и я сделала замечание о книгах и масках, спросив, принадлежат ли они мисс Кловис.

— Господи всемогущий, конечно же нет! Их подарила Обществу вдова покойного президента. Не могла дождаться, когда сумеет выставить их из дома. Наверное, для нее это просто старый хлам.

— Ах да, кажется, я ее помню.

Старушка тогда кивала в плетеном кресле и задремала над вязаньем. Как же она, наверное, ненавидела эти маски! Злобного вида создания, у

некоторых были даже пыльные негигиеничные гривы! Возможно, они встали между ней и человеком, за которого она когда-то вышла замуж. Интересно, приходилось ли ей держать их у себя в гостиной? Но, даже будь они сосланы в его кабинет, все равно, наверное, служили для нее источником постоянного беспокойства, особенно в пору весенней уборки.

— Полагаю, вы были рады получить его реликвии, — сказала я. — Имя его жены появится на доске в списке жертвователей?

— Вероятно, придется вписать, — откликнулась мисс Кловис, — хотя сомневаюсь, что она будет иметь удовольствие его увидеть. Уверена, теперь, после смерти мужа, она не придет ни на одно наше собрание.

— А может, она испытывает потрясающее ощущение свободы, — сказала я скорее самой себе, чем собеседницам. — Вероятно, она никогда не понимала докладов, и ей было неинтересно, а теперь не придется их слушать. Или, возможно, она чувствует себя потерянной без дисциплины, какую требовали от нее заседания, и ей нечем будет занять образовавшуюся пустоту.

— Ну, ваших церковных служб и благотворительности у нее точно нет, — добродушно

бросила Елена.

— Как, он и это у нее отобрал? — спросила я, шокированная мыслью, что, не будь ее муж атеистом, она теперь могла бы стать стержнем какого-нибудь прихода, бесценной помощницей какого-нибудь перегруженного работой священника. — Какие же ужасные вещи делают мужчины! Не оставить ей в старости ничего, даже антропологии!

— Слишком уж вы ставите себя на место других людей, — ответила Елена. — Думаю, она совершенно счастлива, возясь у себя в саду и читая романы. Быть свободной и независимой — вот что главное!

— Но разве вы сами хотели бы такого в старости? — запротестовала я. — Знали бы вы, что вам делать со свободой и независимостью, если бы получили их на склоне лет?

— Могу сказать только, что уж я-то страшно благодарна, что ни с каким мужчиной себя не связала, — внесла свою лепту мисс Кловис.

Елена посмотрела на нее с сомнением, возможно, как и я, задавшись вопросом, был ли у мисс Кловис шанс попасть в такую кабалу.

— И работаться вам без мужа будет лучше, — продолжала мисс Кловис. — Теперь вы сможете

всю свою жизнь посвятить изучению группировок по женской линии родства.

Я невольно пожалела Елену, обреченную на что-то, казавшееся таким скучным. Она, возможно, тоже себя пожалела, поскольку возразила:

— Лучше бы вы упомянули какие-нибудь материи повыше. Им ведь вроде обычно посвящают жизнь. Идемте, Милдред, нам пора домой.

Я поблагодарила мисс Кловис, которой как будто не хотелось отпускать Елену, и мы спустились по лестницам с чемоданом Елены и небольшой злобного вида маской, которую поручили нести мне. Я чувствовала себя очень неловко, когда пассажиры в автобусе начали перемигиваться и хихикать, и мне пришлось держать маску на коленях, тщетно стараясь прикрыть ее перчатками и сумочкой.

Когда мы подходили к дому, нам встретился Джулиан Мэлори. Я было подумала, что вид Елены его спугнет, но он устоял.

— Я очень расстроился, услышав про вашу размолвку с мужем, миссис Нейпир. Думаю, вам следует вернуться к нему и все обсудить.

Все мы — думаю, даже Джулиан — были так ошарашены его смелостью, что на мгновения потеряли дар речи. Лично я преисполнилась

восхищения, поскольку не ожидала от него такой твердости. Я бы скорее поверила, что он отпустит какую-нибудь светскую банальность и наша встреча закончится обменом фраз о погоде.

— Он уехал за город, — без обычного самообладания пробормотала Елена. — И есть сложности, сами понимаете.

— В отношениях между людьми всегда есть сложности, — откликнулся Джулиан. — Надеюсь, вы не сочтете меня назойливым, но я действительно считаю, что вам следует с ним встретиться. И если я что-то могу для вас сделать, пожалуйста, дайте мне знать.

Елена смущенно его поблагодарила, и мы вошли в дом. У меня было такое чувство, словно я должна извиниться за смелость Джулиана, точно несу за него, да и за всех приверженцев церкви, личную ответственность в их столкновениях с людьми неверующими — и, возможно, так и было. Но я все равно невольно обрадовалась, что он высказался.

— Он, наверное, полагал, что обязан вмешаться, — рассеянно произнесла Елена. — Какая скука, наверное, все время творить добро, нести слово тут, нести слово там. Но я даже не подозревала, что такое взаправду делают.

— Вера определенно придает Джулиану стойкости. Кажется, они с Роки недавно вместе выпивали. Я видела, как они нырнули в паб на дальней стороне площади.

— Право же, Милдред, чего вы только не видите! От вас вообще что-нибудь ускользает?

— Я не могла их не заметить. Просто я случайно проходила мимо. Думаю, они разговорились, и Роки было проще говорить с мужчиной, чем со мной. Бывают, наверное, времена, когда мужчины объединяются против женщин, а женщины против мужчин. Вы с мисс Кловис — против Джулиана и Роки, а я — в роли рефери на теннисном матче.

Елена было рассмеялась, но, когда мы вошли в ее гостиную, сердито воскликнула:

— Но моих стульев нет! Это просто ужасно. И стола тоже! Милдред, почему вы их отдали?

— Извините, — кротко ответила я. — Роки дал мне список мебели, которую требовалось перевезти, и я просто следовала его указаниям.

— Вы всегда были на его стороне! — вырвалось у нее. — И вообще, стулья были свадебным подарком нам обоим. Он не имел права их забирать.

— Да, трудно бывает, когда что-то получаешь в подарок на свадьбу, — сказала я.

Но можно ли предвидеть расставание счастливой четы и всегда дарить то, что при необходимости легко поделить? Это, пожалуй, был бы чересчур циничный взгляд на брак даже для самого исполненного горечи дарителя.

Елена металась по квартире, ища и не находя предметы, которые называла своими.

— Вам придется ему написать, Милдред, — заявила она, садясь в единственное оставшееся кресло.

— Мне? Написать ему? А не лучше ли это сделать вам?

— Ах, я решительно не могу. Вы его знаете, и он скорее послушает вас, чем меня. В противном случае я попрошу Эстер Кловис или даже Иврарда.

— Сомневаюсь, что вам следует просить его, — вырвалось у меня, поскольку я вдруг вспомнила, что мне так и не представился шанс выполнить просьбу Иврарда, объяснив, что он ее не любит. Но сейчас это не имело значения. — И вообще, — продолжала я, — он на конференции Доисторического общества в Дербишире, так что толку все равно не будет.

— Ах, это, — раздраженно отозвалась Елена. — Представить себе не могу, зачем ему археология. Все это дилетантское копошение ничего ему не

даст.

— Сомневаюсь, что тут есть то-то дилетантское, — возразила я. — У меня сложилось впечатление, что он очень педантичный человек и любит ясность.

— О чем это вы? — подозрительно вскинулась Елена.

— Ну, он определенно знает, чего он хочет, а чего нет. — Я замялась. — Я думаю, у него… э… очень высокие принципы.

— А, вы про то, что он не одобряет разводы, — небрежно сказала Елена. — И, естественно, он предположил, что если я поссорилась с Роки, то бегом к нему прибегу. Ну конечно! Поэтому он уехал в Дербишир.

Я была несколько ошарашена таким изложением событий, и это, наверное, читалось у меня на лице, так как она рассмеялась.

— Ну да, мужчины иногда бывают так очевидны. Обычно они ведут себя именно так, как ожидаешь, и зачастую довольно трусливо. Готова поспорить, Иврард ужасно перепугался, услышав, что мы с Роки не слишком ладим. На доисторическую эпоху ему, знаете ли, наплевать. Он всегда прикрывается этим Обществом. Оно для него удачный предлог — только потому, что

я сама не являюсь его членом.

Это показалось мне бессмысленной тратой денег на членские взносы, и вообще, было что-то комичное в мысли о том, что мужчина прячется от женщины за доисторическую эпоху.

— Он познакомил меня со своей матерью. — Я понадеялась сменить тему. — Она мне показалась довольно странной.

— Она и есть странная, но, опять же, чего еще ждать от матерей, верно? Полагаю, у нас с Иврардом вообще нет никаких причин встречаться — помимо научного общества. Гораздо драматичнее было бы, если бы мы не виделись десять лет, а потом стали бы как та пара в сонете, о котором всегда вспоминают, когда с кем-то расстаются:

И пусть все видят: на челе у нас
Огонь былой любви давно погас[28].

— Рискну сказать, что по прошествии десяти лет человека уже не любишь, — откликнулась я, — поэтому все равно ни капельки любви вы бы не сохранили, и это испортило бы радость встречи.

— Да, скрывать было бы нечего, и скорее всего,

---

[28] Примечания: 28
Майкл Драйтон. «Расставанье».

мы спрашивали бы себя, как могли хоть что-то испытывать. Наверное, лучше вообще забыть про Иврарда, поскольку он, по всей очевидности, не желает иметь со мной дела.

— Да, конечно, было бы лучше. Но забывать не так просто, — неуверенно заметила я.

— Наверное, и вам кого-то пришлось забыть? — так же неуверенно спросила Елена.

— Вроде того, — весело откликнулась я, думая про Бернарда Хизерли, но не желая по прошествии стольких лет вытаскивать на свет ту жалкую историю. — Пожалуй, с каждым такое иногда случается.

— А я-то думала, вам нравится Роки, — сказала Елена, как мне подумалось, с неподобающей прямотой. — В него ведь часто влюбляются.

Я попыталась рассмеяться.

— Вы про военнослужащих из женского вспомогательного?

— Они, конечно, влюблялись, но такого только следовало ожидать. Роки так красиво смотрелся в мундире, и был так добр к ним на приемах, и танцевал со всеми по очереди. Но вы знаете его таким, какой он на самом деле. И я знаю, что вы ему очень нравитесь. Он несколько раз мне говорил.

Последнее отнюдь не послужило мне утешением, и сам предмет разговора был крайне неловким.

— Наверное, мне лучше заняться письмом про мебель, — твердо сказала я. — Если дадите список того, что хотите получить назад, возьмусь написать его сегодня вечером.

— Ах да. — Елена встала. — Вы бы очень мне помогли. Как, по-вашему, священник не пригласит меня выпить? Он сказал, чтобы я дала ему знать, если он может что-то для меня сделать, ведь правда?

— Сомневаюсь, что он именно это имел в виду. Хотя, если он водил выпить Роки, почему бы ему не повести и вас? Но, кажется, сегодня у него вечер молодежного клуба.

Глава 20

Список мебели — не самое удачное начало для письма, хотя рискну сказать, что человек, склонный к полетам фантазии, даже список белья в прачечную способен превратить в поэму.

Я долго сидела за столом, не в силах взяться за карандаш и праздно переворачивая страницы блокнота, в котором вела счета и составляла списки покупок. «Какими увлекательным они были бы, будь это средневековые списки покупок, — думала я. — Но, возможно, и в этих тоже есть пища для поэзии — столько здесь сомнений и знаков вопроса». «Паек по карточкам, зелень, сухое мыло, почтовые марки» казались вполне рациональными и легко объяснимыми, но откуда запись «Красная ленточка?» Зачем мне понадобилась красная ленточка? Какая-то рискованная идея для перелицовки старой шляпки? Но если да, то идея была мертворожденная, поскольку я точно знала, что не покупала ленточку, и вообще маловероятно, что когда-либо стану носить шляпу, отороченную красной лентой. А «пашотница»? Это невоплощенная мечта или амбициозное

стремление купить кухонное приспособление, позволяющее изготовить аккуратное, искусственное с виду яйцо-пашот? Но ничего такого я не купила, и казалось вполне вероятным, что в тех редких случаях, когда у меня заведется свежее яйцо, чтобы сварить его без скорлупы, я и дальше буду ловить его в кипящей воде, где белок отделяется от желтка и колышется, как актиния. Иногда я помечала места или магазины, в которые надо заглянуть. Я наткнулась на название известного римско-католического книжного, опять же со знаком вопроса. Кажется, я там ничего не покупала, но помню, как заходила туда под Рождество, когда подвальное помещение с ярко раскрашенными гипсовыми фигурами манило обещанием тихой гавани среди суеты толп.

Я все листала страницы, пока не дошла до изучения старых счетов за газ и электричество, понимая при этом, что невозможно оттягивать до бесконечности, и в конечном итоге после нескольких фальш-стартов вымучила письмо, начинавшееся со слов «Дорогой Роки», перечислявшее факты, приводящее список мебели и заканчивающееся так: «Надеюсь, вы хорошо обустроились, всегда ваша Милдред». Окончание стоило мне больше тревожных мыслей, чем мог

бы оправдать результат, но мне представлялось, что «всегда ваша» — корректный способ завершить дружеское письмо человеку, к которому, как предполагается, никаких особенных чувств не испытываешь. Рискну сказать, не лишним было бы написать «с любовью», но я не смогла себя на это подвигнуть.

Ответ Роки был совершенно в его духе и, судя по всему, никаких тревожных мыслей ему не стоил.

«Дражайшая М., — писал он. — Елена совершенно заблуждается, и то, что я забрал, определенно МОЕ. Что до голубой формы для запеканки, то признаю: да, действительно это она ее купила, но только для того, чтобы заменить мою, которую разбил Иврард Боун. Поэтому оставим эту чепуху.

Надеюсь, вы здоровы и церковь процветает, и отец Мэлори тоже — или следовало бы написать «о. Мэлори»? Уйма воскресений после Троицы, наверное, сплошная скука, но всему рано или поздно наступает конец!

Обязательно приезжайте как-нибудь меня проведать, и (если погода будет ясная) я угощу вас ленчем с премилым вином в моем заросшем саду.

В спешке и с большой любовью

Р.»

Я сидела над письмом со смесью удовольствия и грусти, но и после того, как выучила его содержание почти наизусть, основным впечатлением от него оставалось удивление. Я не могла себе представить, чтобы Иврард Боун разбил форму для запеканки! Глупый пустяк, но всякий раз, думая об этом, я улыбалась, иногда даже на улице или в автобусе.

Как я и ожидала, Елену письмо возмутило, и она решила не иметь больше никаких дел с мужем и поехать домой к матери в Девоншир. Я не ожидала, что она поведет себя так традиционно, и от этого она почему-то стала мне больше нравиться. Казалось, моя роль в этой злополучной истории подошла к концу, и я могла только надеяться, что случится нечто, что заставит их образумиться. Я начала подумывать… вот если бы снова увидеть Роки, то я могла бы их свести… Мысленно я играла благородную роль на заднем плане сцены их воссоединения и тихонько удалялась приготовить чашку чая. Или постирать. Или погладить. Но хотя Роки писал, что я должна как-нибудь его навестить, определенной даты он не предлагал, а мне не хотелось навязываться.

Стояла середина августа, трудное время в церкви. Череды одинаковых воскресных служб после Троицы не могла избежать даже самая «высокая» церковь, и иногда трудно было упомнить, какая Троица у нас по счету — восьмая, девятая или десятая. Потом и Джулиан Мэлори тоже уехал, оставив вместо себя отца Грейторекса, и наша маленькая община плыла, как корабль без ветрил. По утрам в воскресенье проповеди не было, зато то и дело случались неприятные происшествия: то из кадильницы посыпались искры и напугали стариков, а то один маленький алтарник споткнулся, наступив на полу слишком длинного стихаря, и скатился по ступенькам, от чего остальные мальчики захихикали. В одно воскресенье отсутствовал Тедди Лимон, поскольку поехал с семьей на уик-энд в Маргейт, и подменить его вызвали мистера Конибира, вид у которого сразу сделался, как у рассерженной птицы. У органиста тоже был отпуск, и хотя сестра Блэтт предприняла доблестную попытку занять его место, с хоров то и дело доносились странно нервирующие звуки, произвести которые способен только церковный орган.

Джулиан и Уинифред поехали отдыхать с Аллегрой Грей на ферму в Сомерсете. Я невольно

думала, что трио подобралось не самое удачное, но, возможно, Джулиан счел, что духовному лицу не подобает ехать в отпуск одному с невестой, к тому же оставалась еще проблема, что делать с Уинифред. Я могла бы предложить сама с ней куда-нибудь съездить, если бы не договорилась поехать с Дорой Колдикот в сентябре, как делала это каждый год. Я ждала отдыха как никогда раньше. Мне надо было уехать от всех проблем (по большей части чужих), которые донимали меня последние несколько месяцев. Вдруг, если взглянуть на них издали, они рассеются сами собой? Елена забудет про мебель, Аллегра Грей обернется идеальной женой для Джулиана, Уинифред выйдет замуж или вступит в религиозную общину. Даже древоточцы в тумбах стола Роки вымрут, а последствия их жизнедеятельности устранит чудодейственная мазь, о которой говорила миссис Боун.

Как-то под конец августа, выйдя в час дня на ленч, я увидела, как Иврард Боун рассматривает витрину в некотором расстоянии от нашей конторы. Я тут же испытала острое раздражение. Зачем он тут? Если он хотел меня повидать, то почему не мог, как обычные люди, позвонить и договориться? Мне вспомнилась последняя

наша встреча: я в старом хлопчатом платье, без чулок, с кардиналом Ньюменом и буханкой хлеба в холщовой сумке. Сегодня на мне хотя бы был респектабельный костюм, и никакие хозяйственные покупки меня не обременяли. Я планировала поспешить домой и закончить платье, которое шила к отпуску, поэтому, понадеявшись, что он меня не заметил, развернулась и быстро пошла в противоположную сторону. И не оглянулась, даже услышав позади торопливые шаги. Потом меня окликнули по имени, и мне пришлось остановиться и разыграть удивление.

— А, это вы… — нелюбезно сказала я.

— Да, я вас ждал. Я надеялся, вы пойдете со мной на ленч.

— Тогда почему вы не написали и не позвонили?

— Мне это только сегодня утром пришло в голову. Я был в отъезде. Небольшая археологическая экскурсия в Дордонь.

— Прятались в пещере? — спросила я.

— Да, в кое-каких пещерах я побывал. Но ума не приложу, с чего вы взяли, что я прятался.

— Не важно, — ответила я, несколько пристыженно. — Просто шутка. Но я думала, ваша специальность — антропология.

— Да, но, понимаете, все взаимосвязано. Археология лучше подходит к отпуску.

— В Бретани ведь каменные круги, да? — Я постаралась проявить научный интерес. — И опять же, есть еще Стонхендж.

Я вспомнила, что папа интересовался Стонхенджем, и словно бы увидела, как все мы сидим вокруг обеденного стола: мама: папа, младший священник (не помню, который именно) и каноник с женой. Мы говорили о Стонхендже, и вдруг погас свет. Помощник священника издал испуганный возглас, но голос каноника продолжал без тени дрожи (он до сих пор звучит у меня в ушах), как ни в чем не бывало. Мама стала собирать и зажигать свечи, а каноник продолжал развивать свою теорию о том, как именно огромные камни перенесли на равнину Салисбери. Выступление было впечатляющим и вскоре было вознаграждено (так мне, во всяком случае, чудилось) епископским саном. Вспоминая об этом после стольких лет, я улыбнулась.

— Да, есть еще Стонхендж, — довольно сухо отозвался Иврард.

Мы шли молча, пока не вышли на площадь, где было несколько ресторанов.

— Вы так и не сказали, пойдете ли со мной на

ленч, — прервал молчание Иврард, — но, поскольку мы двигаемся в нужном направлении, полагаю, что пойдете.

— Да, наверное, — безразлично ответила я, а потом сообразила, что не слишком хорошо себя веду.

Для извинений как будто было слишком поздно, и я рассердилась, что он пробуждает во мне самое худшее, но все же попробовала исправить ситуацию, сказав:

— Наверное, вы считаете меня крайне невоспитанной, но сегодня просто не мой день. В последнее время это как будто случается все чаще.

— Полагаю, вы расстроены происходящим.

— Да, пожалуй, можно принять такое оправдание. Всегда расстраиваешься, когда с друзьями случается… разное.

Мы вошли в ресторан, и нас провели за столик. Лишь когда мы сели, я сообразила, что это тот самый, где мы весной ели ленч с Уильямом Колдикотом.

— А что именно случилось? — небрежно спросил Иврард.

— Роки уехал за город, а Елена — к матери в Девоншир.

— Какое облегчение, — сказал он и, просмотрев меню, заказал ленч с гораздо меньшей суетой, чем Уильям.

— Не знаю, стоило ли взаправду ожидать чего-то иного. Женщины, поссорившись с мужьями, обычно уезжают домой к матери, если, конечно, у них есть мать.

— Я никак ее не поощрял, — сказал Иврард почти удовлетворенным тоном.

— Нисколько не сомневаюсь, — отозвалась я, рассматривая закуски. — Не могла бы представить такое с вашей стороны.

— Разумеется, — продолжал он с ноткой предостережения, — когда-нибудь я, вероятно, женюсь.

— Да, мужчины обычно так поступают, — пробормотала я.

— Трудность в том, чтобы найти подходящую женщину.

— Возможно, не следует так целенаправленно искать, — предложила я. — То есть не подыскивать кого-то, на ком можно жениться, как если бы вы собирались купить сковороду или форму для запекания.

— По-вашему, это следует оставить воле случая? Но тогда женщина может оказаться крайне

неподходящей.

Мысль о выборе мужа или жены как формочки для запекания напомнила мне про письмо Роки, в котором говорилось, что Иврард разбил одну такую. Наверное, на лице у меня мелькнула улыбка, поскольку Иврард сказал:

— Кажется, вы находите это забавным. Я об идее жениться на ком-то подходящем.

— На самом деле я не над этим улыбалась. Просто не могу себе представить, что вы разбили форму для запекания.

— Ах это! — довольно раздраженно откликнулся он. — Елена поставила ее в духовку, чтобы разогреть, а когда я за нее взялся, она оказалась такой горячей, что я ее уронил.

— Да, вполне объяснимо. Жаль, что вы не воспользовались кухонной прихваткой.

— Но она всего пять минут простояла в духовке. А кроме того, кажется, там и прихватки никакой не было.

— У меня она всегда висит на гвоздике возле плиты.

— Ну, вы-то человек разумный. Как раз такого от вас и ждешь.

«Боже ты мой, вечно меня ставят на место!» — подумала я, мрачно гоняя кусок рыбы на та-

релке. Даже если бы приглашение на ленч мне польстило, теперь меня припечатали как человека, у которого возле плиты висит на гвозде прихватка.

— Вы женились бы на Елене, не будь она уже замужем? — храбро спросила я.

— Определенно нет, — заявил он. — Она совсем не та женщина, какую я выбрал бы себе в жены.

— И какой была бы мисс Та Идеальная?

— Ну, здравомыслящей особой, — туманно ответил Иврард.

— Кем-то, кто помогал бы вам в работе? — предположила я. — Кем-то со знанием антропологии, которая умела бы вычитывать гранки и составлять указатели. Может быть, такая, как мисс Кловис?

— Мисс Кловис, несомненно, очень способная, — с сомнением отозвался он. — И вообще замечательная женщина.

— Вы способны думать о женитьбе на замечательной женщине? — изумленно спросила я. — Но они же не созданы для брака!

— Надеюсь, вы не намекаете, что они созданы для чего-то другого? — улыбнулся он.

Такое мне точно в голову не приходило, и я почти рассердилась, поймав себя на том, что

смущена.

— Они — для того, чтобы остаться старыми девами, — сказала я, — то есть в позитивном, а не в негативном смысле.

— Значит, бедняжкам не позволено иметь нормальных чувств?

— Да нет, позволено, но пусть уж они лучше о них молчат.

— Разумеется, я уважаю и высоко ценю Эстер Кловис, — продолжал Иврард.

— О, высокая оценка, уважение… На таких сухих материях далеко не уедешь! Наверное, можно питать подобные чувства, но того, кто их вызывает, скорее уж хочется возненавидеть. И вообще, мисс Кловис намного старше вас, и выглядит она странно. У нее волосы — как шерсть у собаки.

Иврард рассмеялся.

— Вот это точно.

Тут мне стало стыдно, что я насмешила его несправедливой критикой в адрес замечательной мисс Кловис, поэтому я попыталась сменить тему, заговорив о других обедающих дамах в более милосердном (хотелось бы думать) ключе. Но он не соглашался, что вон та женщина красива, а вот эта элегантна, и, наконец, повисло неловкое молчание, которое вдруг прервал человек, произ-

несший мое имя.

Это был Уильям Колдикот.

Когда я представила Уильяма Иврарду, он тут же завладел разговором.

— Слава богу, что хотя бы кто-то из друзей настолько старомоден, что их можно застать в городе в конце августа, — изрек он. — Тогда и сам себя не слишком стыдишься, хотя, полагаю, в наши дни женщины уже не считают, что должны летом выходить на улицу обязательно под вуалью и в темных очках, а дома сидеть с опущенными занавесками.

— Нет, но, думаю, уйме людей приходится оставаться в Лондоне весь август, — сказала я, вспомнив очереди на автобус и терпеливые вереницы тех, чьи подносы ползли по ленте транспортера в огромных столовых.

— Да, даже таким, как мы, — согласился Уильям. — Но что бы сказала моя бедная мама!

Я представила себе старую миссис Колдикот, с комфортом расположившуюся в уродливой гостиной своей виллы на окраине Бирмингема, но не стала напоминать Уильяму, как его матушка любила ездить в Лондон в августе (она называла это «августовской вылазкой») и водворяться в каком-нибудь безвкусно обставленном отеле,

какие являлись и, возможно, до сих пор являются меккой провинциальных туристов, особенно когда чаевые включены в счет и тем самым можно избежать неловкостей. Мой отец предпочитал тихую сумрачную гостиницу неподалеку от Британского музея, — чтобы жить поближе к читальным залам и, возможно, встретить кого-то из священников, учившихся в Байоле в начале тысяча девятисотых.

— Да, август не самый приятный месяц в Лондоне, — сухо заметил Иврард. — Столько библиотек и музеев закрыты.

— И в клубе уборка, — тянул нараспев Уильям. — Так не кстати.

— Но «Лайонс-Корнер-Хаус» всегда открыт, — напомнила я ему, стараясь сообразить, какой же клуб у Уильяма и имеется ли таковой вообще. Едва ли он заглянул в ресторан по пути в клуб, поскольку я заметила, что в руке у него два рогалика.

— Хлебушек для моих голубей, — объяснил он. — Я их кормлю каждый день после обеда. Милдред знакома с ритуалом. Ну, Милдред, ты, наверное, поедешь отдыхать, как всегда, с Дорой? Надо нам встретиться за ленчем, когда вернешься, — добавил он, бросая подозрительный взгляд

на Иврарда.

Осенью? Я так удивилась, что едва не переспросила вслух, поскольку наш ежегодный ленч всегда приходился на март или апрель.

— Да, неплохо было бы, — откликнулась я. — Мы с Дорой пошлем тебе открытку.

— Так приятно быть другом, которому посылают открытки, — отозвался Уильям. — Все эти безликие «виды», где слишком много моря или слишком много гор и ваше окно помечено крестиком, или даже другие, более игривые, с полными дамами на осликах…

Помахав нам на прощанье рогаликами, он поспешил прочь.

— Кто это был? — вежливо спросил Иврард.

— Брат моей школьной подруги. Он служит в каком-то министерстве. Я знакома с Колдикотами много лет.

— Я было решил, что он друг Нейпиров. Вы больше о них известий не получали? — спросил он чересчур небрежно.

— Роки уехал за горд, а Елена — к матери в Девоншир, — начала я, — но это я уже говорила. И мне приходится писать письма по поводу мебели и договариваться о ее перевозке.

— И никакой речи о каких-либо… шагах? — де-

ликатно спросил он.

— Вы про развод? Нет, не думаю. Очень надеюсь, что нет.

— Да, развод не вызывает одобрения, — заметил Иврард немного в духе Уильяма. — Но даже если расставание только временное, перевозка мебели представляется дурным знаком.

— Боже ты мой, неужели грузчикам придется заносить все назад! И как я об этом не подумала! Пожалуй, проеденный древоточцем стол этого не перенесет и действительно развалится.

Вид у Иврарда стал недоуменный.

— Когда двигали стол Роки, оказалось, что тумбы сзади проедены древоточцем, — объяснила я. — Я едва не позвонила вашей матушке, чтобы спросить совета.

— О, мама вот уже две недели как в Борнемуте, — быстро сказал Иврард, словно не мог вынести мысли, что кто-то из Боунов соприкоснется хотя бы с мебелью Нейпиров.

— Тогда и звонить ей было бы без толку, — ответила я, надевая перчатки и подбирая платок и сумочку. — Большое спасибо за ленч.

— Очень приятно было вас повидать, — отозвался он чересчур вежливо для искренности, как мне показалось. — Надо будет увидеться, когда

вы вернетесь из отпуска. Надеюсь, вы хорошо отдохнете.

Я поблагодарила, но не предложила послать открытку, поскольку, в отличие от Уильяма, Иврард как будто был не из тех, кому посылают открытки. Хотя, подумалось мне, если подыскать что-нибудь антропологическое или археологическое, какой-нибудь каменный круг, курган или любопытный местный обычай (разумеется, что-то совершенно серьезное, без шуток про отмеченные крестиком окна или полных дам), открытка может быть принята с удовольствием.

Глава 21

— Разумеется, ужасные дожди бывают в Швейцарии или в Австрии в горах, и даже в Италии в определенное время года, — весело сказала Дора, когда мы стояли у она гостиной в отеле, глядя на зарядивший проливной дождь.

— И в Африке, и в Индии тоже, — добавила я.

— Да, но там сезоны дождей и засухи четко определены, — отозвалась тоном школьной учительницы Дора. — Зависит от муссонов и еще много чего.

— Можно сходить после полудня посмотреть аббатство, — предложила я — раз уж так сыро.

— Ну да, наверное. — Дора не слишком любила архитектуру, но была заядлой туристкой. — Поедем на автобусе.

Автобусная остановка находилась возле самой гостиницы, и когда мы пришли, там уже ждали несколько человек. Подошла группка маленьких черных священников из расположенной по соседству римско-католической семинарии и пристроилась в очередь за нами. Дора подтолкнула меня локтем.

— Точь-в-точь стайка жуков, — шепнула она. — Надеюсь, нам не придется сидеть рядом с ними. Готова поспорить, они постараются протиснуться впереди нас.

Автобус пришел почти полный, и кое-кто из священников остался на остановке. С высоты второго этажа Дора поглядела на них с триумфом.

— Поделом им, — злорадствовала она с высоты второго этажа. — И папе со всеми его догмами!

— Бедняги, — запротестовала я, пожалев промокших черных жуков, которым придется ждать еще двадцать минут. — Они-то не виноваты.

— Наверное, в аббатстве будет кишеть попами и монашками, — продолжала Дора с фанатичным блеском в глазах.

— Естественно, их там будет много. Для них ведь это своего рода паломничество, и приятно сознавать, что аббатство было построено самими монахами. Но, полагаю, там и обычных туристов будет достаточно.

Сойдя через полчаса с автобуса, мы очутились в чистом поле: куда ни глянь — пустошь, и никаких признаков аббатства. Какая-то женщина спросила у меня дорогу.

— Кажется, туда, — ответила я, указывая на как будто единственную тропинку.

— Спасибо большое, — отозвалась она. — Надеюсь, вы не в обиде, что я спросила, у вас такой вид, точно вы знаете, куда идти.

Я размышляла над значением ее слов, пока мы шли разрозненной вереницей, возглавляемой мной и Дорой. Даже священники приняли наше руководство. Все казалось торжественным и чудесным.

— Могли бы поставить указатель: «К аббатству» или хотя бы стрелку, — удовлетворенно ворчала Дора. — Интересно, чашку чаю мы там сможем найти? Полагаю, о таком способе заработка там подумали.

Завернув за следующий поворот, мы наткнулись на довольно новые с виду и как будто церковные строения.

— Наверное, это здесь, — сказала Дора.

— Надеюсь. — Я испытала большое облегчение, что аббатство наконец нашлось, потому что ужасно было бы, если бы я сбила священников с пути истинного. — Давай поищем группу с экскурсоводом.

— Если хочешь, — отозвалась Дора, — хотя я бы лучше сама побродила. Будь уверена, всего нам тут не покажут, — мрачно намекнула она. — Как в тех турах в Россию.

Пространство перед аббатством заполнялось туристами, прибывшими на машинах или автобусах, а то и пешком. Имелась тут и большая парковка, и, ткнув меня локтем, Дора указала на табличку с большой буквой «Ж», и еще одну, где большими буквами значилось «ЧАЙ».

— Я же тебе говорила, что тут все поставлено на коммерческую ногу.

Я промолчала, поскольку мы уже вошли в аббатство и меня ошеломило ощущение сияния и света. Стены казались свежими и чистыми, кругом поблескивало золото, и стойкий запах ладана казался почти гигиеничным. Здесь сентиментально к Риму не обратишься, думала я, ведь тут нет ни теплой розоватой темноты, в которой можно спрятаться, ни уютной путаницы доктрин и догм. Здесь все взвешено, подвергнуто осмыслению и разложено по полочкам, как, в сущности, и следует.

Подтянутый молодой монах в очках без оправы взялся опекать нашу экскурсию, или, точнее, группу туристов, к которой мы присоединились, поскольку общество оказалось очень и очень смешанное: несколько молодых солдат в форме, два священника, молодые и пожилые пары, стайка, как оказалось, англо-католических дам

того сорта, что предлагают услуги компаньонок в «Церковных ведомостях», и несколько непримечательных или не поддающихся классификации личностей, к числу которых, наверное, следовало причислить и нас с Дорой, хотя, рискну сказать, я была бы вполне счастлива среди англо-католических дам.

Мы с благоговением и восхищением переходили с места на место, а наш гид терпеливым доброжелательным тоном объяснял историю и смысл разных вещей.

— Не уверен, что среди вас есть католики, — вкрадчиво сказал гид. — Поэтому вы едва ли понимаете значение Девы Марии.

Англо-католические дамы сгрудились теснее, точно стремились отмежеваться от остальной группы. Они возмущенно зашептались, а одна даже как будто готова была запротестовать. Но в конечном итоге, возможно, вспомнив о манерах или о том, как сложно спорить с католиком, они успокоились и стали терпеливо слушать. Дора, казалось, готова была взорваться, хотя и по иным причинам, и я боялась, что она вот-вот затеет спор с гидом, но, по всей очевидности, она тоже передумала и угрюмо перешла к следующей достопримечательности.

— Разумеется, бесполезно им что-либо говорить, — бормотала она. — Они все зазубрили и повторяют теперь как попугаи. Мне надоело, что меня так водят. Пойду сама все разведаю.

Когда экскурсия закончилась, я застала ее под стенами аббатства, глаза у нее победно сверкали.

— Надеюсь, ты не положила ни в какой ящик денег? — спросила она. — У них тут за углом лавка, где торгуют четками и иконками, и еще всяким раскрашенным хламом. Представить себе не могу, зачем кто-то покупает такие вещи!

Я попыталась объяснить, что у римских и даже не римских католиков считается, что это приносит утешение и помогает в молитве, но Дора никаких доводов слушать не пожелала.

— Тут у них некоторые проходы перекрыты веревками, — сказала она, понизив голос. — Я же говорила, что всего нам увидеть не позволят. Интересно, а там что происходит?

— Наверное, там жилые помещения самих монахов. Трудно ожидать, что туда позволят зайти.

— А мне бы и не захотелось, — обиженно отрезала Дора. — Никаким калачом не заманишь. — Перехватив покрепче зонт, она взмахнула им наподобие меча.

— Тогда пойдем поищем, где выпить чаю. После

пищи духовной — пища телесная.

— Боюсь, никакой духовной пищи я не получила, — возразила Дора. — Совсем наоборот, от запаха ладана я совсем больная. Он и в здешнюю чайную, наверное, проник, и вообще мне не нравится, как она выглядит. Может быть, на обратном пути что-нибудь найдем, как по-твоему?

— Да, мы, кажется, проходили через приятную деревню, — предположила я. — Кстати, там живет мать Елены Нейпир, и Елена сейчас у нее. Помнишь черно-белое кафе, которое мы видели из автобуса?

— «Старая добрая сорока»? Да, можно туда сходить.

— Никогда не знаешь наперед, вдруг мы встретим Елену.

— Не можешь ты держаться подальше от этих Нейпиров, — добродушно уколола Дора. — Хотя мне почему-то думается, что тебе хочется повидать совсем не Елену.

Я не нашла подходящего ответа, поэтому предоставила Доре считать как ей вздумается. Очевидный и легкий шарм Роки сам по себе был защитой, ведь нельзя же заподозрить разумную женщину в каких-то чувствах к такому человеку. Мне пришлось признаться себе, что мысль

о встрече с Еленой не доставляет мне особого удовольствия, но я, казалось, была в своего рода долгу перед Иврардом Боуном, поэтому следовало узнать, как она поживает и каковы последние события, если они вообще имели место.

Я никак не ожидала столкнуться с ней так скоро: с корзинкой для покупок Елена стояла у дверей «Старой доброй сороки». Едва мы обменялись подобающими восклицаниями удивления и даже некоторого удовольствия, она сказала:

— Мама послала меня купить кексы. К чаю придет местный пастор.

— Это станет для вас приятным разнообразием, — заметила Дора весело и, как мне показалось, нахально.

— А разве вы не знали? Я великолепно лажу с духовными лицами. Отцу Мэлори я пришлась очень по душе, правда, Милдред? И он попросил дать ему знать, может ли он что-то для меня сделать.

— Они всегда так говорят, — парировала Дора, — и изо всех сил надеются, что ничего такого не произойдет. Это входит в их обязанности.

— Брось, перестань, — возразила я, но боюсь, довольно слабо. — Джулиан делает много добрых дел, и другие священники тоже. Он даже повел

бы Елену выпить, если бы она действительно этого хотела.

— Только вышло так, что это был вечер молодежного клуба, и нечто подобное всегда будет ему мешать, верно? — довольно печально заметила Елена. — Мама — истинная святая клуша. Они с Милдред отлично поладили бы.

— Два сапога пара, — предсказуемо откликнулась Дора.

— Вам правда стоило бы прийти к нам на чай, — чуть помешкав, сказала Елена, — но может выйти немного неловко. Пожалуй, я выпью с вами чашечку.

Зайдя в кафе, мы сели за шаткий круглый столик, который был маловат для троих. После довольно долгого ожидания появилась молодая женщина с распущенными волосами и темно-красным лаком на ногтях, которая приняла заказ.

Елена, не обращая внимания на Дору, принялась меня расспрашивать. Видела ли я Роки? Писал ли он мне? Навестила ли я его в коттедже? На все эти вопросы я ответила отрицательно и добавила только:

— Он писал что-то о том, чтобы я его навестила, но мы ни о чем конкретном не договорились.

— Надо думать, начисто про это забыл, — сказала Елена, — совершенно в его духе.

— Да, наверное, забыл. — Я пониже наклонилась над заварочным чайником.

Разливать чай Елена с Дорой предоставили мне, и пока девушка не принесет еще кипятку, полной чашки мне не получить.

— Вы должны с ним повидаться, — говорила тем временем Елена, — или по крайней мере ему написать. Нам правда нужно уладить эту глупую ссору, или что это было. Представить себе не можете, какая тут тоска! Я так несчастна!

— Полагаю, мама вам очень рада, — желая помочь, предположила я.

— О да! В моей старой комнате все осталось не тронуто — это так угнетает. Девчачья, выкрашенная белым мебель и покрывала в мелких розочках… Даже фотографии бывших ухажеров на каминной полке!

— А я считаю, белая мебель очень хороша для спальни, — вставила Дора. — Обязательно попробуйте слоеный пирог, очень вкусно.

— Надо же, после стольких лет найти на каминной полке фотографии бывших парней, — продолжала Елена, отказавшись от пирога.

— Да, пожалуй, такое может выбить из ко-

леи, — согласилась я, и, как водится, перед моими глазами возникло лицо Бернарда Хейзерли: снимок за стеклом немного потускнел, но не настолько, чтобы смотреться романтично викторианским. — А перед отъездом вам не пришло в голову убрать их в коробку или в ящик стола? Там им было бы самое место.

— Сами знаете, как это было в войну. Так много всего бросали… — Елена встала. — Мне пора. Видите, уже пастор из дому вышел. Он, наверное, направляется к нам.

Выглянув в окно, я увидела кругленького веселого человечка, взгромоздившегося на велосипед.

— А он знает, — начала я, — то есть ему рассказали о?..

— Ах, Милдред, ваша тактичность просто восхищает! — Елена впервые рассмеялась. — Уверена, мама все ему уже рассказала. Она ничего не может утаить от духовного лица.

— Ну, как я говорила, они часто способны помочь.

— От вас пользы больше, чем от любого священника. Обещайте, что как можно скорее напишете Роки и расскажете обо мне.

Я сказала, что постараюсь.

— Но только поскорее, Милдред. Какая-нибудь военнослужащая уже могла его захапать. И только подумайте, как благородно вы сами будете выглядеть! Посредница, воссоединяющая семьи!

Я согласилась, что это звучит действительно благородно, а про себя подумала, что в этой роли, как и во многих благородных делах, есть что-то пугающе холодное.

После ухода Елены мы с Дорой немного посидели в молчании.

— Так-так, — наконец произнесла Дора с тем удовлетворением, с каким она обычно отмахивалась от сложностей жизни, — некоторые просто не умеют ценить того, что им досталось. А на мой взгляд, так это просто замечательно.

— Замечательно?

— Комната с белой мебелью и покрывала в мелкие розочки. Разумеется, у нас в школе комната служит одновременно гостиной и спальней, так что ничего элегантного туда не поставишь, но я как раз подумывала обзавестись осенью покрывалом на диван и, возможно, шторами к нему в тон. Ты же помнишь, у меня коричневый ковер, и комната обычно выдержана в голубом и оранжевом. Что скажешь, Милдред?

— Ну… покрывало в цветочек смотрелось бы

очаровательно, — рассеянно отозвалась я.

— Но тебе не кажется, что это будет слишком? Еще и шторы в цветочек?

— Нет, конечно нет.

— Мелкие розочки, возможно, не удастся найти, но попробовать стоит.

— Да, придется попробовать.

— За кафе, кажется, есть садик. Пойдем на него посмотрим? — Дора вскочила из-за стола. — Дождь как будто перестал.

Через заднюю дверь залы мы прошли в другое помещение, тоже заставленное шаткими круглыми столиками, но сейчас пустующее. Тут было сыро, холодно и тихо, и столы следовало бы отполировать. На одной стене висела старая, вся в пятнах от старости гравюра с изображением молодого человека байронической наружности, который напомнил мне Роки. Отсюда открывалась дверь в романтический садик, окруженный высокими стенами, с увивавшего их плюща капала вода.

— Какое унылое место! — воскликнула Дора. — Неужели нельзя было оживить его парой полосатых зонтов?

— В сезон мы выставляем зонты, мадам, — оскорбленным тоном отозвалась официантка.

Она вышла следом с нашим счетом, точно боялась, что мы сбежим, не заплатив за чай. — Но, разумеется, сейчас посетителей на ленч и чай у нас немного, лето ведь уже закончилось.

«Да, — грустно подумала я, — сезон почти закончился, и в маленьком садике задержалась лишь одна, последняя летняя роза».

— Дом, наверное, старинный, — сказала я вслух, — почти Елизаветинской эпохи.

— За это ничего не скажу, мадам, но раз уж он зовется «Старая добрая сорока», то, наверное, старый, — отозвалась девушка. — Жаль, что хозяева жалеют на него потратиться и хотя бы малость осовременить. На кухне просто ужас какой-то.

— Мне не хочется в сад, — сказала Дора. — Сыро там как-то. Мы ведь не хотим выходить, верно?

— Нет, думаю, не хотим.

За стеклом плющ увил каменного купидона на маленькой лужайке, и сам садик казался чрезвычайно меланхоличным.

— Интересно, а есть открытки с видами этого сада?

— Чтобы послать Уильяму?

— Да, возможно, Уильяму, хотя я одну ему уже послала.

— Ага, но не пережимай, не то он решит, будто

ты за ним бегаешь.

Я согласилась, что действительно не стоит, и вообразила себе глаза-бусинки Уильяма — округлившиеся и испуганные. Но открыток с видом «Старой доброй сороки» не нашлось вообще никаких, и даже если бы я расхрабрилась послать открытку Роки, то все равно не смогла бы написать о последней розе лета и облаченном в плющ купидоне.

— Как раз поспеем на пятичасовой автобус, — сказала Дора. — Если он не забит теми жуткими попами.

На остановке мы оказались в самом конце длинной очереди, а когда автобус пришел, место нашлось лишь для полудюжины пассажиров. Я заметила, как с верхней площадки на нас смотрит группка священников, и мне почудилось, что папа и его догмы в конце концов взяли верх.

Глава 22

Неделю спустя я сидела за своим письменным столом, сочиняя очередное письмо Роки. Был один из тех печальных вечеров конца сентября, когда, включая электрообогреватель, понимаешь, что лето безвозвратно прошло. Я уже полчаса пыталась начать писать, но вместо этого слушала, как за окном тяжело стучит проливной дождь. Я не писала, поскольку не знала что сказать. О мебели писать было уже трудно, но бесконечно сложнее было сказать Роки, что Елена жалеет об их ссоре и что они должны помириться, что он должен принять ее назад. Но, с другой стороны, кто кого должен принять назад? В этом была вся суть, ведь я забыла, если вообще когда-нибудь доподлинно знала, кто из них виноват. Неспособность как следует помыть салат, горячая кастрюлька, небрежно поставленная на ореховый стол… сейчас мне казалось, что все сводилось к этому. Но оставался еще Иврард Боун… Какую роль он тут сыграл? Казалось бы, она свелась к роли встревоженного наблюдателя, которому не хочется никаких «неприятностей». Я улыбнулась

про себя, вспомнив тщательно составленные фразы на открытке, которую я ему послала. «Дольмен в Дартмуре» — хотя бы название звучало приятно для слуха. «Мы сегодня туда ходили… Вы там бывали? Красивейшее место. По счастью, погода стоит ясная, и вид открывается замечательный. С добрыми пожеланиями — м. Лэтбери». С такой двусмысленной подписью, которой я обычно не пользуюсь, я могла бы быть и мужчиной, и женщиной, впрочем, фразы слишком уж мужскими не назовешь. Уильяму Колдикоту повезло больше: он получит отличную картинку с оркестровым помостом к Брильянтовому юбилею королевы Виктории и с несколькими шутками, слишком банальными, чтобы их тут повторять. Подходящей открытки для Роки я не нашла.

«Дорогой Роки… — Взяв чистый лист бумаги, я вернулась к письму. — Я только что возвратилась с отдыха в Девоншире, где случайно встретила Елену». Хорошее, четкое начало. Я напишу, что она выглядела скучающей и несчастной, а потом, возможно, спрошу, как у него дела. Затем надо будет ввести более личную ноту… «Не сочтите за назойливость, но мне кажется…» Что мне кажется? Я задумалась, слушая, как дождь застучал сильнее… И почему, собственно, он должен обра-

щать внимание на мои слова?

Пронзительная трель дверного звонка заставила меня вздрогнуть, точно у меня за спиной выстрелили из пистолета. Это еще кто? Час, конечно, не слишком поздний, чуть больше половины десятого, но я понятия не имела, кто бы мог заглянуть ко мне без предупреждения, да еще в такую дождливую ночь. Я довольно неохотно спустилась на один пролет, но, услышав, как дождь барабанит по крыше, поспешила, сообразив, что стоящий у двери, наверное, промок до нитки.

Только я начала поворачивать ручку, как услышала, что меня окликают по имени. Голос принадлежал Уинифред Мэлори. Ее я никак не ожидала, поскольку считала, что она уютно устроилась у камина с Джулианом и Аллегрой в доме священника, где мне в последнее время как будто не были рады.

— Ах, Милдред, слава богу, что вы дома!

Втянув ее внутрь, я поняла, что на ней сухого места нет. Потом заметила, что она без пальто и шляпы, что на ней лишь тонкое платьишко, а на ногах что-то вроде тапочек, раскисших от воды.

— Уинифред? Что вы делаете в таком виде? Вы, должно быть, с ума сошли, раз вышли даже без зонтика.

Наверное, говорила я резко, поскольку она отшатнулась, словно собиралась снова уйти, и я увидела, что она плачет. Поэтому я повела ее к себе в гостиную и, усадив в кресло перед калорифером, поймала себя на том, что включаю вторую батарею и втыкаю в розетку электрический чайник еще прежде, чем подумала, что это надо сделать.

— Ни минуты дольше не могла остаться в одном доме с этой женщиной! — вырвалось у Уинифред.

— С какой женщиной? — глупо переспросила я, думая, как же мелодраматична Уинифред со своим «эта женщина»: ведет себя словно персонаж пьесы или романа.

— С Аллегрой Грей, — запинаясь, выдавила та, заливаясь слезами.

Я была так поражена, что не нашлась что ответить, а только не к месту подумала: ну почему любая проблема обязательно застает меня с чайником в руках?

— Но я считала, что вы такие хорошие подруги, — только и сказала я, когда слова все-таки нашлись.

— Ну, поначалу, наверное, но откуда мне было знать, какая она на самом деле. Так ужасно, когда

тебя обманывают, так ужасно думать о человеке, что он такой, а потом узнать, что он совсем другой.

Разумеется, тут вышло наружу все, что я сама думала об Аллегре Грей, но тогда — еще без видимой причины. Получалось, что трения между ней и Уинифред начались задолго до того, как они поехали вместе отдыхать.

— Помните цветы, которые леди Фармер прислала в церковь на Троицу?

— Да. Лилии, кажется.

— Да-да. Мы с Аллегрой тогда украшали алтарь, и, естественно, я сочла, что туда надо поставить лилии, но она забрала себе в голову, что их надо поставить на пол сбоку, а на алтарь — пионы и дельфиниумы. Я ей объяснила, что мы никогда не ставим пионы на алтарь, и леди Фармер, разумеется, ожидает, чтобы цветы, которые она прислала, были на алтаре…

Внезапно на меня навалилась огромная усталость, и я подумала, что подобные мелкие свары возникают по всей Англии и, возможно, даже по всему свету, где есть церковь и группка женщин при ней. Кафедру отдали украшать не той, кто всегда делал это раньше; чьи-то цветы спровадили на дальнее окно; едкие замечания, дескать,

ручки не так начищены, а ведь такая-то вот уже тридцать лет так их чистит… А теперь еще и лилии леди Фармер на полу, а на алтаре — пионы… Неслыханно! Но, разумеется, это было еще не все. Мелкая дружеская критика, подтрунивание, которое становится все менее добродушным… «Нам обязательно надо что-то сделать с вашей манерой одеваться, Уинифред… Уинифред, вы уже строите планы, что будете делать, когда мы с Джулианом поженимся?.. Где вы собираетесь жить?» А потом брошенные мельком хлесткие предложения: меблированные комнаты в Ист-Энде, религиозная община… «Дорогая Уинифред, мне кажется, вы как раз тот человек, кто принес бы обеты…» или «недорогой и удобный пансион в Борнемуте, полный престарелых…».

— Но, Милдред, я же не престарелая! Я всего на год или два ее старше! — ворвался в мои мысли жалобный голос Уинифред, и я поспешила заверить ее, что нет, конечно, она не престарелая.

— Я всегда думала, что мы так счастливо будем жить втроем. Ничего другого я и представить себе не могла. Джулиан ни разу даже ни на что такое не намекнул.

— Конечно, он ничего бы такого не сделал, — сказала я. — Возможно, это прозвучит цинично,

но разве вам не кажется, что мы иногда оставляем разрешать наши затруднения другим или ждем, что затруднения разрешатся сами собой? В конце концов, молодоженам действительно может хотеться остаться одним, — продолжала я как можно мягче. — Вы не задумывались, что, когда они поженятся, вам надо будет подыскать себе жилье?

— Боюсь, что нет, но я не так много знаю замужних или женатых. И мне никогда не приходило в голову, что Джулиан может жениться. Мужчины такие странные, — сказала она растерянно, словно впервые с этим столкнулась. — Он всегда говорил, что никогда не женится. Понимаете, Милдред, я всегда думала, как мило было бы, если бы вы с ним…

— Об этом и речи не заходило, — быстро прервала ее я. — А где, собственно, был Джулиан сегодня вечером, когда все это случилось? Не позволил же он выбежать вам из дома под дождь?

— Нет-нет, у него сегодня собрание молодежного клуба, и он ушел сразу после ужина, иначе Аллегра ни за что бы так себя не повела. При нем она всегда со мной очень мила. Он считает, что у нее такая тонкая и нежная натура.

— Да, мужчины иногда дают водить себя за нос,

никогда не видят ужасных глубин, как мы. — «Пес под кожей»[29], подумала я, а потом вспомнила, что это название остроумной пьесы, на которую как-то водил меня Уильям Колдикот, и это выражение тут не вполне применимо.

Некоторое время мы сидели молча, и я думала о неоконченном письме Роки, лежавшем у меня на столе.

— Когда вернется Джулиан? — спросила я. — Мне, вероятно, стоит пойти с вами в пасторат, когда вы будете уверены, что он уже дома.

— Но, Милдред, я так надеялась, что смогу переехать к вам, — с ужасающей простотой ответила Уинифред.

На мгновение я потеряла дар речи, но поняла, что должна хорошенько подумать, прежде чем ответить. Легкие отговорки, вроде сложностей с поисками пары чистых простыней, не нуждающихся в починке, тут не помогут. Мне надо спросить себя, почему мысль о том, чтобы разделить свой кров с Уинифред, к которой я действительно очень хорошо относилась, наполняет меня дурными предчувствиями. Возможно потому, осознала я, что, едва я ее впущу, это будет

---

[29] Примечания: 29

Пьеса Х.У. Одена, написанная в 1935 г. в соавторстве с К. Ишервудом и посвященная метаморфозам людей и обстоятельств.

уже навсегда. Ее потом никуда не денешь, даже если мои собственные обстоятельства изменятся, например, если я задумаюсь о том, чтобы самой выйти замуж. А от мысли, что выйду замуж, я вдруг рассмеялась — слишком уж фантастичным это казалось.

В ответ на мой смех Уинифред неуверенно улыбнулась.

— Конечно, я, возможно, слишком о многом прошу. — Она запнулась. — Но вы всегда были ко мне так добры. Разумеется, я буду платить, — быстро добавила она.

«Правда в том, — подумала я, снова взглянув на письмо на столе, которое сегодня уже никак не закончить, — что я сама измучила себя тем, что взваливаю себе на плечи чужие проблемы. И к тому же я стала эгоистичной и прикипела к своим привычкам, и жить со мной будет довольно несладко». Не могла же я добавить, что кровать в свободной комнате жесткая и что Доре, возможно, захочется приехать ко мне погостить. Но, очевидно, какой-то жест в помощь Уинифред сделать было необходимо.

— Ну конечно, на день-другой вы можете остаться, во всяком случае, пока мы не поймем, как все обернется.

Она поблагодарила меня, и мы еще помолчали, точно обдумывая, что подразумевает вторая часть моей фразы. После своего «жеста» я почувствовала себя лучше, и мы вместе занялись поисками простыней и каких-нибудь одеял. Мы как раз закончили застилать кровать в свободной комнате, когда снова раздался звонок во входную дверь — настоятельный и нетерпеливый.

Спустившись, я застала на пороге Джулиана Мэлори. Он был без шляпы и в накинутом на плечи черном крапчатом макинтоше, какие носят только духовные лица. Вид у него был взволнованный и расстроенный. Я не могла взять в толк, почему он держит в руке ракетки для пинг-понга, но потом вспомнила, что сегодня вечер его молодежного клуба.

— Где Уинифред? — резко спросил он. — Вы сегодня вечером ее видели?

— Да, она у меня. Она поживет у меня день-другой. После того, что случилось, — добавила я с некоторой неловкостью.

— Это совершенно невозможно, — отрезал Джулиан. — Вы сами должны это понимать.

Мы поднимались по лестнице, и, включая и выключая свет на площадках, я ломала голову, почему для Уинифред невозможно пожить у меня

день или два.

— Разве вы не понимаете, — продолжал он, — мы с миссис Грей не можем оставаться в пасторате одни. Это было бы крайне неловко.

— Но она могла бы жить в своей квартире, не правда ли? — спросила я, недоумевая, почему он назвал ее не «Аллегра», а «миссис Грей».

— И тем не менее мы с ней находимся под одной крышей.

— Да не придирайтесь вы к пустякам! — бросила я, раздраженная его разговорами про крышу. — Никто ничего дурного не подумает. Вы оба респектабельные люди, и, в конце концов, вы помолвлены и собираетесь пожениться.

— Помолвка разорвана, — решительно сказал Джулиан, со всей осторожностью кладя ракетки для пинг-понга на кухонный стол.

Я едва помню, что случилось потом, но в конце концов мы все сели, и я пыталась утешить и Джулиана, и Уинифред, которая снова расплакалась. Тут до меня дошло, что, возможно, придется оставить на ночь их обоих, и я задумалась, как бы это осуществить. Мне достанется узкая кушетка в гостиной, если, конечно, не спуститься спать к Нейпирам.

Джулиан мало что рассказал нам о случившем-

ся. По всей очевидности, он вернулся домой и спросил, где Уинифред, и тут все вышло наружу. Наверное, я так никогда и не узнаю, какими словами обменялись они с Аллегрой. Есть вещи слишком неприятные, чтобы о них распространяться, а еще неприятнее то, что наперекор здравому смыслу нам хочется о них узнать. Я поймала себя на том, что беспокоюсь из-за пустячных деталей: кто, собственно, разорвал помолвку, вернула ли она кольцо и почему вышло так, что он пришел ко мне с ракетками, которые, предположительно, принес в пасторат из молодежного клуба? Может, он не выпускал их из рук все то время, пока разыгрывалась та ужасная сцена? Я знала, что такое иногда в самом деле случается…

В этот момент зазвонил телефон. Звонила миссис Джабб, работавшая в доме священника у Мэлори. Передав трубку Джулиану, я услышала, как он повторяет односложные «да» и «нет» в ответ на неостановимый поток фраз на другом конце.

— Она уехала, — объяснил он, поворачиваясь к нам. — Она ушла из дома десять минут назад с маленьким чемоданом. Миссис Джабб сочла, что мне следует знать.

Издав слабый стон, Уинифред снова распла-

калась.

Я вопросительно посмотрела на Джулиана, и он кивнул.

— Пойдемте, Уинифред, — сказала я. — На сегодня с вас достаточно. Вам нужно лечь, а я принесу вам горячее питье и что-нибудь, что поможет вам заснуть.

Она пошла со мной довольно охотно, и, устроив ее как можно удобнее, я вернулась к Джулиану, который с подавленным видом сидел у калорифера.

— Куда она могла пойти в это время суток? — спросила я, почти опасаясь, что сейчас раздастся звонок во входную дверь и я обнаружу ее у себя на пороге.

— У нее есть подруга в Кенсингтоне, она ее приютит. Полагаю, она поехала туда.

— Что за подруга?

— Незамужняя женщина, у которой собственная квартира. Думаю, весьма благоразумная особа.

Откинувшись на спинку кресла, я закрыла глаза, чувствуя, что смертельно устала. И подумала: а вдруг подруга миссис Грей тоже устала? Я представила, как, стоя в халате посреди опрятной кухоньки, эта благоразумная особа достает

молоко для какао на ночь, и как вздрагивает от звонка во входную дверь и спрашивает себя: кто, скажите на милость, может прийти так поздно? И теперь ей придется сидеть полночи, слушая и утешая.

— Чем она занимается?

— Чем кто занимается? — довольно раздраженно переспросил Джулиан.

— Подруга с квартирой в Кенсингтоне.

— Не знаю. Кажется, она на государственной службе. Думаю, у нее очень и очень хорошая работа.

— Полагаю, миссис Джабб известно, что произошло.

— Ну, наверное, она догадалась, что что-то не так. Полагаю, завтра все узнают, такое не скроешь.

— Вы собираетесь поместить объявление в «Таймс»?

— А разве так делают? — неуверенно спросил Джулиан. — Я и не думал, что это необходимо.

— Это помогло бы избежать неловкости, и тут нет ничего недостойного, то есть тут нечего стыдиться. Гораздо лучше выяснить все сейчас, чем позднее.

— Да, именно так всегда и говорят, правда? По-

лагаю, придется снести унижение, признав, что совершил ошибку. По всей очевидности, я понятия не имел об истинной ее натуре. Понимаете, я считал ее таким прекрасным человеком.

Ну, лицо у нее несомненно было красивое, подумала я, но промолчала. Я не могла заставить себя усугубить его унижение, указав, что его, как и многих до него, ввело в заблуждение смазливое личико.

— Разумеется, по большей части это моя вина, — продолжал Джулиан. — Теперь мне понятно.

— Надо полагать, винить можно обе стороны, хотя, вероятно, одну больше, чем другую. Но, уверена, вам не в чем себя упрекнуть.

— Спасибо вам, Милдред, — сказал он со слабой улыбкой. — Вы очень добры. Не знаю, что бы мы без вас делали.

— Возможно, лицам, принявшим сан, не стоит жениться, — сказала я, сознавая, что Джулиан снова свободен и что нам, приходским дамам, больше незачем считать себя отвергнутыми. Но в данный момент эта мысль не вызвала у меня особого энтузиазма. Возможно, завтра утром, когда спадет усталость, мое настроение переменится.

— Кое-кому это удается, и даже очень хорошо, — печально откликнулся Джулиан.

Мне не пришло на ум ничего помимо предположения, что он всегда может попытаться еще раз, но я решила, что сейчас не самое подходящее время об этом говорить.

— Я знаю, на какого типа женщине мне бы хотелось жениться, — продолжал он, — и я думал, что нашел ее. Но, возможно, я искал слишком далеко, и, возможно, есть кто-то гораздо ближе.

Я смотрела в калорифер и жалела, что это не настоящий камин и что он не угольный, хотя функциональная светящаяся спираль для данного случая подошла бы гораздо лучше.

— Не узнаю у ног своих соцветий, — негромко сказал Джулиан.

«И в вышине тончайший фимиам»[30], — подхватила я мысленно, чувствуя, что цитата уводит нас куда-то не туда и что это не вполне то, что имел в виду Джулиан.

— Это ведь из Джона Китса, верно? — довольно прямолинейно спросила я. — Я всегда считала, что «В вышине тончайший фимиам» отличное название для романа. Возможно, о деревне с двумя соперничающими церквями, из которых одна — «высокая», а другая — англиканская. Интерес-

---

[30] Примечания: 30
«Ода к соловью», перевод Э. Соловковой.

но, его уже кто-нибудь использовал?

Джулиан рассмеялся, и легкая неловкость, какую я было уловила между нами, развеялась. Встав, он засобирался уходить и надел свой крапчатый макинтош, но как будто забыл про ракетки для пинг-понга на кухонном столе, а мне не хотелось напоминать.

В кровать я легла сразу после его ухода, но спала не слишком хорошо. В моих снах ко мне с горой чемоданов являлась Аллегра Грей, у калорифера стоял Роки и просил выйти за него замуж, но, подняв глаза, я увидела, что это Джулиан в своем крапчатом макинтоше. Проснулась я пристыженная и разочарованная и решила отнести Уинифред завтрак в постель.

Глава 23

На следующее утро в манере миссис Моррис сквозило едва подавляемое возбуждение, и она уборкой занималась, улыбаясь и почти кивая собственным мыслям, а еще временами поглядывала то на меня, то на Уинифред с выражением полнейшего триумфа. Я понимала, что она ждет не дождется ухода Уинифред, и когда после полуденной чашки чая Уинифред спросила, не обижусь ли я, если она сходит в пасторат проверить, как там Джулиан, мне не меньше миссис Моррис хотелось, чтобы она ушла.

— Ну, мисс Лэтбери, теперь-то вы что скажете?

Она стояла спиной к раковине, уперев руки в бока. Я испытала своего рода страх сцены, точно мне предстояло выступать перед критично настроенной аудиторией и я была уверена, что не оправдаю ожиданий.

— Все произошло так внезапно, — слабым голосом произнесла я. — Даже не знаю, что сказать.

— Ага, только так все и случается. То помолвка, то разрыв. То готовится свадьба, а уже через минуту ничего и в помине нет.

Мне пришлось согласиться: мол, несомненно, так.

— Я и не знаю, что на самом деле произошло.

— Ну, если в этом дело, — с предвкушением сказала она, — то мне все от миссис Джабб доподлинно известно. Она слышала каждое слово.

— Боже мой, надеюсь, она не подслушивала под дверью?

— Подслушивала под дверью? Да на весь дом было слышно! Я имею в виду голос миссис Грей. От священника-то ни словечка. Только какое-то бормотание. Это было ужасно!

Я порадовалось, что Джулиан, как я, в общем, и не сомневалась, сохранил достоинство, даже держа в руках ракетки для пинг-понга.

— Так вот, эта миссис Грей сказала: дескать, с нее довольно и брака с одним духовным лицом, дескать, священники не умеют ценить женщин, да и чего удивляться. — Миссис Моррис помешкала, несколько озадаченная. — Уж и не знаю, чему тут удивляться или не удивляться, а миссис Джабб не сказала. А после вдовица про мисс Уинифред завела, таких страшных вещей наговорила.

— Каких вещей? — невольно вырвалось у меня.

— Ну, миссис Джабб не сказала, каких именно, или, может, не слышала, но, по ее словам, это было что-то ужасное. Нет, не бранные слова, — продолжала миссис Моррис, понижая голос и глядя на меня чуть испуганно, — если понимаете, о чем я. То есть не то что ругательные слова, но совершенно ужасные. А потом миссис Грей с криком убежала наверх в свою квартиру, а он очень быстро ушел из дому. А потом она снова прибежала вниз, но уже с чемоданом и куда-то ушла, и миссис Джабб как будто не знает куда. — Миссис Моррис посмотрела на меня с надеждой: вдруг я предоставлю недостающую информацию.

— Полагаю, к подруге в Кенсингтон, — сказала я, решив, что, хотя не стоит сплетничать с миссис Моррис, пусть уж лучше она узнает часть правды.

— Ах, в Кенсингтон! — От возбуждения валлийская картавость миссис Моррис проступила еще явственней. — А когда мистер Мэлори, то есть отец Мэлори вернулся, на нем лица не было, просто страшно было смотреть, так мисс Джабб говорит. Можно подумать, он по улицам бродил в отчаянии, — сказала миссис Моррис, добавляя кое-что от себя. — Я бы не удивилась, если бы он на реку ходил.

Мне с трудом верилось, что из-за десяти минут мирного сиденья у моего калорифера у Джулиана сделалось такое страшное лицо, разве только он не пошел от меня прямо домой.

— Он был тут, со мной и мисс Мэлори.

Миссис Моррис просияла.

— Он знал, к кому обратиться. Я же вам говорила, мисс Лэтбери, так? Он, бедняга, знает, кто его истинный друг. Жаль, он не понял этого раньше. Но часто так случается: ужасающее бедствие, а за ним озарение. Как со святым Павлом, да?

— Ну, может, не совсем… — начала было я, но не смогла остановить поток валлийского красноречия.

— Шоры упали с его глаз, и он увидел ее такой, какая она есть на самом деле, и вас — такой, какая вы на самом деле, и какая вышла разница? Только подумать, что все это время он был слеп, шарил в темноте…

— Не думаю…

— Не отличал черного от белого, но ведь многие мужчины таковы. И духовные лица ничем от них не отличаются, только задом наперед воротнички носят, вот и вся разница, правда?

Я решила, что нет смысла указывать, что помимо ношения воротничков между духовными и

светскими лицами есть и другие отличия.

— Но только посмотрите, дела сами не делаются, верно, мисс Лэтбери? — сказала она, хватая вдруг швабру и яростно возя ею в ведре. — Но я нисколечко не удивлена. Всегда знала, что так выйдет.

Мне было не вполне ясно, что именно предвидела миссис Моррис, но я решила, что на сегодня с меня хватит. Так мне надо выйти замуж за Джулиана? Это она предвидела? Он предложит мне руку и сердце — спустя уместный промежуток времени, разумеется, — и мы поженимся на радость приходу? Звучало идеально, но почему-то утро принесло энтузиазма не больше, чем вчерашний вечер. Я все еще думала о себе, как об отвергнутой, и не могла поверить, что он любит меня больше, чем я его. Разумеется, мне он нравился, я им восхищалась, возможно, я даже уважала и высоко ценила его, как Иврард Боун — Эстер Кловис. Но достаточно ли этого? Так или иначе, не подобает, даже греховно думать сейчас о таких вещах. Несомненно, есть какая-то практическая помощь, какую я могу оказать. Как поступить с мебелью и имуществом миссис Грей? Не нужна ли посредница или кто-то для написания писем? Последнее напомнило мне о

незаконченном письме Роки Нейпиру, которое все еще лежало у меня на столе. Стиснув зубы, я твердо решила с ним покончить и тут же дописала. Я едва отдавала себе отчет в том, что пишу, и не тратила сил на деликатность и тонкость стиля. Я сообщила новости о Джулиане и миссис Грей и это представила в оправдание своей легкомысленности.

Отправив письмо, я пошла за продуктами и уже возвращалась с холщовой сумкой, полной неинтересных покупок, когда увидела, как на своем велосипеде на меня надвигается сестра Блэтт. Осторожно спешившись, она перегородила тротуар, не оставляя мне возможности улизнуть, — пришлось остановиться и поговорить с ней.

— Так-так, — произнесла она, ожидая, что я начну.

— Так-так, — повторила я, — что тут скажешь. Все это очень печально, правда?

— Мне, конечно, жалко отца Мэлори, но та женщина мне никогда не нравилась, так что нет худа без добра.

— Да, пожалуй, — неуверенно отозвалась я, поскольку, даже соглашаясь с ее утверждением, считала, что искать это добро еще слишком

рано.

— А квартира миссис Грей мне достанется, — с триумфом заявила сестра Блэтт. — Одна моя подруга из Сток-он-Трент нашла себе работу в Пимлико, — то есть совсем близко, понимаете? Нам так хотелось жить вместе, а теперь получится.

— По сути, овен в чаще[31], — сказала я, напомнив себе миссис Моррис с ее святым Павлом.

— Вот именно, — решительно кивнула сестра Блэтт. — Это самое я и сказала отцу Мэлори сегодня утром. Поехала в дом священника, как только услышала новости. Я ведь поняла, что им, возможно, неловко под одной крышей, а потому предложила свою идею. А оказалось, она уже уехала.

— К подруге в Кенсингтон, — пробормотала я.

— Вот как? Ну, так для всех заинтересованных сторон лучше. А у вас усталый вид, — сказала она вдруг. — Лицо совершенно серое. Вы должны себя поберечь. — С этим напутствием она взгромоздилась в седло и величественно укатила прочь.

Просто усталость, повторяла я мысленно, поднимаясь наверх, и лицо у меня совершенно серое.

---

[31] Примечания: 31
Отсылка к Книге Бытия 22:13.

Никто больше ко мне не нагрянет. Сегодня после полудня я смогу отдохнуть, потому что Уинифред вернулась в пасторат и утешает Джулиана. Мне было немного его жаль — окруженного, как, несомненно, это случится, замечательными женщинами. Но по крайней мере он будет огражден от всевозможных миссис Грей: я точно знала, что сестра Блэтт станет яростно защищать его от подобных напастей. В конце концов, возможно, моим долгом станет выйти за него, хотя бы для того, чтобы спасти от чрезмерной защиты.

Я приготовила себе ленч, который мог бы показаться экстравагантным: болтунья из двух яиц, которой предшествовали остатки супа и за которой последовали сыр, печенья и яблоко. Я порадовалась, что я не мужчина или не такой мужчина, который в одиноком ленче увидит удачную возможность зажарить себе дичь. Правда, я была бы очень не прочь, если бы кто-то зажарил ее для меня.

Помыв посуду, я с радостью отправилась в постель и устроилась под стеганым покрывалом с бутылкой горячей воды в ногах. Библиотечную книгу я уже дочитала и теперь думала, как странно, что, хотя на полке у меня уйма серьезных книг великих поэтов или романистов, ни одно из

их творений меня не привлекает. Сегодня лучше всего было бы взяться за те, что я давно собиралась прочесть, — например, за «In Memoriam»[32] Теннисона или «Братьев Карамазовых», — но в конечном итоге я открыла сериальный роман в приходском журнале и стала рассматривать иллюстрации, на одной из которых был изображен молодой священник с квадратным подбородком, занятый разговором с хорошенькой молодой женщиной, — они вполне подходили на роль Джулиана и миссис Грей, вот только у Джулиана не было квадратного подбородка. Подпись под картинкой гласила: «Уверена, миссис Гудрич не собиралась вас обижать на благотворительном базаре». Выпуск я дочитала с некоторой неудовлетворенностью. Имелось какое-то объяснение или препятствие, почему священник не может жениться на девушке, а еще загадочная причина, почему миссис Гудрич задрала нос во время базара, но, чтобы узнать больше, читателям придется ждать до следующего месяца.

Я перелистнула на страницу приходских новостей. Предостережение нашего казначея о состоянии приходских финансов. Обращение

---

[32] Примечания: 32
«В память» *(лат.)*.

Джулиана к пастве — краткое и неинтересное: алтарники отлично провели день на экскурсии в Саутэнд; благодарность всем, кто принес подарки и помогал украшать церковь к Празднику урожая; «швейное чаепитие» по починке риз намечено на первый вторник октября… Я расстроилась, что Джулиан употребил выражение «швейное чаепитие», но на нем я, вероятно, заснула, потому что последовал длительный провал между объявлением о починке риз и следующей моей сознательной мыслью, а именно, что мне хочется пить и что, наверное, время заваривать чай.

Я как раз допивала вторую чашку, когда зазвонил телефон. Он звонил довольно долго, прежде чем я опасливо поднесла к уху трубку, недоумевая, чей из нее раздастся голос и чего он от меня потребует.

— Алло, здравствуйте, Милдред. — Голос был мужской, приятный, но я не смогла определить чей. — Это Иврард.

У меня тут же возникли подозрения. Надо же, я и не знала, что мы теперь называем друг друга по имени, хотя, пожалуй, уже достаточно долго знакомы, — но я не помнила, чтобы сама называла его Иврардом.

После обычного обмена любезностями, вопро-

сами и ответами о самочувствии повисла пауза. Что ему нужно? Я молчала, пусть он сам скажет.

— Я звоню, чтобы спросить, не пообедаете ли вы со мной сегодня вечером. У меня есть отличный кусок мяса.

Я представила, как ставлю в духовку «отличный кусок мяса» и готовлю гарнир. Я уже чувствовала, как у меня ноет спина от того, что стою, наклонившись над раковиной, и ответила напрямик:

— Боюсь, я сегодня не могу.

— Какая жалость. — Ответ прозвучал так ровно и неопределенно, что непонятно было, действительно ему жаль или нет. — Может, как-нибудь в другой раз? — вежливо добавил он.

— Спасибо, было бы неплохо.

Но, возможно, тогда у него не будет мяса. Хотя нас разделяла телефонная линия, я чувствовала себя неловко и пристыженно из-за лжи: мне казалось, он по моему голосу понял, что я говорю неправду.

Опять повисла пауза. Он не предложил другую дату и сказал, что позвонит как-нибудь еще.

— Спасибо за открытку, — добавил он.

— А, пустяки, — легкомысленно откликнулась я, поскольку это действительно был пустяк, и пояснила: — Никаких новостей нет.

— Новостей? — Его вопрос прозвучал озадаченно. — Каких новостей?

— О Нейпирах.

— А должны быть?

— Ну, могли бы…

Казалось, наш разговор самым жалким образом иссяк, как вдруг я выпалила:

— Наш священник разорвал помолвку.

— Так это ведь хорошо, да?

— Ну, наверное…

— Надо полагать, для вас. — Его голос звучал так сухо и официально, как в те дни, когда мы только познакомились.

— Извините, что с мясом так выходит. — Я постаралась вдохнуть жизнь в теперь уже окончательно не задавшийся разговор.

— С чего бы вам извиняться?

— Вы знаете, как его приготовить?

— У меня есть поваренная книга.

По телефону нельзя обменяться взглядами или одновременно рассмеяться. После еще нескольких неискренних сожалений и извинений мы попрощались, и я повесила трубку, думая, что телефоном вообще никогда не следует пользоваться, разве только чтобы о чем-то условиться.

Вскочив, я начала мерять шагами гостиную с

безотчетным беспокойством, не понимая, откуда оно взялось. Мне не хотелось встречаться с Иврардом Боуном, и мысль о том, чтобы готовить ему ужин, в данный момент казалась просто невыносимой. Но и мысль о том, что он там один со своим мясом и поваренной книгой, была тоже невыносима. Он перелистает ее до раздела «Мясо», прочтет, что говядину или баранину следует готовить столько-то минут на фунт и столько-то сверху, взвесит свой небольшой кусок, если у него есть весы. Потом выяснит, до какой температуры надо нагреть духовку, включит ее и будет стоять, глядя на термометр. Тут я едва не расплакалась, но удержалась и взяла себя в руки, напомнив себе, что Иврард не никчемный человек, а напротив, педантичный и любящий порядок. Ему вполне по силам справиться с запеканием мяса. Мужчины далеко не так беспомощны, как нам иногда хочется думать, и в целом управляются со своей жизнью много лучше нас. В конце концов, у Иврарда множество знакомых, кого можно пригласить на обед, и скорее всего он прямо сейчас их обзванивает. Если не смогла я, то, без сомнения, кто-то еще будет только рада прийти. Но тут мне в голову пришла другая мысль. С чего я решила, что я первая, кому он позвонил? Вполне возмож-

но, что я последняя. Есть множество людей, кого он знает лучше меня и с которыми предпочел бы провести вечер. По какой-то непонятной причине (ведь я всегда была невысокого мнения о своей персоне) эта мысль меня расстроила. Мне как будто очень важно было знать, что я первая в его списке, но выяснить это не представлялось возможным. Вечер в одиночестве большой радости не сулил, а все полезные и сколько-нибудь приятные дела, которые я планировала — гладить, шить и слушать радио, — теперь показались неинтересными и ненужными. Под конец я решила сходить в пасторат и узнать, не могу ли быть полезна там.

Глава 24

— Милдред, дорогая! Как же я рад вас видеть!

Я была совершенно не готова ни к бурным приветствиям Роки, ни к его объятиям. Я вообще не была готова к его появлению, поскольку не получила ответа на письмо, которое написала некоторое время назад, и уже подумывала, не оскорбила ли его своими благонамеренными попытками помирить его с Еленой. Ведь широко известно, что некоторые люди, вроде дочерей священников, по-своему замечательные женщины, иногда бросаются туда, куда опасаются ступить особы менее достойные.

— Привет, Роки, — только и смогла выдавить я.

— Вы как будто не рады меня видеть.

— Да нет, рада, только это так неожиданно…

— Но ведь с приятным всегда так бывает? — Он смотрел на меня, уверенный в своем обаянии, держа в руках букет хризантем.

— Это вам. — Он ткнул в меня букетом.

Я заметила, что стебли неряшливо обломаны и вообще никак не связаны.

— Из вашего сада? — спросила я.

— Да, нарвал, когда спешил на поезд.

Теперь они почему-то казались далеко не такими желанными. Он их не выбирал, не пошел за ними в магазин, они просто попались ему по дороге. Если бы он отправился в магазин и выбрал их… Взяв себя в руки, я приказала себе выбросить из головы нелепые мысли, недоумевая, почему мы никогда не можем перестать анализировать мотивы людей, которые не питают к нам личного интереса, в тщетной попытке узнать, а вдруг все-таки питают — самую малость.

— Елена сказала, что я должен привезти вам цветы, и эти подвернулись в саду, — продолжал он, не оставляя мне и тени сомнений.

— Спасибо, они премилые. Так Елена снова с вами?

— Да, конечно. Получив ваше письмо, я ей написал, и мы встретились.

— Надеюсь, вы не сочли, что я вмешиваюсь не в свое дело.

— Конечно нет. Я знаю, вы любите улаживать всякое… — Он улыбнулся. — Рождения, смерти, браки и все остальное.

«Возможно, я действительно это люблю, раз вечно в них вмешиваюсь, — с ноткой смирения

подумала я. — Возможно, я больше живу жизнью других, чем своей собственной». Мы стояли на обычном нашем месте для беседы — на пороге моей кухни. Почувствовав на себе напряженный взгляд Роки, я подняла глаза, чтобы на него посмотреть.

— Милдред!

— Да?

— Я надеялся…

— На что вы надеялись?

— Что вы предложите мне чаю. Сами знаете, вы ведь всегда завариваете чай при подобных «случаях». Этим вы мне больше всего запомнились, а сейчас, несомненно, как раз «случай», верно?

Значит, он все-таки такой меня запомнил — женщиной, которая вечно заваривает чай. Теперь уже ничего не поделаешь, оставалось только заварить.

— Да, конечно, — откликнулась я. — И вообще уже почти время пить чай, то есть традиционный час для чаепития.

— Вы так и не приехали погостить у меня в коттедже. Почему?

— Вы так и не позвали.

— Но люди же не должны ждать, пока их позовут. Другие приезжали.

— Какие-нибудь военнослужащие из женского вспомогательного?

И ели ленч в заросшем саду с бутылочкой вина? Я очень боялась, что так все и было.

— Из женского вспомогательного? — Роки посмотрел на меня с недоумением, потом рассмеялся. — О да, одна или две. Но, разумеется, не в форме, поэтому к ним относишься как к человеческим существам. Уйма людей приезжала. У меня была бурная светская жизнь. А вы воображали меня там в полном одиночестве?

— Правду сказать, не знаю. Не думала. — Мне не хотелось вспоминать или рассказывать ему, что я про него воображала.

— Конечно, мужчины обычно не остаются одни, верно? Кажется, мы это однажды уже обсуждали.

— Ну, разумеется! Чего мы только с вами не обсуждали!

Чай был заварен — настолько крепкий, насколько слабый получился в тот день, когда его бросила Елена. Интересно, почему чай может так отличаться, хотя завариваешь его одним и тем же способом? Или тут как-то сказывается эмоциональное состояние заваривающего? Некоторое время мы сидели молча, мрачно размышляя над крепким чаем, а потом я начала расспрашивать

его про мебель, которую вывезли, и поинтересовалась, собирается ли он все перевезти назад.

— Нет, мы решили окончательно перебраться за город. Нам не слишком-то нравится это место.

— Да, пожалуй. Ассоциации…

— Остальное ведь нетрудно упаковать и переслать нам, правда?

— О да, это нетрудно устроить. — Я сознавала, каким веселым тоном говорю. — Интересно, кому достанется ваша квартира?

— Надеюсь, какой-нибудь респектабельной особе, поскольку вам придется делить с ней ванную. А нельзя дать объявление в «Церковные ведомости»: дескать, ищу двух англосаксонских леди? Вам же на самом деле это нужно.

— Наверное, да.

Хотелось думать, что по моему лицу нельзя было увидеть, как угнетает меня мысль о подобном будущем. Но потом я вспомнила, что не в моей власти решать, каким быть следующим жильцам. Я предполагала, что этим займется домовладелец, хотя, если бы знала кого-то, кому нужна квартира, могла бы замолвить за них словечко.

— Какие новости? — спросил Роки, забирая последнее шоколадное печенье. — Что-нибудь

увлекательное в приходе случилось?

— Джулиан Мэлори разорвал помолвку. Но, кажется, я об этом писала.

— Да, конечно, священник. Ваш священник. Это же прекрасно, теперь он может жениться на вас. Разве вы не этого хотели?

— Если бы он хотел жениться на мне, мог бы предложить до того, как познакомился с миссис Грей, — возразила я.

— Вовсе не обязательно. Часто случается, что человека отвергают или обходят, а потом видят его истинную ценность. Я всегда считал, что это очень романтично.

— Для того, кто отвергает, возможно, но никому не нравится быть отвергнутым, — неуверенно откликнулась я, чувствуя, что у Роки вот-вот создастся впечатление, будто я действительно хотела выйти замуж за Джулиана. — И вообще ни о чем, кроме дружбы, между нами я и не думала.

— Как скучно. А что, если вам выйти за другого, за его помощника?

— Я терпеливо объяснила, что отец Грейторекс совсем мне не подходит и вообще не из тех, за кого хочется замуж.

— Позвольте уж мне остаться как есть, — заключила я. — Я вполне счастлива.

— Ну, не знаю… Мне все равно кажется, что нам бы следовало что-то предпринять, — неопределенно отозвался Роки.

Встав, я унесла поднос с чашками на кухню.

— Вы виделись с нашим другом Иврардом Боуном? — крикнул из гостиной Роки.

Едва он это спросил, как до меня дошло, от чего у меня на душе точно кошки скреблись: Иврард Боун и его мясо. Конечно, если подумать, это выглядело нелепо, но я решила не упоминать Роки про мясо. Он ничего не поймет и станет насмехаться. Тут мне взгрустнулось, что он вообще не поймет, что, возможно, он вообще никогда меня не понимал.

— Некоторое время назад ходила с ним на ленч, — только и сказала я. — У него вроде бы все как обычно.

— Надо полагать, его ждет облегчение и одновременно разочарование, когда он узнает, что мы с Еленой снова вместе, — самодовольно отозвался Роки. — Думаю, он считал ситуацию чуточку пугающей.

— Для него это было довольно неловко. Или могло обернуться.

— Бедная Елена, это был один из тех внезапных иррациональных порывов, какие бывают у

женщин. Теперь она утратила всяческие иллюзии. Когда надо было быть под рукой, чтобы ее утешить, он вдруг сбегает на собрание Доисторического общества в Дербишир. Знаете, как это случается?

— Вы про утрату иллюзий? Да, пожалуй, понимаю, как бы это могло случиться. Например, знакомишься с человеком, и он цитирует у церковной ограды стихи Мэтью Арнолда или какого-то другого твоего любимого поэта, но, естественно, жизнь не такова, — довольно сумбурно выпалила я. — И поэтов он цитировал только потому, что считал, что от него этого ожидают. Я хочу сказать, что на самом деле он не таков.

— На такой стандарт и впрямь трудно равняться каждый день. Я про цитирование Мэтью Арнолда у церковной ограды, — отозвался Роки. — Но, возможно, он был добр к вам в ту пору, когда вы нуждались в доброте. Это ведь чего-то да стоит?

— Стоит, конечно.

И снова, вероятно, в последний раз, я увидела, как на террасе адмиральской виллы сбились неловкой группкой служащие из женского вспомогательного. Доброта Роки, безусловно, многое значила для них в тот момент, и, возможно, кое-

кто из них до конца жизни ее не забудет.

— Спасибо за чай. — Роки встал. — Елена возвращается сюда на уик-энд. Нужно пойти закупить всякой всячины, пока магазины не закрылись. Какие у вас планы на вечер?

— Надо сходить на собрание в приходском зале, там будут решать относительно рождественской ярмарки.

— Будут решать относительно рождественской ярмарки, — передразнил Роки. — А мне можно пойти?

— Думаю, вам будет скучно.

— Почему церкви всегда должны организовывать базары и благотворительные распродажи? Можно подумать, это единственная цель их существования.

— Нашей церкви очень не хватает средств.

— Может, следует сделать пожертвование… как своего рода благодарность, — легкомысленно сказал Роки. — Хотя я бы предпочел что-то более долговечное. Витраж, например. Витраж Рокингхема Нейпира! Так и вижу его: очень много красного с синим. Или некую сумму на покупку ладана высшего сорта?

— Уверена, это будет с радостью принято.

— На том, пожалуй, и порешим. А теперь надо

спешить… До свиданья!

После его ухода я долго смотрела ему вслед из окна. А потом вспомнила, что так уже стояла раньше — и не слишком давно. Но мои мысли тогда, хотя и более меланхоличные, почему-то казались приятнее. Теперь же меня одолевали разочарование и опустошенность, словно он не оправдал моих ожиданий. А на что я, в сущности, надеялась? На скучную, надежную дружбу, без обаяния, без шарма? Нет, такого достаточно между женщинами, даже между мужчинами и женщинами. Разумеется, не будь он женат… но это заставляло предположить ситуацию слишком уж нереальную. Для начала я вообще с ним не встретилась бы и уж точно не удостоилась бы привилегии приготовить ему ленч в тот день, когда от него ушла жена, или заваривать чай по стольким «случаям». От этой мысли вернулось беспокойство из-за Иврарда и его мяса, и того, что я отказалась его приготовить. С большим облегчением я услышала, как на церковной колокольне бьют часы: пора идти на собрание по поводу рождественской ярмарки.

Глава 25

«Возможно, слишком уж часто здесь заваривают чай», — думала я, наблюдая, как мисс Стэтхем доливает воды в тяжелый заварочный чайник. Все ведь поужинали дома (или так предполагалось) и теперь собирались обсудить приготовления к рождественской ярмарке. Неужели нам правда нужна чашка чаю? Что-то в таком духе я и сказала мисс Стэтхем, а она посмотрела на меня обиженно, почти сердито.

— Нужен ли нам чай? — переспросила она. — Но, мисс Лэтбери…

В голосе ее звучало недоумение и волнение, и я начала понимать, что мой вопрос затронул нечто глубинное. Такие вопросы вызывают лавину мыслей и разрушают картину мира.

Я промямлила что-то про шутку и про то, что чай нужен всегда, в любой час дня и ночи.

— Этот чайник очень уж тяжелый, — откликнулась мисс Стэтхем, поднимая посудину обеими руками и ставя ее на стол. — Мужчины могли бы помочь его нести, — добавила она, повышая голос.

Церковные старосты мистер Моллет и мистер Конибир и казначей мистер Гэмбл оторвались от своего дела, которым занимались на заговорщицкий мужской лад, то есть разложив перед собой множество бумаг, но не двинулись с места.

— Вижу, за дело взялся так называемый слабый пол, — произнес мистер Моллет. — Думаю, у мисс Стэтхем все под контролем.

— Ну же, — откликнулась она, — освободите место для вашего же чая. Вы и так завалили стол бумагами, да еще и локти поставили. Еще опрокинете что-нибудь. Можно подумать, что вы совсем не нуждаетесь в чашке чая.

— Напротив, напротив, — отозвался мистер Конибир. — Не стесняйтесь, разливайте, мисс Стэтхем, место мы скоро освободим.

Мы с мисс Стэтхем налили чай мужчинам и дамам и наконец уселись. Уинифред осталась дома — у нее была сильная простуда, Джулиан еще не пришел, к немалому удовольствию присутствующих, поскольку можно было свободно и без неловкости обсуждать разорванную помолвку. Со времени великого события это было первое приходское собрание.

— Разумеется, мужчина способен снести такое с большим достоинством, — сказала мисс Стэтхем,

накрывая чайник вязаной грелкой. — Кто хочет вторую чашку, наливайте себе сами. Мужчина не испытывает такого стыда, как женщина.

— В конце концов, он легко может посвататься к кому-то другому, — добавила мисс Эндерс. — По прошествии некоторого времени.

— Обжегшись на молоке, на воду дуют, — внес свою лепту мистер Моллет. — Я бы сказал, ему повезло. Нет, по-своему она, конечно, была очаровательная леди. Но если у отца Мэлори есть капелька здравого смысла, он не станет спешить с новым сватовством. Уж ему-то известно, что и без жены неплохо живется.

— Право же, мистер Моллет, хорошо, что вашей жены тут нет, — возмутилась мисс Стэтхем. — Что бы она подумала, услышав, что вы говорите такие вещи?

— Думать хозяйка предоставляет мне, — под смех мужчин ответил мистер Моллет.

— И вообще, зачем священнику жена? — вопросил мистер Конибир. — У него есть сестра и вы, дамы, чтобы помочь в приходе.

— Что за вопрос! — хихикнула мисс Стэтхем. — Он ведь мужчина, верно? А все мужчины одинаковы.

Последовала довольно неловкая шутливая

перепалка между мисс Стэтхем и обоими церковными старостами. Я не нашла в себе сил присоединиться к ней, лишь позавидовала тому, как легко она с ними болтает. Шутки прервало появление сестры Блэтт, которая выглядела очень довольной.

— Всем привет, — сказала она, тяжело садясь и сияя, точно начищенный чайник. — Стыд и срам! Сроду ничего подобного не видела.

Мы спросили, чего именно.

— Того, в каком виде миссис Грей оставила кухню в той квартире. Знаете, сегодня приезжали из компании по перевозке, чтобы забрать ее мебель. Боже мой, там еда осталась в кладовой! Три недели пролежала! И даже тарелки не вымыты!

— Она уехала в спешке, — напомнила я. — Сомневаюсь, что ей пришло в голову помыть перед тем посуду.

В мгновения кризиса люди склонны забывать про посуду: кому, как не мне, помнить, сколько грязной посуды осталось в кухне Нейпиров в тот день, когда сбежала Елена.

— Но, мисс Лэтбери, дорогая, это никак не объясняет беспорядка. Открытые консервные банки с объедками, зачерствевшие корки и все такое грязное… Уж я-то никогда не думала, что она

подходящая жена для отца Мэлори, и часто это говорила. Боюсь, она была истинная змея.

— В овечьей шкуре, — добавил мистер Моллет. — Кстати, священник почтит нас сегодня своим присутствием или нет?

— Рискну сказать, что он забыл о нас и играет с парнями в дартс, — сказала мисс Стэтхем. — Кто-нибудь хочет пойти проверить?

Вызвалась я и, приготовившись к встрече с упорядоченным хаосом, переступила порог соседнего помещения, где Джулиан играл в дартс с приходскими ребятами. Жаль было прерывать игру и тащить его на наше скучное собрание ради скучных разговоров и остывшего, перестоявшего чая, и он действительно оторвался от игры довольно неохотно.

— В чем дело, Милдред? — спросил он. — Собрание по поводу ярмарки? Боже ты мой, я напрочь про него забыл.

Заняв место во главе стола, он рассеянно принял чашку остывшего чаю. Теперь все притихли, точно из уважения к новому статусу Джулиана, каким наделила его разорванная помолвка.

— Извините, что заставил вас ждать. Итак, какова именно цель собрания?

— Целью могло бы стать обсуждение подарка

от прихода, — шепнула мне сестра Блэтт. — Как хорошо, что мы не начали собирать деньги.

Казначей, откашлявшись, пустился в объяснения.

— Ах да, рождественская ярмарка, — весело отозвался Джулиан. — Думаю, она пройдет как обычно. Нам и правда надо устраивать из-за нее собрание?

Повисло потрясенное молчание.

— Он сам не свой, — шепнула мисс Стэтхем.

— Почему бы не оставить решить дела с ярмаркой нам? — храбро предложила я. — Почему бы вам не вернуться к мальчикам? Я видела, у вас был очень интересный матч с Тедди Лимоном.

— Ну да, и ради разнообразия я у него выигрывал, — отозвался Джулиан. — Если вы меня извините, я, пожалуй, так и поступлю. — И он ушел, бросив недопитый чай.

— Надо же, никогда о таком не слышала, — произнесла в повисшей тишине мисс Стэтхем. — На собрании по поводу рождественской ярмарки всегда председательствовал священник. Так повелось со времен отца Басби.

— Ну же, мисс Стэтхем, если вы помните, что происходило в семидесятых годах прошлого века, когда священником был отец Басби, остальным

тут делать нечего, — добродушно отозвалась сестра Блэтт.

— Но какая безответственность! — запротестовала мисс Стэтхем. — Особенно учитывая, как важны в наши дни ярмарки.

— А мне это больше всего напоминает, как император Нерон играл на скрипке, пока горел Рим, — вставил мистер Моллет.

— Кто это тут говорит про Рим, мистер Моллет? — парировала сестра Блэтт. — Мы к нему еще не присоединились.

— В отличие от бедных мистера и миссис Лей и мисс Спайсер, — сказала мисс Эндерс.

Воцарилось краткое молчание, как всегда после слов о покойных, хотя в данном случае можно было бы счесть, что вышеназванных лиц постигла участь горше смерти, поскольку они оставили нас и были приняты в лоно римской церкви.

— Ну, я в иносказательном смысле, как это у меня в обычае, — сдал назад мистер Моллет.

— Можно сказать, сегодняшнее поведение отца Мэлори напоминает поведение сэра Фрэнсиса Дрейка, который пошел играть в мяч, когда на горизонте показалась Армада, — внес свою лепту мистер Конибир.

— Но ведь это считается хорошим, смелым

поступком, — возразила мисс Эндерс.

— Думаю, отец Мэлори совершает как раз хороший поступок, — сказала я.

— Но он даже чай не допил, — запротестовала мисс Стэтхем.

— Чай чуть перестоял, — не удержалась от колкости сестра Блэтт.

— А что, если от этой злосчастной помолвки он умом повредился? — предположила мисс Стэтхем. — Теперь мы никогда не будем знать, чего от него ожидать.

— Он может вздумать уйти в монастырь или стать миссионером, — добавила мисс Эндерс, почти злорадствуя над такой перспективой.

— Кто пережил великое разочарование, тот часто ведет себя странно, — согласилась мисс Стэтхем. — Он может попросить епископа перевести его в Ист-Энд.

— Или в какой-нибудь сельский приход, — подхватила мисс Эндерс.

Вариантам того, что может совершить Джулиан, казалось, не будет конца — от поспешной и неудачной женитьбы и вообще ухода из церкви до перехода в католичество и последующей за ним кардинальской митры.

— Ну же, дамы, как насчет ярмарки? — вопро-

сил наконец мистер Моллет. — Кое-кто пришел сюда из-за нее.

— Как и сказал отец Мэлори, она может идти обычным чередом, — довольно раздраженно откликнулась мисс Стэтхем. — Полагаю, столики выставим те же? — Она оглядела собравшихся, и в голосе у нее прозвучал вызов, поскольку сама она всегда брала столик с вышивками, который считался самым важным.

— За это мы предоставим соперничать вам, дамы. — Мистер Моллет отшатнулся в притворном ужасе. — Мы, мужчины, просто должны делать тяжелую работу, а?

— Разумеется, можно попросить председательствовать отца Грейторекса, — неуверенно предположила мисс Эндерс.

— Ох, этого человека! Как будто от него много толку, — вклинилась в разговор сестра Блэтт. — Думаю, мы и сами прекрасно управимся.

— Без вмешательства духовных особ, — добавил мистер Конибир.

— Но мы так ничего и не решили, — возразила я. — Когда должна состояться ярмарка? Дата назначена?

— Ну, как обычно, — протянула мисс Стэтхем.

— А когда это?

— В первую субботу декабря.

— Она всегда проходит в этот день?

— О да, насколько я помню.

— Со времен отца Басби, а? — весело переспросил мистер Моллет.

Мисс Стэтхем его проигнорировала: возможно, она устала от его острот или считала, что дата ярмарки дело нешуточное.

— Значит, это не передвижной праздник? — спросил мистер Конибир.

— Так ведь лучшей даты все равно нет, верно? — резко возразила мисс Стэтхем. — Необходима суббота, за неделю или две до Рождества.

Мы согласились, что лучшей даты, чем первая суббота декабря, не придумаешь, и я почувствовала себя виноватой, что посеяла в чужих умах сомнения, но все еще испытывала некоторую неудовлетворенность, точно вечер прошел впустую. Ведь должно же быть что-то, что мы могли бы обсудить, какое-то решение, которое можно принять?

— Какой стол мне лучше взять на себя? — спросила я.

Все воззрились на меня с таким удивлением, что я задумалась, а не заразило ли меня странное поведение Джулиана.

— Но ведь вы будете со мной, за столиком с вышивками? — предположила мисс Стэтхем. — Как в прошлом году и в позапрошлом. Если только не захотите заняться чем-то еще.

Я помешкала, поскольку в атмосфере ощущалась какая-то тревога, точно она готовилась обидеться.

— Конечно, я с вами, мисс Стэтхем, — поспешила заверить я. — Я просто подумала, а вдруг надо что-нибудь еще. Гирлянды какие-нибудь или аттракционы… — неуверенно промямлила я.

— Но этим испокон веков занимается Тедди Лимон с ребятами, — заявила мисс Стэтхем, точно аттракционы ниже нашего достоинства. — Они всегда берут это на себя.

— Ах да, верно. Я и забыла.

— Надо, чтобы к нам несли денежки, — впервые подал голос мистер Гэмбл. — Вы должны позвать своих богатых друзей, мисс Лэтбери.

— Рискну сказать, что миссис Нейпир могла бы себе позволить чуточку на нас потратиться, — заявила мисс Стэтхем.

— Я часто видела, как она курит на улице или заходит в «Герцогиню Грэнби», — вкрадчиво добавила мисс Эндерс.

— А почему бы ей не зайти в паб? — вырвалось

у меня. — И не можете же вы требовать, чтобы она пришла и тратила деньги на нашей ярмарке, если так к ней относитесь.

— Да я ничего такого не говорила, мисс Лэтбери, — разобиженно отозвалась мисс Эндерс. — Уж я-то точно никого оскорбить не хотела.

— Наверное, надо помыть чашки, — сказала я, вставая.

— О да! И наполнить большой титан, — всколыхнулась мисс Стэтхем. — Мальчики тоже, думаю, захотят чаю.

Мужчины продолжали курить и болтать, пока мы собирали чашки и носили воду в большой титан. Они принадлежали к тому поколению, которому не приходит в голову помочь женщине по хозяйству.

— Бедный отец Мэлори, — сказала сестра Блэтт, ждавшая чашек с посудным полотенцем в руках. — Наверное, это к лучшему. Нам постоянно говорят, мол, что бы ни случилось, все к лучшему. И на самом деле это так и есть.

— Когда закрывается одна дверь, открывается другая, — внесла свою лепту мисс Стэтхем.

— Да, конечно. Возможно, дверь откроется и для отца Мэлори.

В этот момент дверь действительно открылась,

но показалась лишь группа парней во главе с Тедди Лимоном. Увидев, что мы моем посуду, они, шаркая и пересмеиваясь, поспешили удалиться.

— Возможно, он посвятит себя молодежному клубу, — предположила сестра Блэтт. — В конце концов, работать с молодежью — прекрасное занятие.

Я поймала себя на том, что вот-вот расхохочусь, сама не знаю почему, и перевела разговор на подругу сестры Блэтт, которая собиралась поселиться вместе с ней в доме священника.

— Ну, моя клуша не из тех, кто бегает за мужчинами, — с грубоватым юморком откликнулась сестра Блэтт. — Никакой такой чепухи не ждите.

— Тогда все действительно станет, как до появления миссис Грей, — воспряла духом мисс Эндерс.

— Ничто не бывает прежним, когда проходит время, — сказала я, скорее себе, чем им, — даже если со стороны кажется, будто ничего не изменилось. Кстати, я не говорила, что Нейпиры съезжают? Так что в моем доме будут новые жильцы, и как прежде все равно не будет.

— Интересно, кто у вас поселится? — с любопытством спросила мисс Стэтхем.

— Пока не знаю. Почему-то мне кажется, что

женщины, которые станут ходить в нашу церковь.

— Тут может таиться опасность, — с удовлетворением заявила сестра Блэтт. — Придется приглядывать за отцом Мэлори.

— Как это верно, сестра! — вмешался подслушавший конец разговора мистер Моллет. — Что бы с нами сталось, если бы вы, дамы, за нами не приглядывали?

Глава 26

Второй раз прощаться с Роки было легче. Они с Еленой почти жалели, что уезжают, и были со мной очень милы. Накануне отъезда они пригласили меня к себе, и Роки откупорил бутылку вина. Видя их вместе, веселых, флиртующих и спорящих, я почувствовала себя серенькой и скучной, точно знакомство с ними никак на меня не повлияло.

— Уж вы присмотрите, пожалуйста, за бедным Иврардом Боуном, — сказала Елена. — Он так нуждается в любви хорошей женщины!

— Рад, что ты не утверждаешь, будто твоя была такой, — легкомысленно бросил Роки. — Лично я не могу представить, чего бы мне хотелось меньше любви хорошей женщины. Это было бы… о… что-то очень уютное и удушающее, и безрадостное, как большое серое одеяло… возможно, армейское одеяло.

— Или как белый кролик, которого вам вдруг сунули в руки, — предположила я, чувствуя, как от вина по телу разливается тепло.

— Но белый кролик-то может быть довольно

симпатичным.

— Да, поначалу. Но через некоторое время уже не знаешь, что с ним делать, — сказала я, посерьезнев и вспоминая, что уже вела разговор о белых кроликах с Иврардом Боуном.

— Бедная Милдред, нехорошо было предполагать, что любовь хорошей женщины скучна, когда мы знаем, что она такая хорошая, — сказала Елена.

— И вовсе не скучная, — вполне предсказуемо откликнулся Роки. — Но Милдред уже сговорена за священника, и не станешь же ты отрицать, что после своих злополучных переживаний он имеет право первенства.

— О, его окружают хорошие женщины, — откликнулась я.

— А по мне, так он милый, — ответила Елена, — но у него вечно собрания молодежного клуба, и он никогда не сводит тебя в паб.

— Мы с ним как-то ходили выпить, — возразил Роки. — И долго говорили про Италию. «С вербной веткой войди за меня в Санта-Кьяра, вербную ветку за меня освяти» и так далее. — Встав, он принялся расхаживать по комнате, касаясь голых стен и выглядывая из окон, на которых уже не было штор.

— Интересно, кто будет сидеть в этой комнате через месяц? — задумчиво протянул он. — Интересно, ощутят ли они тут какую-то атмосферу? Может, нам вырезать свои имена в каком-нибудь потайном месте? Так хочется запечатлеть себя где-то для вечности.

— Вы собирались подарить церкви мемориальный витраж, — напомнила я.

— Да, но он обойдется недешево. А кроме того, на мой взгляд, это будет безобразный витраж.

— Да-да, а после сказали, что сделаете пожертвование на покупку ладана.

— Боже ты мой, и верно. — Достав бумажник, он вынул фунтовую банкноту, которую я быстро спрятала в сумочку.

— Так тебя не запомнят, — возразила Елена. — Деньги потратятся, и ты их только потеряешь. Наверное, лучше написать что-нибудь на стекле кольцом с брильянтом. Вот, попробуй, Роки. — Она сняла с пальца кольцо.

— «Когда мою могилу вскрыть придут, чтоб гостя подселить[33], — нараспев произнес Роки. — Но, возможно, строчка из Данте подойдет лучше, вот только бы вспомнить какую-нибудь.

---

[33] Примечания: 33
Джон Дон. «Мощи». Перевод Д.В. Щедровицкого.

— Я знаю только «оставь надежду всяк сюда входящий», — сказала я. — Но это тут не вполне кстати, и что-то про то, что нет худшей горести, чем помнить о счастье в пору бедствий.

— Да! — Роки хлопнул в ладоши. — Оно самое!

Nessun maggior dolore,
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria[34].

— По-моему, не слишком доброе приветствие новым жильцам, — с сомнением протянула я.

— Ох, Милдред, не верьте всякой чепухе: люди любят вспоминать о счастье в дни несчастья. И вообще, никто не поймет, что это значит.

— Очень многие, кто был в Италии во время войны, выучили итальянский, — возразила я.

— Но не Данте же! Благородные воины союзных войск усвоили всего несколько фраз-приказов, но кое-кто продвинулся до вопроса, готов ли обед, и зазубрил названия нескольких вин.

— Если только у них не было любовниц-итальянок, — вставила Елена.

— О, тогда они их одомашнили и обучили ан-

---

[34] Примечания: 34

Нет большего горя, чем вспоминать о счастливом времени в несчастье.

глийскому, — хладнокровно отозвался Роки.

— Думаю, новые жильцы все равно ничего не поймут, — промямлила я.

— Разумеется, у меня не хватит терпения вырезать как следует. — Роки осмотрел написанное. — Буквы вышли не слишком аккуратно, но мы по крайней мере можем быть уверены, что оставили по себе какой-то след.

— Но вам незачем было стараться. Люди ведь остаются в памяти, — сказала я, боясь быть неверно понятой, но уверенная, что так оно и будет.

Роки наградил меня своим характерным взглядом и улыбнулся.

— А вы что будете делать, когда мы уедем? — спросила Елена.

— У Милдред же была своя жизнь до нашего приезда, — напомнил ей Роки. — Что называется, полная жизнь, с духовными лицами и благотворительными распродажами, церковными службами и приходскими собраньями.

— Я думала, такую жизнь ведут как раз те женщины, у которых нет полной жизни в общепринятом смысле, — отозвалась Елена.

— Тогда она выйдет замуж, — уверенно сказал Роки. Они говорили обо мне так, точно меня не было рядом.

— Иврард может позвать ее слушать доклад в научном обществе, — предположила Елена. — Это расширит ее кругозор.

— Возможно, — вставила я смиренно из-за своей узости.

— Но тогда она заинтересуется каким-нибудь маленьким племенем, которое живет где-то на краю света, и ее кругозор может еще больше сузиться, — возразил Роки.

Мы до поздней ночи обсуждали мое будущее, но едва ли можно было ожидать, что мы придем к какому-то практическому решению.

Проводив их на следующий день, я с некоторой грустью вернулась в тихий пустой дом, спрашивая себя, увижу ли их когда-нибудь снова. Конечно, мы обменялись обычными обещаниями писать, и меня пригласили навещать их, когда только пожелаю.

Оказывается, мужья и жены могут расставаться и воссоединяться, и я радовалась этому, но что последует за воссоединением? Говорят, что страдания очищают и возвышают, и известно, что иногда так действительно случается, но научится ли Елена быть аккуратнее на кухне или Роки — проявлять интерес к клановым группировкам по материнской линии родства? После пережи-

того ими ожидать такого и слишком много, и слишком мало, и я думала, что не способна заглянуть в их будущее. Я могла только приготовиться принять Елену, если она когда-нибудь окажется с чемоданом у меня на пороге, хотя, возможно, это привилегия Эстер Кловис.

Потом я подумала об Иврарде Боуне, и мне даже захотелось приготовить ему как-нибудь мясо. У меня появилась безумная мысль вступить в Доисторическое общество — если бы я только знала, как за это взяться. Состоять в нем, вероятно, много проще, чем в научном обществе, члены которого, очевидно, должны иметь какие-то познания в антропологии или интерес к этой науке. Но ведь кто угодно может выкапывать из земли черепки или бродить по болотам в поисках дольменов — так во всяком случае мне по невежеству казалось. Но потом мне в голову пришла более практичная мысль. Предполагалось, что я буду держать Иврарда в курсе новостей о Нейпирах. Возможно, он не знает, что они помирились и уехали из Лондона, чтобы жить в деревне. Почему он мне не позвонил? Возможно, он тоже уехал или лежит больной у себя в квартире, где за ним некому ухаживать… Тут мое воображение готово было пугающе разыграться. Ну, по

крайней мере я увижу его в Великий пост, благоразумно одернула я себя, на полуденных службах в Сент-Эрмине. Я напомнила себе, что есть стихотворение, начинавшееся со слов «В город пост пришел с любовью», и поспешила отыскать его в «Оксфордском сборнике английской поэзии». Но стихотворение оказалось из очень ранних, помеченное «прибл. 1300», и хотя в конце страницы имелся словарик незнакомых слов, сами строки не слишком меня утешили.

Взблагодарим влюбленных голубцов
за сведанные тайны
и нам явленные решенья их.

Я подумала, что это намек мне: нельзя вести себя столь опрометчиво.

Несколько дней спустя я прогуливалась неподалеку от здания научного общества — иными словами, делала то же самое, что и во времена Бернарда Хизерли. Прогулка по Виктория-парейд в сгущающихся сумерках, быстрый взгляд на окно с кружевными занавесками, надежда или страх, что рука отодвинет занавеску и за ней покажется тень… Неужели нет конца унижениям, каким мы себя подвергаем? Разумеется, говорила я себе, нет никаких причин, почему мне было бы

нельзя пройти мимо здания научного общества, улица ведь вела в десятки мест. Поэтому, подходя к зданию, я не склонила от стыда голову, а даже подняла глаза — и увидела бородача, который вышел на балкон, а еще Иврарда Буона, который выходил из дверей с Эстер Кловис.

У Эстер Кловис волосы, как шерсть у собаки, но она весьма одаренная особа, уважаемая и высоко ценимая Иврардом Боуном, более того, эта женщина способна составить предметный указатель и вычитать гранки. Я испытала настоящий шок, увидев их вместе, особенно когда Иврард взял ее за локоть. Правда, они в тот момент переходили через улицу, и любой мужчина с мало-мальски хорошими манерами мог бы в таких обстоятельствах поддержать даму за локоть, уговаривала я себя, но все равно очень расстроилась. И решила, что пойду на ленч в огромную столовую, куда иногда ходила с миссис Боннер. Это приведет меня в надлежащее расположение духа, заставит думать о смертности своей и вообще всех людей на грешной земле, если вообще возможно медитировать в очереди терпеливых людей, двигающих свои подносы.

— Милдред! Разве вы меня не видели? — Голос Иврарда прозвучал чуть раздраженно, словно

ему пришлось бежать, чтобы меня догнать.

— Я думала, это вы меня не видели, — огорошенно ответила я. — А кроме того, вы были не один.

— Это была всего лишь Эстер Кловис.

— Она очень одаренная особа. Что вы с ней делали?

— Делал? Так получилось, что мы выходили вместе, и она собиралась на ленч с подругой. Вы идете на ленч? Можем пойти вместе.

— Да, собиралась, — ответила я и объяснила, куда иду.

— Нет, туда никак нельзя, — нетерпеливо отмахнулся он, и, конечно же, мы пошли в ресторан — по его выбору неподалеку от здания научного общества.

Естественно, ленч не оправдал моих ожиданий, хотя кормили там очень хорошо. Я с удивлением поняла, что мне очень хотелось увидеться с Иврардом. Мне даже стало неловко за свое разыгравшееся воображение, за мысли о том, что он лежит один, совсем больной и за ним некому ухаживать. Ничего более далекого от реальности и вообразить было невозможно.

Разговор не клеился, и я начала рассказывать о людях с подносами в огромной столовой и пред-

положила, что гораздо полезнее было бы пойти туда, где нам напомнили бы о бренности бытия.

— Но мне что ни день о ней напоминают, — воспротивился он. — Достаточно только посидеть в библиотеке научного общества, чтобы понять, что и твой конец не за горами.

После этого обстановка немного разрядилась. Я рассказала ему про Нейпиров, а он пригласил меня к себе пообедать. Я пообещала приготовить мясо и оттого почувствовала себя гораздо лучше, ведь это казалось искуплением, своего рода ношей, — но раз она взвалена добровольно, то способна доставить некоторое удовольствие.

Когда мы уже собирались уходить, появились двое мужчин и сели за столик возле нашего. Мне незачем было объяснять, кто это.

— Эпфельбаум и Тирелл Тодд, — произнес, понизив голос, Иврард. — Рискну предположить, вы помните, кто они такие.

— Ах да, вы с Еленой встретили их как-то в час ночи, и все были очень удивлены. Я часто об этом вспоминаю, и всякий раз мне хочется рассмеяться.

— Ну, за этим ничего не последовало, — довольно сухо откликнулся Иврард. — Наверное, действительно было забавно. Полагаю, их боль-

ше заинтересует, что они увидели меня с кем-то незнакомым. Обязательно как-нибудь приходите послушать лекцию Тодда о пигмеях.

— Спасибо… С большим удовольствием.

Домой я шла довольно медленно, воображая, как обедаю с Иврардом у него на квартире; потом увидела себя на собрании научного общества, где слушаю лекцию Тирелла Тодда о пигмеях. И, уже собравшись задать исключительно умный и каверзный вопрос оратору, я сообразила, что почти пришла домой, а у двери стоит фургон для перевозки мебели. Подойдя ближе, я смогла рассмотреть выгруженное добро, потерянно ждущее хозяев посреди тротуара. Тут было несколько дубовых стульев, раздвижной стол, расшитая ширма и резной сундук — подобного рода добротные, но малоинтересные вещи и ожидаешь увидеть у таких, как мы. Я догадалась, что их владелицы скорее всего женщины вроде нас с Дорой, хотя никак не могла бы определить, старше они нас или моложе.

Поднималась я, стараясь не шуметь, поскольку мне не хотелось пока с ними знакомиться, но как раз, когда я проходила мимо двери на кухню Нейпиров (так я всегда буду ее про себя называть), оттуда раздался пронзительный, но принадле-

жащий, по всей видимости, воспитанной особе голос:

— Это мисс Лэтбери?

Я застыла как вкопанная, а потому не успела сбежать. На пороге возникла невысокая седая женщина с грелкой для чайника в руках.

— Я Шарлотта Бонифейс, — представилась она. — Мы с моей подругой Мейбл Эдгар как раз въезжаем — вы и сами видите. — Она коротко хохотнула.

«Опять пара замечательных женщин, — покорно подумала я. — Какая тоска, что мое пророчество сбылось». Но потом я утешила себя мыслью, что как раз с такими жить в одном доме проще всего.

— Эдгар! — крикнула в комнату мисс Бонифейс. — Иди познакомься с мисс Лэтбери, которая живет в квартире над нами.

Вышедшая на зов высокая седая женщина с молотком улыбнулась мне мягко и чуточку застенчиво.

— Входите, выпейте с нами чаю, мисс Лэтбери, — пригласила мисс Бонифейс.

На полу в гостиной уже лежал ковер, часть мебели была расставлена кое-как. Мисс Эдгар вернулась на стремянку, чтобы закончить ве-

шать картины — темные с виду репродукции итальянских старых мастеров.

— Прошу меня простить, — сказала она. — Мне всегда приходится вешать картины, потому что Бони не достать. Стены тут не слишком хорошие, штукатурка крошится, когда гвозди вбиваешь.

— Боже мой, — как полагается в таких случаях, вздохнула я, испытав облегчение, что тут я ничего не могу поделать. — Надеюсь, вам здесь понравится.

— Просто чудесно будет иметь наконец дом, окружить себя собственными вещами, — откликнулась мисс Эдгар. — Думаю, тут мы будем счастливы. Мы нашли знамение. — Понизив голос почти до шепота, она ткнула молотком в сторону окна.

Я увидела только нацарапанные Роки на стекле строчки из Данте.

— Какое?

— Наш любимый Данте, — благоговейно произнесла мисс Бонифейс. — Разве может быть предзнаменование лучше? Эти чудесные строки! — И она процитировала их с произношением много лучшим, чем у Роки.

— Кто бы ни делал гравировку, — добавила мисс Эдгар, — он допустил маленькую ошибку. —

Он или она написали «Nessun maggiore dolore», а должно быть, конечно, «Nessun maggior dolore», без «е» на конце, понимаете? С другой стороны, этот человек, возможно, думал о Лаго-ди-Маджоре. Скорее всего вспоминал о счастливом времени, которое там провел. Интересно было бы узнать, как строки оказались на окне, — за ними, наверное, кроется какая-то история.

Я решила, что не могу раскрыть эти обстоятельства, и разговор перешел на другое. Я узнала, что мисс Бонифейс и мисс Эдгар многие годы прожили в Италии, а теперь зарабатывают на жизнь преподаванием итальянского и переводами. Они выстреливали в меня вопросами, говорили то по очереди, а то и хором. Я рассказала им про прачечную, бакалейную лавку и мясника, где они могли бы встать на учет, и мы перешли к подробному обсуждению ванной. К этому они подошли дотошнее Нейпиров и настояли, что надо завести график уборки.

— Хорошо, — согласилась я. — Одну неделю убираю я, другую — вы.

— Нет, нет, нас ведь двое. Мы убираемся две недели, потом вы — одну и так далее.

Вопрос о туалетной бумаге не обсуждался открыто, как это было с Еленой, но позднее я

заметила, что на привычном месте появился новый рулон. Казалось, мисс Бонифейс и мисс Эдгар станут очень приятными соседками и настоящим подарком для прихода.

— А где ближайшая церковь? — спросила мисс Эдгар.

— О, совсем близко, не больше двух минут пешком. Я дружу с отцом Мэлори и его сестрой. Он собирался жениться, но помолвка была разорвана, — светским тоном добавила я.

Мне показалась, вид у них стал чуть удивленный, но потом до меня дошло, что они, возможно, имели в виду римско-католическую церковь, и я поспешила объясниться.

— Ну конечно, ошибки случаются, — любезно ответила мисс Эдгар. — Про Вестминстерский собор мы, конечно, знаем, но ведь должна быть церковь поближе.

— Конечно. Церковь Святого Алоизия, священником там отец Богарт. Полагаю, он очень приличный человек.

«Мировой мужик», — как описала его на благотворительном базаре миссис Райан, и я часто видела, как он едет на велосипеде: румяный молодой ирландец, который машет встречным прихожанам или восклицает «Пока-пока!» по

окончании разговора.

Я предположила, что они обратились в Италии — это место казалось вполне подходящим для перехода в католичество.

— Там, где мы жили, настоящих английских церквей вообще не было, — почти извиняясь, пояснила мисс Бонифейс. — В лучшем случае комната в обычном доме, а это, сами понимаете, не слишком настраивает на духовный лад.

— В одном углу там был алтарь, наверное, в восточном, — с сомнением добавила мисс Эдгар. — Но сразу было видно, что это каминная полка, и под ней, возможно, даже огонь разводят.

— И священник, мистер Гриффин, нам совсем не нравился, — добавила мисс Бонифейс, — очень уж он был кальвинистский.

— И паства сплошь спесивая и не слишком дружелюбная, — подала голос мисс Эдгар. — Понимаете, мы с Бони были гувернантками, а они по большей части титулованными и жили в Италии ради удовольствия.

— О да, очень вам сочувствую, — неопределенно пробормотала она.

И я действительно понимала их чувства, хотя причины казались не вполне соразмерными

поступку; несомненно, были и другие, более серьезные, но едва ли меня в них посветят.

— Очень надеюсь, что вы дадите мне знать, не могу ли я для вас что-нибудь сделать, — сказала я, вставая. — Возможно, одолжить вам что-то из кухонных принадлежностей? Молоко и хлеб у вас есть?

Оказалось, что у них есть все необходимое, и мы весьма сердечно расстались. Поднимаясь к себе, я так и видела, как мы ведем интересные беседы о религии, но пришло время собираться на ужин к Уинифред и Джулиану Мэлори.

— Какое странное совпадение, — сказала я. — Помните, я пришла к вам на ужин сразу после того, как въехала Елена Нейпир.

— Да, и Джулиан как раз получил анонимное пожертвование в реставрационный фонд, — вспомнила Уинифред.

— Вы узнали имя жертвователя? — спросила я.

— Это была Аллегра Грей, — беспечно отозвался Джулиан. — Неужели я не говорил?

— Нет. Кажется, я вообще не знала. И сомневаюсь, что догадалась бы. Предполагалось ведь, что она бедна, — добавила я, вспомнив исключительно деликатный разговор об арендной плате, который передал нам Джулиан.

— От этого пожертвование становится тем более ценным, — сказал Джулиан.

В этот момент в голову мне пришла недостойная мысль. А что, если бы я сделала анонимное пожертвование, скажем, двадцать фунтов? Джулиан бы тогда предложил руку и сердце мне? Интересно, Аллегра Грей пожалела о пожертвовании, когда помолвка была разорвана, или вообще о нем не думала? Возможно, она из тех щедрых людей, кто не помнит, когда дает деньги, а дав, не думает об утраченном… Тут я осеклась, вспомнив вдруг, как Роки вечером перед отъездом сунул мне в руки фунтовую банкноту. Наверное, я убрала ее в сумочку и совершенно о ней забыла.

— Джулиан, — начала я, — я совершила ужасную вещь. Роки Нейпир дал мне фунт и сказал, что это на покупку ладана высшего качества, а я начисто об этом забыла!

Порывшись в сумочке, я нашла банкноту среди купонов, пайковых карточек, списков покупок, старых писем и прочих разностей, какие скапливаются в дамских сумочках.

— Как мило с его стороны, — улыбнулся Джулиан. — Мне он показался обаятельным малым. Я так рад, что он уладил свою глупую ссору с женой. Она тоже очень милая. Знаете, Милдред, я столк-

нулся с ней как-то вечером, выходя из церкви, и мы пошли пропустить по стаканчику.

— Об этом она мне не рассказывала. Она, напротив, жаловалась, что у вас вечно собрания молодежного клуба, — сказала я, восхищаясь, что Елена все-таки добилась своего. — Я буду по ним скучать. Но новые жилицы кажутся приятными. Две старые девы средних лет.

— Э, да, очень уместно… — Кивнув, Джулиан снова стал очень и очень клерикальным. — Ревностные прихожанки, не сомневаюсь. — Он как будто смирился с такой перспективой.

— Не знаю, не знаю, — рассмеялась я. — Об этом вам придется расспросить отца Богарта.

— Вот как? Отца Богарта? Так они католички? — спросил Джулиан, от облегчения переходя на ирландскую картавость.

— Боюсь, что так, — покаянно сказала я, точно это моя вина. — Но уверена, вы не позавидуете ему из-за пары благовоспитанных прихожанок. В его пастве таких немного.

— Мне они показались довольно приятными, — вставила Уинифред. — Я случайно проходила мимо, когда они разговаривали с грузчиками. Надеюсь, мы подружимся.

— Они много лет прожили в Италии.

— В Италии! О, как чудесно!

Уинифред сжала на груди руки, и я услышала в ее голосе знакомую нотку энтузиазма. Заглядывая чуть наперед, я почти вообразила себе, как Уинифред захочет перейти в католичество, и задумалась, должна ли я быть рядом, чтобы помочь разрешить этот кризис. Такого в части помощи или вмешательства в чужую жизнь на мою долю пока еще не выпадало… Интересно, по плечу ли мне будет с этим справиться?

Глава 27

Незадолго до обеда у Иврарда Боуна мне на ум пришло, что там, разумеется, будет Эстер Кловис. Это казалось вполне логичным, особенно если учесть, что Иврард писал статью для научного журнала, а еще работал над книгой о своей экспедиции в Африку. Я непременно застану ее у него на квартире за вычитыванием гранок или составлением указателя… Такая картина меня совсем не порадовала. Я решила, что постараюсь прикинуться особой, решительно не способной ни на то, ни на другое. Внешность у меня очень ординарная, и одеваюсь я малоинтересно, но новое платье, которое я купила, свидетельствовало о попытке, возможно, ошибочной, как-то себя изменить. Оно было черным — этого цвета я никогда раньше не носила, только когда была в трауре после смерти родителей. Я часто видела в черном Елену, но ее светлые волосы и белая кожа соответствовали ему лучше, чем моя невзрачная серость. К тому же она умела оживить его ярким цветовым пятном или «важной драгоценностью», как советуют женские журналы.

У меня не было «важных» драгоценностей, кроме броши с хорошей камеей, доставшейся мне от бабушки, так что я закрепила ее на маленьком воротничке, плотнее обычного зачесала волосы назад — и в целом выглядела именно так, как женщина, способная выправить гранки или составить указатель. И все-таки, думала я, Эстер Кловис с ее собачьими волосами скорее всего будет одета в твидовый костюм и блузку с рюшами. По крайней мере я хотя бы чем-то буду отличаться.

Выйдя из дому, я столкнулась с мисс Стэтхем, которая направлялась в церковь.

— Здравствуйте, дорогая, — протянула она, глядя на меня несколько подозрительно. — Что вы сделали с волосами? — спросила она наконец.

— Не знаю, — слабо ответила я. — Ничего особенного.

— Выглядит зализанно, точно вы в баню собрались, — весело сказала она. — Не сочтите за обиду, но раньше выглядело лучше.

— А как я укладывала волосы раньше?

— Ну… не знаю… Но было как-то мягче, больше вокруг лица.

Что-то менять было теперь слишком поздно, и, возможно, не стоило огорчаться из-за мнения

мисс Стэтхем. Как-то мягче и больше вокруг лица… Ну кто захочет так выглядеть? Уж сама она-то не писаная красавица, как выразилась бы Дора.

Сделав вдруг шаг вперед, она взяла меня за руку.

— Да, вспомнила, что хотела вам рассказать. Я тут утром в субботу заглянула в «Бейкерс», и кого, вы думаете, там увидела? Ни за что не догадаетесь!

— Миссис Грей? — предположила я.

— Ну вот, а я думала вас удивить! Так или иначе, — продолжала она, быстро оправившись от разочарования, — мне было чуточку неловко, и я собиралась пройти мимо — она ведь белье рассматривала, понимаете… Но нет, она сама за мной пошла и начала расспрашивать о новостях в приходе, и как все поживают, и даже о самом отце Мэлори… Я не знала, что и сказать.

— Могли бы рассказать ей про рождественскую ярмарку.

— Так я и сделала, а она сказала, что, наверное, даже придет! Можно подумать, у нее ни капли стыда нет! И вообще, она, похоже, уже нашла квартиру — в лучшей части Кенсингтона, вот что она сказала — в районе почище нашего! И там три или четыре англо-католические церкви, все

минутах в десяти ходьбы, а то и меньше.

— Embarras de richesse[35].

— Что-что, дорогая? А в той, куда она решила ходить, есть священник и два младших священника, и все как один холостые! Она сама мне так сказала. Они все вместе живут при церкви.

— Боже ты мой, наверное, им пришлось объединиться, чтобы защищать себя вместе и по отдельности.

— Вот-вот, — откликнулась мисс Стэтхем. — Мне почти захотелось посоветовать им поостеречься.

— Я думала, она устала от духовных лиц. Замужем за одним, помолвлена с другим, разве этого не достаточно?

— Ну, может, привязываешься к определенному типу мужчин, — благодушно заметила мисс Стэтхем, — хотя, должна признать, они совсем не такие приятные, как отец Мэлори.

Колокол зазвонил к повечерью, и Джулиан поспешил из дома священника в церковь.

Зажав рот рукой, мисс Стэтхем хихикнула сквозь пальцы.

— Помяни черта, а он тут как тут! — восклик-

---

[35] Примечания: 35
Затруднение от избытка *(фр.)*.

нула она и побежала за ним в церковь.

Я пошла своим путем, чувствуя себя уже не столь уверенно, как когда выходила, но интерес к новостям об Аллегре Грей несколько отвлек меня от мыслей о прическе. Теперь, когда она исчезла из нашей жизни, я была доброжелательней к ней настроена и не завидовала ее квартире в лучшей части Кенсингтона и ее трем холостым священникам. Я не сомневалась, что рано или поздно она какого-нибудь на себе женит.

Сойдя с автобуса, я свернула на улицу, где располагался дом Иврарда Боуна, и нос к носу столкнулась с Уильямом Колдикотом.

— Надо же, Милдред! — воскликнул он. — Но я едва тебя узнал. Вид у тебя чуточку triste[36] обычного. В чем дело? — Отойдя на шаг, он задумчиво меня рассмотрел. — Возможно, из-за прически? Или из-за строгого платья. — Он покачал головой. — По правде сказать, так сразу и не определишь.

— По-твоему, так лучше? — спросила я, исполненная дурных предчувствий.

— Лучше? Э… Кто я такой, чтобы высказывать свое мнение? Лучше, чем ты обычно выглядишь?

---

[36] Примечания: 36
Печальный *(ит.)*.

Но как ты обычно выглядишь? И не упомнишь… Ты куда направляешься? Не ко мне ли?

Мне почудилась в его голосе нотка тревоги, а потому я поспешила его успокоить.

— Ну, может, оно и к лучшему. Я не смог бы тебя принять, как хотелось бы. У меня маленькая курочка en casserole[37] запекается, но это очень маленькая курочка, а сейчас я бегу к моему виноторговцу, который, надеюсь, еще не закрылся, поскольку я только что на беду свою обнаружил, что в погребке у меня ничего, кроме белого вина, нет.

— Какой ужас! — пробормотала я. — Полагаю, купишь бутылку «Нюи де Сен-Жорж»?

— Возможно… У него есть вполне сносное бургундское. Единственно, боюсь, вино едва ли будет chambre[38] к тому времени, когда его пора будет открывать.

— Тогда почему бы не поставить бутылку на пару минут у камина или в теплую воду? — предложила я. — Тогда вино согреется.

— Согреется! Милдред, дорогая моя, нельзя говорить такие вещи. Кто-нибудь может не перенести

---

[37] Примечания: 37
В форме для запекания *(фр.)*.

[38] Примечания: 38
Комнатной температуры *(фр.)*.

шока. Таких слов я ожидал бы от бедной Доры, но от тебя — никогда.

Я почему-то сочла себя польщенной.

— Если ты обедаешь один, — предложила я, — никому и знать про такое не надо.

— Тут ты, конечно, права. Есть удовольствие в тайном пороке. Можно чувствовать себя порочным и одновременно получать удовлетворение от того, что никому больше вреда не приносишь, — даже как-то приятно.

— Несомненно, — отозвалась я. — А теперь мне правда пора. Меня пригласили на обед, и, вероятно, придется помочь с готовкой.

— Сколько у тебя забот! — воскликнул Уильям. — Я всегда предпочитаю полностью контролировать приготовление пищи или вообще ни за что не отвечать. Я бы лучше не смотрел, как в подливу подмешивают «Боврил»[39] или делают другие ужасные вещи.

Расстались мы со взаимными выражениям озабоченности по поводу обеда, который каждому из нас предстоит, хотя мне показалось, что относительно своей птички Уильям был несколько самодоволен.

---

[39] Примечания: 39

Фирменное название пасты или экстракта из говядины для приготовления бульонов.

Звоня в дверь квартиры Иврарда, я поняла, что опоздала. Мисс Стэтхем и Уильям меня немного задержали, но так было даже лучше, чем прийти слишком рано и медленно брести в темноте мимо нужного дома, надеясь, что тебя не увидят из верхнего окна.

— А, вот и вы, — сказал, открывая дверь, Иврард.

Не верх гостеприимства, но я уже достаточно хорошо его знала, чтобы понимать, что он никогда не выражает большой радости, когда кого-то видит.

— Боюсь, я немного опоздала.

Сняв пальто и вешая его на крючок, я, к некоторому своему потрясению, обнаружила на одной стене зверского вида африканские маски. Зеркала тут, к счастью, не было, и, смирившись с судьбой, я стала ждать, когда Иврард отпустит какое-нибудь замечание по поводу моей внешности. Но, к моему облегчению, ничего не последовало, и через некоторое время я сообразила, что он, по всей видимости, считает, что я выгляжу в точности как обычно. Или слишком вежлив, чтобы что-то сказать.

— Знаю, на что вы смотрите, — сказал он, — и знаю, что это непростительный грех. Могу только

надеяться, что вы забудете, что видели, и позволите этому остаться нашей тайной.

— Думаю, все тайком ставят вино к огню, — отозвалась я. — Я и не знала бы, что так нельзя, если бы Уильям Колдикот только что меня не просветил. Но как же мясо? Разве его не нужно ставить в духовку?

— Домработница все приготовила. Она что-то поставила в духовку, — неопределенно ответил он. — Птицу, цыпленка или что-то. Полагаю, с этим все в порядке. Возможно, вы согласитесь помочь ее достать… Кажется, в половине восьмого.

— Она в формочке для запекания?

— А должна быть? Тогда рискну сказать, что да.

— А кухонная прихватка у вас есть?

На мгновение вид у него стал встревоженный, но потом его лицо осветила улыбка. Мы сели у камина, и он налил мне хереса.

— Она вроде бы висит на гвозде у плиты. Там ей место? — спросил он. — Как будто припоминаю.

Не слишком остроумная беседа, подумалось мне, но сойдет. Мы мирно пили херес, пока я вдруг не вспомнила про Эстер Кловис. Без сомнения, она объявится перед самым обедом, когда я буду доставать формочку из духовки. Ни одна

женщина не бывает на высоте, когда достает что-то из духовки, а я не способна даже вычитывать гранки или составлять указатель.

— Где мисс Кловис? — спросила я напрямик.

Вид у него сделался удивленный.

— У себя дома, наверное. А где ей еще быть?

— Я думала, она придет на обед.

— На обед? Вам бы хотелось ее пригласить? Боюсь, я об этом не подумал.

— Я думала, вы ее уважаете и высоко цените.

— Да, конечно, но это ведь не значит, что я должен приглашать ее на обед.

Повисло молчание, и я осмотрела комнату — приятную, но ничем не примечательную: большой письменный стол, множество книг и бумаг, но никаких фотографий и ничего интересного на каминной полке, если не считать карточки с осенней программой научного общества.

— Как ваша матушка? — спросила я.

— Спасибо, очень хорошо.

— А мисс Джессоп?

— Мисс Джессоп?

— Та дама, что сидела в гостиной тем вечером, когда я у вас обедала.

— Боюсь, я ничего о ней не знаю.

— Думаю, пора посмотреть, как там форма для

запекания. — Я встала. — Сейчас ровно половина восьмого.

Птица получилась очень вкусная, и уверена, даже у Уильяма не вышло бы лучше. Красное вино было совершенно chambre, а беседа значительно потеплела, так что к тому времени, когда мы сидели за кофе у мурлыкающего газового камина, в комнате воцарилась уютная атмосфера.

— Мне было бы очень интересно посмотреть статью, которую вы пишете для научного журнала, — сказала я.

— Она чересчур скучная, не стану вас так мучить.

— А как насчет книги? Как она продвигается?

— Как раз получил кое-какие гранки, а потом, разумеется, придется взяться за указатель. Не знаю, как найду для всего время, — сказал, не глядя на меня, Иврард.

— Но разве некому этим заняться? — спросила я.

— Вы про замечательных женщин, которых высоко ценят и уважают?

— Да, наверное, я именно их имела в виду.

Возникла пауза. Я смотрела в газовый огонь, и это было в сто раз лучше спирали калорифера, в который я смотрела с Джулианом.

— Я тут подумал… — неуверенно начал Иврард, — но нет… я не мог бы вас просить. Уверен, вы слишком заняты.

— Но я не умею! — запротестовала я.

— Я бы вам показал! — с пылом предложил он. — Вы быстро научитесь. — Встав, он принес со стола стопку гранок и машинописных страниц. — На самом деле все просто. Вам нужно только посмотреть, совпадает ли лист гранок с листом машинописи.

— Наверное, могу попробовать, — сказала я, беря лист гранок и глядя на него с сомнением.

— Великолепно! Какая же вы добрая! — Я никогда не видела Иврарда таким воодушевленным. — А может быть, вы и с указателем справитесь? Долго читать гранки скучновато. А указатель стал бы для вас приятной переменой.

— Да, действительно, перемены бывают приятны, — согласилась я.

И не успею оглянуться, как окажусь у его плиты, чистя картошку и моя посуду, — это станет приятной переменой, когда удовольствие от вычитывания гранок и составления указателя поблекнут. Стоит ли какой-либо мужчина такой обузы? Скорее всего нет, но ее взваливаешь на себя бодро и весело, и в конечном итоге она мо-

жет обернуться не такой уж тяжелой. Возможно, мне позволят разговаривать с миссис Боун о древоточцах, птицах или иезуитах или узнать, кто такая на самом деле мисс Джессоп и почему от нее требовали извинений.

— Наверное, это будет интересная работа, — довольно церемонно сказала я и начала читать лист гранок, который держала в руках. И тут же на меня нахлынуло отчаяние, поскольку текст был совершенно неудобоваримый. — Но я его не понимаю! — воскликнула я. — Не представляю, что на самом деле значат эти фразы?

— Не пугайтесь, — улыбнулся Иврард. — Рискну предположить, что со временем вы начнете понимать. Помните жену покойного президента?

— Ну, это, конечно, может послужить утешением, — отозвалась я, снова увидев себя в зале научного общества, где в плетеном кресле первого ряда сидела старушка со своим вязаньем. Доклад тек сквозь нее, а она просто сидела и щелкала спицами, а потом они выскользнули у нее из рук, и ее голова упала на грудь. Она заснула, но это не было поводом расстраиваться. Никто не придал этому значения и даже не заметил, когда ее голова снова рывком поднялась и она огляделась по сторонам невидящими глазами,

недоумевая с минуту, где очутилась. В конце концов, она всего лишь жена президента и вообще всегда засыпает.

Потом перед моими глазами предстала другая картина: Джулиан Мэлори стоит у калорифера в своем крапчатом макинтоше с ракетками для пинг-понга в руках и цитирует не вполне подходящую фразу из Китса. Его, возможно, придется защищать от женщин, которые станут жить в его доме. Иными словами, с моими обязанностями в приходе и работой, которую я собиралась делать для Иврарда, меня как будто все-таки ожидала — как выразилась Елена — «полная жизнь».